
МЕЧ и ПОСОХ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ЭПОС
Последнее полнолуние
САГА О РАСЕ ВОИНОВ
К. ЧЭРРИ

Угасающее солнце: Кесрит
Кэролайн Дж. Черри

Аннотация
Кэролайн Дж. Черри. Угасающее солнце: Кесрит
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23

Аннотация

В космосе столкнулись три расы: человечество, регулы и мри на службе регулов. События разворачиваются после 40-летней войны, в которой погибла почти вся цивилизация мри. Читатель видит закат некогда великой расы, расы с тысячелетней историей. Регулы предают мри и заключают мир с землянами, а потом, боясь мести мри, они уничтожают остатки цивилизации. В живых остается двое мри — Мать Народа и Рука Народа. К гордым и замкнутым мри присоединяется землянин Дункан. Дункан — Планетный Разведчик, который участвовал в войне с мри. Волей случая и политиков он оказывается в тесном контакте сначала с регулами, а потом с мри. Дункану и мри предстоит много испытаний и потерь...

Кэролайн Дж. Черри
Угасающее солнце: Кесрит

1

«Дитя ветра, дитя солнца, кто такие каты?

Те, кто нянчится с детьми, те, кто приносит смех, вот кто такие каты."

Это была любимая забава келов — шон'ай. Десять одетых в черное мужчин и женщин сидели кружком в полутемном круглом холле Келов в средней башне Дома. Они были воинами и играли не парой камешков, как играют дети, а острыми, как бритва, клинками ас'сеев, которые могли ранить и даже убить. Ронялось имя, щелкали пальцы, и ас'сеи летели сквозь круг сидящих игроков. Опытные руки ловили их на лету за рукоятки, отбивали ритм и посылали клинки дальше при звуке следующего имени.

«Дитя огня, дитя звезды, кто такие келы?

Носящие мечи, слагающие песни, вот кто такие келы."

Они играли молча, руки и оружие, плоть и сталь подчинялись единому ритму — старому, как само время, и знакомому, как собственное детство. Эта игра не была обычным развлечением; за простотой слов скрывался глубокий смысл.

Она звалась Игрой Народа.

«Дитя рассвета, дитя земли, кто такие сены?

Те, кто составляет руны, кто правит домом, вот кто такие сены."

Тот из кел'ейнов, кто промахивался, кому изменяло зрение или выдержка, не ценился в Доме. Мальчики и девочки, а также женщины Катов играли камешками, чтобы отточить свое мастерство. А те дети, что становились кел'ейнами, впоследствии играли только острыми клинками. Келы, подобно женщинам и детям добродушных Катов, громко смеялись во время игры. Жизнь тех, кто принадлежал к касте Келов, была недолгой, но яркой и радостной, как у мотыльков. Осознавая это, Келы наслаждались жизнью.

«Дети будущего, дети настоящего, кто мы?

Мечтатели, носители жизни, вот кто мы?"

Со скрежетом открылась дверь. По всем закоулкам башни прокатилось эхо. В холл буквально ворвался сен Сатель и без лишних церемоний устремился к игрокам.

Ритм нарушился. Клинки остались в руках Ньюна, самого младшего кел'ена. Все келы, как один, склонили головы в знак почтения перед Сателем с'Делас, главой касты Сенов, ученых. Он был одет в золотистые одежды и ворвался в по-

груженный в полумрак зал воинов-келов словно луч света. Сатель был очень стар — старше всех, живущих в Доме.

— Кел'ант, — тихо сказал он, обращаясь к Эддану, главе касты Келов. — Кел'ейны… есть новости. Прошел слух, что война закончилась. Регулы запросили мира у людей.

Наступила мертвая тишина.

Едва уловимое движение. И клинки ас'сеев, просвистев в воздухе, воткнулись в разрисованную фресками дальнюю стену.

Самый юный кел'ен поднялся и, закрыв лицо вуалью, покинул собравшихся, усугубив охватившее всех смятение.

Сен'ант и кел'ант посмотрели друг на друга. Два старика, два родственника, оба беспомощные в своей печали.

Из глубины непроницаемо-черной тени показалась громадная, с покатыми плечами, рыжеватая туша дуса. Огромное, массивнее любого человека, животное вперевалку вступило в круг света с обычным для дусов меланхоличным выражением на морде. Оно бесцеремонно протолкалось между двумя старейшинами и, ища ласки, положило голову на плечо кел'анта, который был его хозяином.

Кел'ант Эддан погладил зверя своей сморщенной от старости ладонью и посмотрел на старого ученого, который, если забыть о делении на касты и о различии в обязанностях, был его двоюродным братом. — Этому можно верить? — спросил он, и в голосе его прозвучала призрачная нотка надежды.

— Да. Это не городские сплетни. Информация поступила по официальным каналам регулов. Скорее всего, ей можно верить. — Сатель подобрал свою мантию и, зажав ее между колен, опустился на покрытый ковром пол между кел'ейнами, которые потеснились, чтобы дать ему место в круге.

Эти десять были, за единственным исключением, старейшинами Дома.

Они были мри.

На их языке это означало, что — часть Народа. Другие расы на их языке именовались ци'мри, что означало чужаки, и в этом слове слились воедино философия и религия мри, а также личное отношение старейшин.

В облике мри преобладали золотистые тона. Их легенды гласили, что они — дети солнца: кожа, глаза, густые гривы волос — все было бронзовым или золотистым. Они были расой стройных вы-

соких людей, с длинными изящными руками и ногами. Их чувства даже в старости сохраняли свою остроту, в особенности — слух. Золотистые глаза были окружены двойным рядом ресниц, выполнявших функцию мигательной перепонки, защищая глаза от пыли.

Другие расы считали мри расой воинов-наемников, так как чужаки видели в основном келов, крайне редко сенов и никогда — катов. Мри нанимались на службу к чужакам. Они служили регулам — неповоротливым ци'мри-торговцам, что были родом с Нурага, из системы звезды Маб. В течение многих столетий кел'ейны мри защищали межзвездную торговлю регулов. Как правило, их нанимали торговые компании регулов для защиты от амбициозных и безжалостных конкурентов. А следовательно, мри приходилось сражаться против мри. Эти годы и такого рода служба оказывали благотворное влияние на Народ. Кел'ейны соперничающих компаний сражались друг с другом в традиционных поединках. И так было всегда. В вооруженных столкновениях оттачивалось мастерство мри, погибали слабые, возвеличивались сильные. И ци'мри регулы уверились, что сами они не способны сражаться; что им самим не под силу разобраться в

военной стратегии, так что регулы препоручили келам мри самим улаживать конфликты, дабы те вели войны в соответствии с собственными традициями.

Но в последние сорок лет мри служили регулам, объединившимся в борьбе против цивилизации землян. Это был жестокий, мерзкий конфликт, не приносивший ни чести, ни славы, ни удовлетворения от борьбы. Старейшины мри были достаточно стары, чтобы помнить прежнюю жизнь, и потому отчетливо видели те перемены, что привнесла в их жизнь эта война. И эти перемены им жутко не нравились. Земляне были стадными животными и нападали целыми ордами. Других методов ведения войны они просто не признавали. Мри, которые обычно воевали по одиночке, не сразу разобрались в происходящем и заплатили за эту горькую истину своими жизнями. Земляне отрицали а'ани, честные поединки, оставляя без внимания вызовы на бой. Они признавали лишь свой собственный метод ведения войны — тотальное уничтожение.

Мри переборoли себя и снизошли до того, чтобы изучить врага. Они принялись подгонять под его манеру свои боевые операции и свои отношения с регулами. Мри были профессионалами во всем,

что касалось войны. Модернизация ин'ейн, древнего оружия, которое использовалось в а'ани, была немыслима и недопустима, но модернизация захен'ейн, нового оружия, разработка все новых и новых его модификаций, была делом принципа, проверкой их профессионализма в деле, которому они посвящали свои жизни.

Регулы, к несчастью, были не в силах приспособиться к новой тактике. Они обладали безграничной, практически абсолютной памятью. Они никогда не забывали свершившихся фактов, но грядущие события обычно ставили их в тупик: регулы были не в состоянии строить планы на будущее. Раньше регулы полностью полагались на мри в вопросах личной безопасности, а способность мри к предвидению — ибо мри обладали воображением — компенсировала бессилие регулов перед неведомым. Но в последнее время война начала уносить жизни регулов и наносить урон их собственности, поэтому они решили взять управление в свои неопытные руки. Основываясь на собственных оценках и представлениях, регулы отдавали приказы на проведение боевых операций, заранее обреченных на провал.

Мри повиновались из благородства.

Мри гибли тысячами из благородства.

В этом мире, в Доме, жило только тринадцать мри. Двое были молоды. Остальные определяли политику. Это был совет старейшин, ветеранов. Много лет назад в Доме было не менее двух тысяч одних только келов. Сейчас же от них осталась лишь крохотная горстка, остальные ушли на войну, навстречу смерти.

И их война была проиграна регулами, которые запросили мира у землян.

Сатель окинул взглядом этих старых кел'ейнов, настолько старых, что они уже давно пережили срок, отпущенный воинам. Память их хранила так много событий, что они уже приближались по объему знаний к сен'ейнам. Они были Мужьями Матери, наставниками по боевому искусству, когда здесь еще были дети Катов, которых следовало учить. Среди них была и Пасева — единственная женщина-кел, оставшаяся в живых. В искусстве владения оружием она уступала только самому Эддану. Здесь были Дахача и Сайрен из Нисрена, Палази и Кварас, и Лит из Гурагена. Они покинули свой вымерший Дом и были приняты Матерью этого Дома, как Мужья. Были здесь Лирен и Дебас, родные братья из другого вымершего Дома. Все они принадлежали к тем временам, которые

уже прошли и которых Народу уже не суждено увидеть вновь. Сатель чувствовал их печаль, ощущал, как передается она животным, которые беспокойно завозились в тени за их спинами. Животные, которые звались дусами, не питали дружеских чувств ни к одной касте, кроме воинов-келов. Дус Эддана презрительно обнюхал золотую мантию ученого, но придвинулся к нему поближе и бесстыдно подставил свой толстый лохматый бок, чтобы его почесали.

— Эддан, — сказал Сатель, поглаживая теплое плечо зверя. — Я должен также сказать тебе, что, судя по всему, наши хозяева уступят землянам эту планету, если те потребуют ее при заключении мирного договора.

— Это уж слишком большая уступка, — заметил Эддан.

— Не слишком, если принять во внимание последние новости. Говорят, что земляне наступают по всему фронту, верховные регулы полностью деморализованы. Превосходство землян настолько велико, что они в состоянии захватить любую спорную территорию. Они уже взяли Элаг.

Наступила тишина. Где-то в башне хлопнула дверь. Эддан вздрогнул, но это выразилось только в движении его тонких пальцев.

— Да, земляне наверняка потребуют эту планету. Они не упускают ни малейшей возможности для мести. И регулы оставили нас безо всякой защиты.

— Чудовищно! — пылко воскликнула Пасева. — Боги! Вовсе не было необходимости оставлять Элаг. Мы могли бы удержать его… отбросить землян, если бы у нас было оружие.

Сатель безнадежно махнул рукой.

— Возможно. Но для кого удерживать Элаг? Регулы бежали, прихватив с собой все свое оружие и взяв под свой контроль корабли. Теперь мы — Кесрит — стали границей. Ты прав, Эддан. Скорее всего, регулы не собираются оказывать здесь сопротивление, да это и неразумно. Но мы сделали все, что было в наших силах. Мы советовали, мы предупреждали — и если те, кто нанял нас, отказались принять наши советы, то единственное, что мы в состоянии сделать теперь, — это прикрыть их отступление. Они решили воевать сами, не слушая наших советов. Теперь они проиграли свою войну, а не мы. Эта война перестала быть нашей много лет назад. И мы в этом не виноваты. Можем сказать это с уверенностью. Сейчас уже ничего не исправить.

— Но ведь надо было действовать раньше, —

настаивала Пасева.

— Сены неоднократно пытались образумить хозяев. Мы предлагали свои услуги и советы согласно старинному договору. Мы не могли… — Сатель услышал шаги спускающегося по лестнице юноши, и этот звук сбил его с мысли. Он машинально окинул взглядом холл, и тут снизу донесся грохот захлопнувшейся двери. Эхо прокатилось по всему Дому. Сатель бросил на Эддана взгляд, полный отчаяния. — Неужели ни один из вас не сходит и не поговорит с ним?

Эддан пожал плечами. Самолюбие его было уязвлено, и Сатель знал об этом. Он злоупотребил их дружескими и родственными отношениями и вышел далеко за пределы дозволенного, высказав этот протест. Сатель любил Ньюна. Все любили его. Но поведение кела, даже неправильное, неразумное, не подвергалось обсуждению. Их автономия была священной. Только сама Мать могла вторгаться в вотчину Эддана.

— Тебе не кажется, что у Ньюна есть на то свои причины? — спокойно спросил Эддан. — Всю жизнь он готовился к этой войне. Он не дитя старого времени, как мы, но теперь он не в состоянии приспособиться и к новым временам. Ты все отнял у него. Что же ты ждешь от Ньюна,

сен Сатель?

Сатель опустил голову. Ему нечего было возразить. Он понимал, что Эддан прав, и попытался взглянуть на сложившуюся ситуацию глазами юного кел'ена. Никто не мог навязывать свою волю Келам или ждать от них размышлений о будущем — эти люди жили одним днем, коротким и полным страстей, у них не было ни прошлого, ни будущего. Такова была цена их свободы. Они могли покинуть Дом в любой момент и жить среди ци'мри. Келы знали свое место. Если сен'ен пытался прочесть им нотацию, они могли опустить голову и уйти, не дослушав. Им было нечего отвечать. И разрушать покой их разума было бесчеловечно; знание, не подкрепленное могуществом — самый горький удел.

— Мне кажется, что я рассказал тебе все, что мне известно на данный момент, — заговорил наконец Сатель. — Если поступят свежие новости, я дам тебе знать. — Он молча поднялся, поправил свою мантию, отпрянув от инстинктивно оскаленных зубов дуса. Зверь потянулся к его лодыжке. Он не имел враждебных намерений, но укусить мог. Дусы не выказывали расположения ни к кому, кроме кел'ейнов. Сатель остановился и взглянул на Эддана. Тот ласковым движением

руки успокоил зверя.

Сатель с опаской обошел страшные челюсти дуса и бросил прощальный взгляд на Эддана. Но тот смотрел в сторону, словно ему было все равно, уходит он или остается. Сатель не хотел при всех заострять на этом внимание. Он знал своего двоюродного брата и понимал, что эта размолвка вызвана именно их родством. На людях они всегда старались держаться подчеркнуто официально, не нарушать этикета. Такая ситуация возникала всякий раз, когда родственники попадали в разные касты: всегда страдала гордость того, кто принадлежал к низшей касте.

Сатель отвесил формальный поклон остальным и вышел. Он был рад, что покинул этот угрюмый холл, где царил полумрак, а воздух был так тяжел, словно он впитал в себя гнев разочарованных людей и гнев дусов, который разгорался медленно, но бывал неистов. Тем не менее, Сатель был рад, что они выслушали его до конца. Не было ни необузданной ярости, ни неразумных действий — худшего из того, что можно было ожидать от Келов. Они были стары. Старики всегда сбиваются в группки, где они могут спокойно посоветоваться друг с другом. Молодой кел'ен — одинокий воин без гнета мыслей и без будущего.

Сатель какое-то время раздумывал, не пойти ли ему за Ньюном, но он не знал, что скажет ему, если найдет. Его долг был доложить обо всем там, наверху.

Когда дверь за ним закрылась, кел'е'ен Пасева, ветеран сражений за Нисрен и Элаг, вытащила ас'сеи из треснувшей штукатурки и пожала плечами вслед сен'анту. Она прожила дольше и видела больше сражений, чем любой из ныне живущих воинов, исключая самого Эддана. Она играла в Игру на равных со всеми, как и Эддан. Встретить смерть во время Игры было не менее почетно, чем погибнуть на войне.

— Давайте продолжим, — предложила она.

— Нет, — твердо сказал Эддан, пристально глядя ей в глаза. — Нет. Не сейчас.

Она внимательно посмотрела на него — на старого любовника, старого соперника, старого друга. Ее тонкие пальцы ласкали острия ас'сеев, но она поняла приказ.

— Хорошо, — сказала она, и ас'сеи, просвистев над плечом Эддана, вонзились в нарисованную на восточной стене карту Кесрит.

— Келы восприняли вести, — сказал сен Сатель, — с большей сдержанностью, чем я ожидал от них. Но, тем не менее, они пришлись им не по

нутру. Келы чувствуют себя одураченными, они считают, что задета их честь. А Ньюн ушел, даже не дослушав меня. Я не знаю, куда он направился. Я очень беспокоюсь за него.

Госпожа Интель, Мать Дома и Народа, откинулась на многочисленные подушки, не обращая внимания на приступ боли. Боль была ее старым компаньоном. Она присоединилась к ней сорок три года назад, когда Интель потеряла сразу и силу, и красоту в огне, пожравшем Нисрен. Уже тогда она была немолода. Уже тогда она была Госпожой, правившей всеми тремя кастами Народа. Она была сеном высшего ранга, выше самого Сателя. Она была главнее всех остальных Матерей — тех, что были все еще живы. Она знала Тайны, которые были закрыты для остальных, она знала имена и природу Святого и Богов. Она была хранительницей Пана — Священных Предметов. Она знала свой народ во всей его глубине и многообразии, она знала его от самого возникновения, знала его судьбу и предназначение.

Она была Госпожой умирающего Дома, старейшей Матерью умирающей расы. Каты — каста воспитателей и детей — была мертва, огни в их башне погасли двенадцать лет назад, последний из Катов давно похоронен в пещерах Сил'атена, а

последний ребенок, не знавший другой матери, кроме нее, давно ушел в поисках своей судьбы во внешний мир. Число ее Келов уменьшилось до десяти, а число Сенов…

Сены стояли перед ней — Сатель, старейший сен, сен'ант, чье больное сердце постоянно беспокоило его и напоминало о Мраке, ожидавшем его; и девушка, что сидела сейчас у нее в ногах. Они оба были одеты в золотистые мантии — носители света, высшая каста. Ее собственная мантия была белоснежного цвета, не отделанная по краям золотым, черным и голубым, подобно мантиям властительниц низших каст. Их знание было почти полным — ее знание было абсолютным. И если ее сердце вдруг остановится в эту самую секунду, как много, как неисчислимо много будет безвозвратно потеряно для Народа. Было очень страшно отсчитывать, сколько ударов пульса осталось ей, сколько раз она сможет вдохнуть воздух, раз за разом превозмогая боль.

Но Дом и Народ не должны погибнуть.

Девушка Мелеин смотрела на нее снизу вверх — последняя из детей, Мелеин с'Интель Зайн-Абрин, которая сначала была кел'е'ен. Временами свирепость Келов проявлялась в ней, хотя она уже давно носила одежду и степенную невоз-

мутимость Сенов, ученых, хотя годы занятий научили Мелеин многому, и разум ее стал куда более развитым, чем у ограниченных Келов. Интель ласково потрепала ее по плечу.

— Терпение, — сказала она, чувствуя беспокойство Мелеин, и Госпожа знала, что ее совет будет принят со всем почтением.

— Позволь мне найти Ньюна и поговорить с ним, — попросила девушка.

Брат и сестра, Ньюн и Мелеин, были очень близки, несмотря на разделяющие их законы и обычаи, различия в кастовой принадлежности и положении. Кел'ен и сен'е'ен — тьма и свет, Рука и Мозг. Но сердце в них было одно и кровь была одна. Мать вспомнила пару, которая дала им жизнь — ее самого юного и любимого Мужа и кел'е'ен с Гурагена. Обоих уже не было в живых. Его лицо, его глаза, которые заставляли ее сожалеть о своем положении, требующем целомудрия, смотрели на нее через Мелеин и Ньюна. Она вспомнила, что он тоже был горяч, обладал сильной волей и острым умом. Быть может, Мелеин ненавидела ее; девушка очень неохотно выполнила приказ и перешла из касты Келов в касту Сенов. Но сейчас в ней не было злобы, хотя Мать пыталась отыскать ее. В ней было только

беспокойство, тревога за страдающего брата.

— Нет, — резко сказала Интель. — Ты должна оставить его одного.

— Он может повредить себе, госпожа.

— Нет. Ты недооцениваешь его. Ты сейчас не нужна ему. Ты больше не кел, и я думаю, что он не хочет видеть в данный момент возле себя сена. Что ты сможешь сказать ему? А если он начнет задавать тебе вопросы, что ты ему ответишь? Сможешь ли ты промолчать?

Удар пришелся точно в цель.

— Он хотел покинуть Кесрит еще шесть лет назад, — сказала Мелеин. Глаза ее блестели от непрошеных слез. И возможно не столько за брата молила она сейчас, сколько за себя саму. — Вы не должны позволять ему уйти. Теперь уже слишком поздно, госпожа. Кем он видит себя там? Что ему делать среди звезд?

— Сосредоточься на этой проблеме, — сказала Интель, — и изложи мне свои выводы, сен Мелеин с'Интель, после того, как ты подумаешь над ней один день и одну ночь. Но не вмешивайся в личные дела кел'ейнов. И не думай о нем как о своем брате. У сен'е'ен нет иных родственников, кроме всего Дома и целого Народа.

Мелеин поднялась и посмотрела на нее сверху.

Грудь ее волновалась под мантией. Да, эта была ее дочь: Интель смотрела на нее в этот миг, удивляясь тому, насколько Мелеин, хоть в ней и не было ее крови, была похожа на нее саму в юности. Она словно видела свое зеркальное отражение, видела себя до падения Нисрена, до уничтожения Дома и крушения всех ее надежд. Этот образ ранил ее. В это мгновение Интель вдруг со всей ясностью поняла, что сен'е'ен боится и любит ее одновременно.

Но Мелеин вряд ли будет оплакивать ее уход.

Это она создала ее, постепенно, шаг за шагом, выбор за выбором, свою дочь-не-во-плоти, ее дитя, ее Избранницу, воспитанную у Катов, Келов, и Сенов, которой она передаст Великие Тайны Народа.

Которая ненавидит ее.

— Учись сдержанности, — искренне посоветовала она Мелеин, и ее мягкий, спокойный тон с трудом переборол гнев девушки. — Учись быть сен'е'ен, Мелеин, это превыше всех иных желаний.

Девушка испустила судорожный вздох, и у нее на глаза навернулись слезы. Сен'е'ен вновь стала ребенком, но ребенок этот был опасен.

Интель содрогнулась, представив, что Мелеин

переживет ее и наложит на этот мир отпечаток своей личности.

2

Планета была разделена, и границей служила дамба, выложенная из белых камней. На одной стороне, в равнинной части, жили регулы Кесрит — городские жители, медленно двигающиеся, долго думающие. Та часть полностью принадлежала им — широкие приземистые здания, торговый космопорт, шахты, завод для опреснения соленой воды Алкалинского моря. До того, как на Кесрит появились регулы, эта местность называлась Долиной Дусов: мри помнили это. Прежде здесь жили дусы, и мри из уважения к животным обходили ее стороной; но регулы твердо решили построить здесь город, и дусам пришлось покинуть долину.

Гористее, среди неровных холмов на другой стороне дамбы, высились башни мри. Четыре усеченных конуса вздымались из углов приземистого, похожего на трапецию, здания. Наклонные стены были сделаны из местной белой глины, обработанной и затвердевшей. Это был Эдун Кесритун, Дом Кесрит, дом мри Кесрит, и, поскольку здесь жила Интель, Дом всех мри, рассеянных по

Вселенной.

С того места, куда привело Ньюна его отчаяние, можно было видеть большую часть построек Кесрит. Он часто приходил сюда, на самую высокую точку дамбы, чьи белые камни упорно сопротивлялись стремлению регулов проложить дорогу к святыням Сил'атена, построить там свои дома и заводы. И они заставили регулов отказаться от своего намерения. Ньюн любил эти камни за их стойкость, и за вид, который с них открывался. Под ним лежал город регулов и эдун мри — два маленьких шрама на бело-глиняном теле планеты. Над ним в горах находились только автоматы регулов, которые грызли землю, добывая минералы и оправдывая тем самым присутствие регулов на планете. Кроме автоматов там были дикие звери, которые владели этим миром до появления здесь регулов и мри. Медленно передвигающиеся неуклюжие дусы были здесь высшей формой жизни.

Ньюн сидел, насупившись, на камне, который высился над этим миром. Его обуревала ненависть к ци'мри, ненависть куда более сильная, чем обычно испытывали мри к другим расам. По летоисчислению, принятому у мри, Ньюну было двадцать шесть лет. Но этот счет не совпадал с периодом обращения Кесрит по орбите вокруг

Арайна. Он отличался и от того, что был принят на Нисрене и на двух других планетах, где жил Народ в течение времени, о котором повествовали песни Келов. Но никто не мог сказать, что было раньше.

Ньюн был на голову выше любого из своих соплеменников. На высоких скулах четко выделялся сет'ал — три ритуальных шрама — принадлежность к своей касте. Они были выкрашены несмываемой голубой краской и означали, что Ньюн — полноправный член касты Келов — рука Народа. Будучи келом, он с головы до пят был одет в черное; черная вуаль и черная повязка на голове — мэз и зейдх — скрывали его лицо от взглядов чужих, оставляя открытыми только лоб и глаза. Но и они могли быть укрыты прозрачной чернотой зейдх, если начнется сильная пыльная буря, или красный Арайн проберется в зенит. Он был одним из Народа: и лицо его, и мысли считалось неприличным открывать перед представителями других рас. Поэтому черная мантия и черная вуаль окутывали его с головы до пят: и это означало, что он принадлежит к той единственной касте Народа, которая имеет право общаться с другими расами. Черная мантия, сайг, поддерживалась ремнями, на которых висело

оружие, а также награды, джи'тэй, полученные келом за службу своему Народу. У Ньюна не было ни одной награды, он еще не успел отличиться ни в чем, и любому мри это было очевидно.

Будучи келом, он не умел ни читать, ни писать. Но он мог работать с компьютерами и знал математику регулов и мри. Он знал сложную генеалогию Дома, которая брала начало с самого Нисрена. Древние песнопения наполняли его меланхолией, когда он пел их. Ему было больно видеть потрескавшиеся стены Эдуна Кесритуна, трудно осознавать, что в живых осталось только несколько человек. Он не мог примириться с тем, что его раса вымирает, что это реально. Он знал все песнопения. Но он знал, что у него не будет ребенка, который будет петь их здесь, на Кесрит. Он изучил языки, что было обязательным условием принадлежности к касте Келов. Он свободно говорил на четырех языках. Два из них были диалектами мри, третий — языком регулов, и четвертый — языком врага. Он хорошо владел оружием — и ин'ейн, и захен'ейн. Девять наставников учили его сражаться, и он знал, что достиг в этом высшей степени совершенства.

И все пошло прахом.

Регулы.

Ци'мри.

Ньюн столкнул ногой камень, который покатился вниз в горячий бассейн, подняв облако пара.

Мир.

Конечно, мир на условиях землян. Регулы отвергли помощь мри в самые критические моменты войны. Регулы без сожаления отдавали жизни мри, и они, несомненно, заплатят кровавую цену, отдав эдуны, которые уже потеряли последних сыновей и дочерей Келов. И все это потому, что какие-то незадачливые военачальники регулов запланировали и бросили в самоубийственную атаку горстку мри, чтобы прикрыть свое бегство, спасти свои жизни и добро.

Вряд ли земляне поняли, что слабость союза регулов и мри в том, что обрушившиеся на него несчастья действуют гораздо больше на регулов, чем на мри.

Было очевидно, что регулы под ударами землян будут отступать без оглядки, несмотря на все советы мри не делать этого, и в своем стремлении убежать подальше и достичь полной безопасности отдавать планету за планетой. Хотя даже глупцу было ясно, что безопасности не существует.

И было очевидно, что следующим шагом регулов будут переговоры с землянами — это так типично для регулов — ведь война это тоже торг, и надо избавиться от нее как можно быстрее, когда она начнет угрожать им и их добру.

В языке регулов не было слова, обозначающего мужество.

И не было слова, обозначающего воображение.

Война закончилась, и Ньюн остался в этом мире, так и не сумев использовать те знания, что приобрел, готовясь к войне. И только боги знали, что будет дальше, какой будет торговля, какой будет его дальнейшая жизнь. Может, все вернется к тому, что было до войны, может, мри будут опять служить отдельным компаниям регулов, сражаясь против мри в ритуальных поединках.

И только боги знают, как он найдет себе хозяина, когда война закончилась и все дела пришли в упадок. И только боги знают, захочет ли хоть один регул взять на службу неопытного кела, когда вокруг так много других, закаленных в битвах.

Он всю жизнь учился воевать с землянами, но дела пошли так, что ему не пришлось вступать в эту войну.

Он резко вскочил. Идея, которая зрела у него очень давно, наконец обрела ясность. Он бросил-

ся вниз по дороге. Он не оглянулся, когда прошел мимо эдуна, никем незамеченный, никем не окликнутый. У него не было ничего. И ему ничего не было нужно. Лишь то, что было на нем, и оружие. Это принадлежало ему по закону и обычаю. И он не мог бы больше ничего требовать, если бы покинул эдун с благословения госпожи. Но этого благословения у него не было.

В эдуне Мелеин наверняка молча переживает все происшедшее. Но она сама долго была в касте Келов, она должна понять его и порадоваться за него, что он отправился искать себе службу. Пребывание кел'ена в Эдуне было также неестественно, как ветер в доме. У кел'ена не могло быть там тесных связей ни с кем, за исключением самой госпожи и Народа в целом.

Ньюн чувствовал свою вину перед госпожой, перед той, которая опекала его как мать, даже больше, чем мать. Он знал, что она очень любила Зайна, его отца, и до сих пор оплакивает его смерть. Он знал, что она бы не одобрила, не разрешила того, что он решил сделать сейчас.

Ведь это из-за ее упрямства он так долго оставался рядом с ней на Кесрит. Ему давно следовало бы уйти из-под ее опеки. Он любил Интель глубоко, с обожанием. Но даже эта любовь за те годы,

что он провел в эдуне, не уйдя с другими келами, превратилась в горечь.

Из-за нее его искусство осталось неиспользованным, его жизнь прошла спокойно и теперь скорее всего стала бесполезной и никому не нужной. Девять лет прошло с той поры, как ритуальные шрамы Келов легли на его лицо. Девять лет его сердце начинало бешено колотиться, когда на дороге в эдун появлялся регул, желающий нанять кела для защиты торгового корабля. Годы шли, и таких посещений становилось все меньше. И теперь пришло время, когда никто не приходил в эдун нанимать келов. Ньюн был последним из всех братьев и сестер, последним из детей эдуна, если не считать Мелеин. Все остальные уже нашли себе службу, а многие уже были мертвы. А Ньюн с'Интель, вот уже девять лет как входивший в касту Келов, только сейчас покидал госпожу.

«Мать, позволь мне уйти!» — молил он ее шесть лет назад, когда улетал корабль с его кузеном Медаем. Ему было чрезвычайно обидно, что Медая, надменного, хвастливого, выбрали для службы, очень почетной службы, а он, Ньюн, опять остался позади.

«Нет, — ответила госпожа тоном, не допускаю-

щим возражений, на его мольбы о том, чтобы ему предоставили свободу. — Нет. Ты — последний из моих сыновей. Самый последний, и других у меня не будет. Ребенок Зайна. И это мое право оставить тебя здесь, при себе. Таково мое окончательное решение. Нет."

И он в этот день удалился в горы и против воли смотрел, как корабль высшего командования регулов, «Хазан», защищавший зону, в которую входила и Кесрит, уносил Медая с'Интеля Сов-Нелана туда, где он станет мужчиной, на службу, к которой он готовил себя, к высшему почету, которого только мог добиться кел'ен Эдуна Кесритуна.

В этот день Ньюн плакал, хотя Келы не плачут никогда. И затем, сгорая от стыда за свою слабость, он расцарапал себе лицо грубым песком и оставался в горах день и две ночи. И только потом он смог спуститься вниз к другим Келам и снова оказаться окруженным тревогой, заботой и эгоистической любовью Матери.

Старики. Все они старики. В Эдуне не осталось ни одного кел'ейна, который мог бы принять службу, если бы ее даже предложили. Все они были очень опытными воинами. Ньюн даже считал их лучшими воинами, хотя они никогда

не хвастались своими воинскими успехами. Но годы незаметно украли у них силу, и они уже не могли использовать свое искусство на войне. Их было девять — восемь мужчин и одна женщина, которые уже выполнили свое земное предназначение. Им было незачем жить дальше — сил для войны нет; детей, которых надо обучать, тоже нет. Это были старики, для которых все осталось в прошлом.

Они украли у него девять лет, заточив его в гробницу вместе с собой.

Ньюн пошел вниз по дороге, которая должна была привести его к регулам, так как регулы теперь не ходили в Эдун. Это была не самая прямая дорога, но зато самая легкая, и он шел по ней, никого не опасаясь, так как старики келы вряд ли попытаются перехватить его. Он не собирался идти в космопорт, а шел туда, куда вела его дорога — в самый центр города регулов — в Ном, двухэтажное здание, самое высокое здание единственного города на Кесрит.

Ньюн почувствовал беспокойство, когда ноги его ступили на твердый бетон и его окружили безобразные здания регулов. Это был совсем другой мир, решительно отличающийся от девственной чистоты гор. Здесь даже запах был совсем другим

— острый запах, приносимый пронзительным ветром Кесрит, слабые испарения масла и топлива машин, мускусный запах тел регулов.

Молодые регулы смотрели на него. Они были довольно подвижны. А когда они вырастут, их приземистые тела раздадутся вширь, серо-коричневая кожа потемнеет, обвиснет от слоя накопившегося жира. И вскоре они станут такими тяжелыми, что их атрофировавшиеся мышцы не смогут поднимать их. Мри редко видели старых регулов. Сам Ньюн не видел их никогда и только слышал их описание от учителей. Взрослые регулы жили в городе, окруженные машинами, которые перевозили их, очищали воздух. Молодые регулы ухаживали за машинами и ждали, когда сами достигнут зрелости.

Молодые регулы на площади искоса бросали злобные взгляды на Ньюна и тихо переговаривались между собой. Однако они не знали, что слух у Ньюна необычайно остер и он великолепно слышит их разговоры. Обычно отношение регулов к нему совершенно не волновало Ньюна. Он не любил их и презирал за алчность, но сейчас он выступал в роли просителя; у них было то, что ему было нужно, и только они могли дать ему это. Их ненависть окружала Ньюна, как загрязнен-

ный воздух города. Ньюн накинул вуаль задолго до того, как вошел в город. Он делал так, когда в последний раз, еще будучи молодым кел'еном, приходил в город. И он тогда не знал, как поведут себя регулы по отношению к мри. Но теперь он был взрослым. Он не отводил взора от надменных взглядов регулов и большинство из них не выдерживало его взгляда и отводили глаза в сторону. Некоторые постарше и посмелее, шипели ему вслед оскорбления и угрозы, но он не обращал на них внимания. Он ведь мри, а не регул.

Он знал, куда идти. Он знал, где находится вход в Ном, выходивший фасадом на большую площадь, служившую центром города. Фасад его был обращен к восходу солнца, как это было принято у регулов. Ньюн помнил все с той поры, когда он был здесь с отцом, который хотел получить здесь службу. Однако Ньюн не был внутри здания. Теперь он подошел к двери, возле которой ждал отца в прошлый раз, и часовой в вестибюле, молодой регул, вскочил, увидев его.

— Убирайся, — сказал он ровным голосом. Но Ньюн не обратил на него внимания и прошел мимо в главное фойе, где чуть не задохнулся от жары и запаха мускуса. Он очутился в большом зале, окруженный со всех сторон дверями с таб-

личками, на которых были надписи. Ему вдруг стало нехорошо от жары и запахов, и он стоял в растерянности посреди зала, так как ему теперь нужно было прочесть надписи, чтобы знать, куда идти, а он не умел читать.

Часовой регул из вестибюля застал его в этом смятении, быстро приблизившись короткими шаркающими шагами. Регул потемнел от гнева или от жары, и тяжело дышал. Его охватила ярость.

— Убирайся, — зло повторил он. — По договору и законам тебе здесь делать нечего.

— Я хочу поговорить с взрослыми регулами, — сказал Ньюн. Он знал, что по законам регулов ни один юноша не может принять самостоятельное решение. — Передай им, что с ними хочет переговорить кел'ен.

Регул шумно выдохнул через ноздри.

— Тогда иди за мной, — сказал он, бросив на Ньюна негодующий взгляд. Круглые глаза его были белыми, испещренными красными жилками. Это был (регулы сами не могли определить свой пол до наступления зрелости) самый обычный регул — приземистая фигура; тело, даже стоя, почти касается пола. Это был молодой регул, даже слишком молодой для такой чести — стоять у

дверей Нома. Он пока еще держался прямо. Тонкие коричневые, с металлическим блеском кости просвечивали сквозь кожу. Ньюн шел за ним, наблюдая его катящуюся походку. — Я — Хада Сураг-ги, — сказал он, — секретарь, охранник у дверей. А ты, вероятно, из Дома Интель.

Ньюн просто не стал отвечать на грубую дерзость ци'мри, который назвал госпожу по имени с такой оскорбительной фамильярностью. У регулов взрослые очень почитались и носили высокие титулы, так что в этой фамильярности чувствовалось рассчитанное оскорбление. И Ньюн запомнил это до следующего свидания с регулом. Если оно произойдет, то Хада Сураг-ги получит то, что заслужил.

Вдоль стен были проложены сверкающие рельсы, и мимо идущих промчалась машина с такой скоростью, что они не успели рассмотреть ее. Рельсы были повсюду, и по ним в разные стороны мчались машины. Ньюн едва сдержался, чтобы не выдать своего изумления.

Он не поблагодарил юношу, который показал ему дверь, куда следовало войти. Ньюн вошел и очутился в комнате, где за металлическим столом сидел другой регул, более взрослый. Ньюн просто повернулся к юноше спиной, когда тот

стал ему ненужным, и услышал, как тот вышел из комнаты.

Чиновник откинулся от стола, переместив свое тело в самодвижущемся кресле. Ньюн слышал, что регулы используют подобные сверкающие сталью устройства для того, чтобы передвигаться, не поднимаясь на ноги.

— Ты нам известен, — сказал регул. — Ты Ньюн, с Холмов. Твои старшие связались с нами. Тебе приказано немедленно вернуться.

Кровь бросилась в лицо Ньюну. Конечно, они предупредили его, связались с регулами. Он даже не подумал о такой возможности.

— Это не имеет значения, — сказал он подчеркнуто официально. — Я хотел бы служить на ваших кораблях. Я покинул свой эдун.

Коричневая туша регула сложилась в гармошку и снова расправилась. Затем он вздохнул и посмотрел на Ньюна маленькими прищуренными глазками.

— Мы слышим, что ты говоришь, — сказал он. — Но наш договор с твоим народом не позволяет нам принять тебя без разрешения твоих старших. Пожалуйста, вернись обратно. Мы не хотим ссориться с твоими старшими.

— У вас есть главный? — хрипло спросил Ньюн,

теряя терпение и надежду. — Позвольте мне поговорить с кем-нибудь более высокого ранга.

— Ты хочешь видеть Старшего?

— Да.

Регул снова вздохнул, и нажав кнопку, сделал запрос по внутренней связи. Чей-то грубый голос безразличным тоном отказался принять кела. Регул поднял глаза. В них отразилось куда больше радости и удовлетворения, чем сочувствия.

— Ты слышал, — сказал он.

Ньюн повернулся и быстро пошел из кабинета по коридорам, в фойе и проскочил через вестибюль, не обращая внимания на юного Хада Сураг-ги. Он чувствовал, что лицо его горит, что он задыхается в душном пекле Нома, и наконец выскочил на площадь, по которой гулял холодный ветер.

Он шел быстро, словно куда-то спеша, и шел он помимо своей воли. Ему казалось, что каждый регул в городе знает о его позоре и потихоньку смеется над ним. И в этом не было ничего невозможного, поскольку каждый регул всегда старался сунуть нос в чужие дела.

Он не замедлил шага до тех пор, пока не вышел за пределы города и не направился по дамбе в эдун. Теперь он шел медленно и не заботился о

том, что кто-то может увидеть или услышать его. Открытое место, по которому он шел, требовало внимательности и осторожности, но он шел, не глядя по сторонам, рискуя навлечь немилость богов и гнев госпожи. Он даже сожалел, что с ним ничего не случилось, и он в конце концов оказался у входа в эдун. Он вошел туда, в эту темную и гулкую глубину. Он был угрюм, поднимаясь по ступеням лестницы в башню Келов. Ньюн толкнул дверь в холл и доложил кел'анту Эддану.

— Я вернулся, — угрюмо проговорил он, не поднимая вуали.

Эддан занимал высокое положение и мог запросто заставить его открыть лицо. Но он хорошо владел собой и сделал вид, что ничего но случилось. «Старик, старик, — не мог не думать Ньюн, — твои сета'ал на лице уже затерялись в морщинах, твои подслеповатые глаза уже смотрят во Мрак. Ты будешь держать меня здесь, пока я не стану таким, как ты. Девять лет, Эддан. И теперь ты заставил меня потерять чувство собственного достоинства. Кем я буду еще через девять лет?"

— Ты вернулся, — повторил Эддан, который был его учителем и все еще придерживался тех отношений, которые существуют между учите-

лем и учеником. — Что из того?

Ньюн аккуратно снял вуаль и устроился, скрестив ноги, на полу, возле теплого бока дуса, спящего в углу. Тот заворочался, что-то заворчал, недовольный тем, что нарушили его сон. — Я хотел уйти.

— Ты огорчил госпожу, — сказал Эддан. — Ты больше не должен ходить в город. Она запретила тебе это.

Он поднял глаза. Гнев закипал в нем.

— Ты привел в замешательство весь Дом. Подумай об этом.

— Подумайте обомне, — крикнул взбешенный Ньюн. Он видел, как от его выкрика Эддан словно окаменел, и с мрачным удовлетворением выкрикивал слова. — Это же дико — держать меня здесь. Я должен что-то совершить в жизни. Что-то свое.

— Да? — В мягком голосе Эддана послышался гнев. — Кто тебе сказал это? Какой-нибудь регул в городе?

Эддан стоял спокойно, засунув руки за пояс, старый мастер ин'ейн; эта поза заставляла содрогнуться любого, кто знал ее смысл: «это вызов, если ты захочешь принять его». Ньюн любил Эддана. Но сейчас его вид пугал юношу, он заставлял вспомнить, что Эддан до сих пор превосходит

его в искусстве владения оружием и способен заставить его подчиниться. В этом была разница между ним и старым мастером — тому, кто вызовет гнев Эддана, придется заплатить кровью.

И Эддан чувствовал эту разницу. Кровь прилила к его лицу.

— Я никогда не просил, чтобы со мной обращались иначе, чем с другими, — заявил Ньюн, отворачиваясь и не принимая вызова Эддана.

— Каково же твое предназначение?

Ньюн не смог ответить.

— В твоих доводах есть слабое место, — сказал Эддан. — Зияющая дыра. Пойди и подумай, Ньюн с'Интель, и когда ты осознаешь, какова твоя миссия, зачем ты нужен Народу, приди и скажи мне. Мы пойдем к Матери и поговорим о тебе.

Эддан насмехался над ним. И самое горькое заключалось в том, что Ньюн этого заслуживал. Он видел, что его излишняя настойчивость выставила его на посмешище перед регулами. Он опустил вуаль, поднялся на ноги, чтобы идти прочь.

— Возвращайся к своим обязанностям, — резко сказал Эддан. — Обед прошел без тебя. Пойди и помоги Лирену убрать со стола. Постарайся помнить о твоих обязательствах перед Народом и подумай о том, что надлежит сделать тебе.

— Но… — начал было Ньюн, но потом отвернулся и пошел вниз по лестнице.

3

Корабль, долгое путешествие с Элага-Хэйвена — все наводило дикую скуку. Стэн Дункан еще раз взглянул на экран дисплея в кают-компании и был разочарован тем, что на нем ничего не изменилось. Это было самое долгое путешествие в обыкновенном пространстве, какое только он предпринимал в своей жизни, и летели они из Хэйвена, где обстановка требовала чрезвычайной бдительности. Перед Стэном открылся коридор. Он пожал плечами и шагнул вперед. Здесь повсюду пахло регулами. Проходя мимо открытой двери автоматического камбуза, Дункан задержал дыхание. Он старался идти по центру коридора, чтобы не мешать движущимся по рельсам тележкам. Коридоры были широкими, высокими в центре и низкими у стен. По полу змеились сверкающие рельсы — по ним регулы на тележках перемещались по длинным коридорам корабля.

Даже на миг невозможно было забыть, что корабль принадлежал регулам. Коридоры поворачивали не под углом и не по дугам, как на

кораблях землян: они извивались невообразимыми спиралями, чтобы по ним могли ездить тележки. Лишь по некоторым коридорам можно было нормально ходить. И именно в помещениях, приспособленных для ходьбы, размещались комнаты для землян — или для мри, которые всегда были на кораблях регулов, — но и в них блестели рельсы для тележек регулов.

И по всему кораблю плыли странные запахи, ароматы непривычной пищи, неизвестных специй, слышались загадочные звуки речи регулов, которые не смогли бы воспроизвести не только земляне, но и постоянно общавшиеся с регулами мри.

Стэну не нравилось все это. Он чувствовал острое отвращение к регулам, но, понимая, что такая реакция неразумна в его положении, всячески старался подавить свои чувства. Было очевидно, что подобные чувства испытывают и регулы. Они ограничивали своих гостей шестью часами, в течение которых земляне могли заниматься в отведенных для них местах своими личными делами. А затем следовал двадцатидвухчасовой период строгой изоляции.

Стэн Дункан, помощник Георга Ставроса, будущего губернатора новых территорий, а в

настоящее время ведущего переговоры между землянами и регулами, регулярно пользовался периодом шестичасовой свободы. А мистер Ставрос — нет… нет, он не выходил из своих покоев. Дункан бродил по коридорам, собирал информацию и готовил ее для своего шефа, чтобы тот мог ознакомиться и быть в курсе происходящего. Кроме того, Дункан передавал сообщения, полученные по пневматической почте для Ставроса и его партнера по переговорам регула бая Хулага Алань-ни.

Протоколы регулов. Их церемонии. Ни один старший регул не уронит своего достоинства и не напишет документ сам. Только мелкие чиновники, которыми, в основном, были молодые регулы. Следовательно, и человек такого высокого ранга, как Ставрос, должен поступать так же. И Ставрос выбрал себе для этого молодого, но уже имеющего заслуги помощника — именно по такому критерий взрослый регул должен был выбирать себе помощника.

Дункан, конечно же, был всего лишь слугой. Но он добавлял Ставросу престижа. Он писал послания регулам. Но при захвате Хэйвена он получил чин, и регулы знали это. И это еще больше увеличивало престиж Ставроса.

Дункан собрал дневную почту, положил письмо от Ставроса на соответствующий стол, загрузил в щель автомата заказ на еду. Эта карта по извилистым переходам попадет в соответствующее помещение, и вскоре автомат поставит у двери заказанную пищу, приготовленную регулами из имеющихся у них съестных припасов землян.

Дункан с беспокойством ощущал, что регулы стараются, насколько возможно, поддерживать привычную для землян окружающую обстановку. Однако во всем чувствовалась искусственность, нарочитость.

Он пошел назад через холл, большой зал и библиотеку. В тех местах, где Стэн бродил во время шестичасового отдыха, ему почти не встречались регулы — ну разве что совсем юные. Интересно, что и Ставрос не встречался с Хулагом. Опять церемониальности. Похоже на то, что за все время пребывания у регулов они так и не встретятся с баем Хулагом Алань-ни и будут общаться только с юношами — его слугами, носильщиками, помощниками.

Старые регулы малоподвижны, а Хулаг, как им было известно, достиг весьма почтенного возраста. Сам Дункан считал, что старые регулы стесняются своей беспомощности и поэтому ста-

раются держаться подальше от чужих взглядов.

Или же земляне вызывали у них невыносимое отвращение. Что ж, весьма возможно: регулы тоже, по человеческим меркам, красотой не блистали.

Дункан открыл незапертую дверь и вошел в двойную каюту, которую они занимали вместе со Ставросом. Первая комната, прихожая, принадлежала ему. Здесь была установлена походная кровать и предусмотрено все, что могло понадобиться человеку в длительном путешествии: месть регулов за то, что земляне потребовали долгого медленного путешествия, — раздраженно подумал Дункан. Приемная и настоящая спальня принадлежали Ставросу. Там же был и туалет, который примыкал к спальне и вовсе не был приспособлен для удобства пользования землянами. Дункан подумал о том, как же Ставрос, пожилой человек, умудряется справляться с этим. Но было неразумно требовать от регулов каких-либо переделок — не следовало подчеркивать разницу между ними даже в таких деталях. Считалось, что обращаясь с землянами так, словно те ничем от них не отличаются, регулы оказывают им уважение. Отсюда и общение с землянами только через молодых посредников и то, что молодой

помощник Дункан разместился в маленькой неудобной прихожей, которая, ко всему прочему, была еще и проходным двором.

Все в полном соответствии с этикетом регулов: он, молодой помощник и слуга, должен охранять старого почтенного джентльмена от нежелательного вторжения, от разных неприятностей. В подобном гостеприимстве регулов для землян не следовало искать оскорблений.

И Ставросу приходилось быть пленником своего высокого положения, запертым в комнате без каких-либо, кроме как через Дункана, контактов с внешним миром.

Дункан закрыл за собой дверь и постучался к Ставросу. Это была необходимая формальность: во-первых, из-за того, что подслушивающий регул (а в том, что регулы подслушивали, они были уверены) не поймет фамильярности между старшим и младшим, а во-вторых, потому, что за время длительного путешествия они слишком долго пробыли в этих тесных апартаментах и не желали стеснять друг друга внезапными вторжениями без предупреждения. Дверь открылась сама — Ставрос управлял ею с помощью дистанционного устройства, — и Дункан увидел маленького хрупкого старичка, сидящего в

массивном кресле-тележке, которым пользовались пожилые регулы. Стол, пульт управления. Ставрос мог перемещаться по комнате в кресле. Дункан подошел к нему, вручил ленты, бумаги. Ставрос сразу же принялся за них, не сказав ни слова благодарности и даже не улыбнувшись. Ставрос улыбался всего несколько раз в самом начале их совместной работы. Теперь он совсем не улыбался. Они жили под непрерывным наблюдением регулов. Дункан понимал, что его считают тем же, чем молодого регула — к нему не может быть никакого уважения, он не является личностью. Стэну оставалось только верить, что подобное отношение к нему со стороны Ставроса — всего лишь маскировка.

Он считал, что Ставрос выше его понимания. Дункан видел в нем качества, которые уважал — мужество, например. Стэн подумал, что именно мужеству Ставрос в большей степени обязан тем, что ему поручили такую сложную и небезопасную миссию, да еще в таком возрасте. Здесь требовался именно такой человек, как он: старый дипломат, который помимо выполнения своих обязанностей губернатора новых территорий будет внушать уважение соседям-регулам своим возрастом. Ставрос вернулся из отставки, чтобы

принять это назначение. Однако физической силой он не отличался. Ставрос, как Дункан узнал из единственного доверительного разговора со стариком еще до посадки на корабль, родился на Килуве, где в прошлом разыгралось одно из сражений войны. Это кое-что объясняло. Килува была отдаленной колонией, долгое время предоставленной самой себе. Там развилось любопытное философское учение, благодаря которому килуванцы отличались эксцентричностью поведения и манер. В течение многих лет после падения Килувы Ставрос служил в Ксенологическом Бюро и затем ушел преподавать в университет. У него были дети, а в войне за Элаг-Хэйвен он потерял внука. И если Ставрос ненавидел регулов за Килуву или за смерть внука, он никогда не показывал этого. Он вообще был довольно бесстрастным человеком; казалось, его интересуют только регулы.

Ставрос был само спокойствие и непроницаемость, но за этим покоем таилась бездна.

Светлые глаза старика сверкнули:

— Доброе утро, Дункан, — сказал он и снова вернулся к своим занятиям. — Садись, — добавил он, — и подожди.

Разочарованный Дункан сел и стал ждать. Ему

ничего другого не оставалось. Скоро он сойдет с ума от этой гнетущей тишины и бездеятельности. Он смотрел на Ставроса, уже в сотый раз удивляясь, зачем старику понадобилось изучать язык регулов, на который он тратил столько времени. Ведь регулы довольно хорошо изъяснялись на универсальном базовом. Но Ставрос далеко продвинулся за время путешествия и теперь мог сам слушать ленты с записями речей регулов, только изредка бросая взгляд на письменный перевод — это все была пропаганда регулов, восхваления древнейшей планеты-прародительницы, Нурага, и исключительных достоинств командира корабля. Дункану все это — за исключением некоторых деталей конструкции корабля — казалось весьма скучным.

Но Ставрос на этом учился и стал достаточно сведущ в обычаях регулов. Быстрота, с которой он постигал неизвестный язык и вникал в душу незнакомой цивилизации, изумляла Дункана. Ставрос уже мог понимать эту жуткую сумятицу звуков, которая для Дункана продолжала оставаться всего лишь невообразимой бессмысленной какофонией.

Этот человек — ученый, интеллигент, у которого были дети, внуки, правнуки — оставил все

знакомое, человеческое, все, чем занимался за свою долгую жизнь, и вместе с врагами пустился в длительное путешествие в неизвестность. Хотя пост губернатора довольно высок, трудности и неудобства, которые ждали впереди Ставроса, были огромны. Дункан не знал, сколько старику лет, а слухи, которые ходили о Ставросе на Хэйвене, были мало похожи на правду. Но Дункану было известно, что один из правнуков Ставроса вступил в армию.

Достигни Дункан некоторой доверительности отношений со Ставросом, он спросил бы старика, почему тот принял это назначение. Но сейчас он не осмеливался задать этот вопрос. Правда, Дункана все время подмывало поговорить со стариком о трудностях долгого путешествия, о странных вещах, окружающих их, о том, что их ждет впереди. Но старик терпеливо занимался своими делами и казался выше всего окружающего.

Дункан знал: и как компаньон, и как помощник для Ставроса он — приобретение небольшое; он был всего лишь необходимой уступкой этикету регулов. Ставрос спокойно мог бы обойтись без него, во всяком случае, судя по тем заданиям, которые Дункан выполнял сейчас. Дункана вы-

брали для этой поездки после беседы с шестью офицерами планетарной разведки Хэйвена, и он сам не знал, почему выбор пал на него. Было признано, что у него нет необходимой квалификации для такой работы, на что Ставрос тут же ответил, что ему всего лишь придется выполнять распоряжения.

— Ты едешь добровольно? — спросил он с таким видом, словно считал Дункана немного спятившим.

— Нет, сэр, — он сказал правду. — Комиссия беседовала почти со всеми молодыми офицерами, и вот я здесь.

Ставрос поинтересовался, есть ли у него права пилота.

— Да, — ответил Стэн.

— Ты ненавидишь регулов? — спросил Ставрос.

— Нет, — просто ответил он, и это было правдой. Он не любил их, но ненавистью это назвать было нельзя; шла война, вот и все. И Ставрос снова перечитал личное дело Дункана и одобрил его кандидатуру.

Тогда Дункану казалось, что ему невероятно повезло. Прямо с войны, где жизнь все время висела на волоске и где он практически достиг своего

служебного потолка — на легкую дипломатическую работу, с гарантированным возвращением домой и пенсией через пять лет службы, пенсией, размер которой в три раза превышает пенсию, о которой только может мечтать простой офицер планетарной разведки. И самое главное, что вызывало наибольший интерес у Дункана — должность в новом колониальном директорате, находящемся под управлением Ставроса, богатство и высокое положение в развивающемся мире: за такое любой человек мог убить или отдать жизнь. И всего-то нужно было терпеть некоторое время общество регулов и хорошей службой добиться благоволения Ставроса. Для этого у него было пять лет, и он намеревался сделать это.

Он не очень боялся, когда ступал на борт корабля регулов. Он прочитал все, что было известно о них, знал, что они неспособны на боевые действия, не жестоки, совершенно безвредная раса. За них воевали воины мри, они же провоцировали конфликты. И, наконец, регулы отозвали мри с театра военных действий и взяли все под твердый контроль. На планете-праматери регулов к власти пришла партия пацифистов. Их сторонники управляли кораблем, на котором

летели Ставрос и Дункан, и тем миром, куда они направлялись.

Но за время этого долгого медленного путешествия Дункан познакомился с неведомым ему прежде страхом — постоянным гнетущим напряжением. И он начал понимать, почему в помощники Ставросу назначили офицера планетарной разведки. Он привык к тому, чтобы находиться среди чужих, на него не действовало долгое одиночество, ему было неведомо сомнение, и к тому же ему было плевать на большую политику. Случись что-нибудь, существенной потерей был бы Ставрос, а Стэн Дункан — ничто, жалкий офицеришка, потеря, которую можно списать без всяких сожалений. Его невысокий классификационный номер означал, что он мог говорить врагам все, что знал, и его болтовня не принесла бы никакого вреда землянам: Стэн просто не мог знать ничего существенного. Да и сам Ставрос слишком долго прозябал в жалком университете Нью-Килувы и тоже мало что знал.

А может, — подобные мысли тоже мелькали у него, — Ставрос сам способен без жалости расправиться с ним, если Дункан будет неугоден ему, докажет свою непригодность. Ставрос был дипломатом, а Дункан интуитивно не доверял им: ведь

это по их милости сотни и тысячи подобных Дункану шли на войну, на смерть. Возможно поэтому Ставрос не стремился к тому, чтобы переговорить по душам с Дунканом, и обращался с ним как с бессловесной мебелью. Регулы расправлялись со слишком строптивыми или недостаточно сообразительными молодыми помощниками быстро и безжалостно, словно всего-навсего меняли обстановку в комнате.

Страх Дункана рождался ночью, в темноте, в те долгие часы, когда юноша лежал и думал, что за одной дверью стоит на часах регул, чью жизнь он не способен понять, а за другой дверью лежит человек, мысли которого для него не менее загадочны, и этот человек учится мыслить, как регулы, у которых старшие внушают ужас молодым.

Но когда днем они встречались со Ставросом лицом к лицу, Дункан терялся в догадках, как подобные мысли могли прийти ему в голову. Длительное заключение Дункана, постоянная необходимость подавлять свои эмоции — неудивительно, что в его мозгу поселился безотчетный страх.

Стэн только надеялся, что делает именно то, чего ждет от него Ставрос.

Кассета крутилась уже третий раз. Дункан, по словам приветствия, которые он уже мог узнавать, понял, что близится окончание. Ставрос слушал и запоминал. Теперь старик мог бы воспроизвести весь текст по памяти.

— Сэр, — осторожно прервал мысли Ставроса Дункан. — Сэр, наша… — лента кончилась, — наша шестичасовая свобода началась. Может, вы хотите, чтобы я принес что-нибудь из библиотеки или амбулатории?

Он хотел, чтобы Ставросу что-нибудь понадобилось, чтобы можно было провести отпущенное им время вне каюты, ходить, двигаться. Но Ставрос запретил ему появляться там, где можно встретить регулов, запретил ему попытки сближения с командой. Дункан понимал, что подобный запрет — всего лишь предосторожность, не дающая регулам возможности проникнуть в душевный мир землян. — «Пусть мы остаемся загадкой для них», — сказал однажды Ставрос. Но было невыносимо сидеть здесь, когда часы свободы утекали прочь.

— Нет, — сказал Ставрос, убивая все его надежды. Но затем, после секундного колебания, он протянул Дункану одну из лент. — Вот, прошу прощения. Найди мне следующую по каталогу и

принеси обе назад. Прогуляйся.

— Хорошо, сэр, — он поднялся и хотел поблагодарить старика за то, что тот понял его желание. Но Ставрос уже снова погрузился в свои занятия, окружающее для него больше не существовало. Дункан немного подождал, а затем через свою комнату вышел в коридор.

Он сделал глубокий вдох, чтобы привыкнуть к непривычным запахам, чувствуя себя чуть ли не на свободе, хотя его окружали стены. Каюты регулов были маленькими, тесными, места в них хватало лишь для тележек. Все вещи размещались так, чтобы их можно было достать сидя. Дункан подавил в себе желание потянуться, упругой походкой пошел по коридору в большой холл. В коридоре он не встретил регулов.

Холл был приспособлен для проведения совещаний, лекций, и, кроме того, здесь была расположена библиотека. Было бы проще, подумал Дункан, встроить консоль управления библиотекой в их комнате, тогда им вообще можно было бы не выходить. Но он был рад, что регулы так не сделали. А может, на корабле есть пассажиры, которые тоже пользуются библиотекой. Он этого не знал. Дункан прочел витиеватые обозначения на кассете, которую он держал в руках, и выбил

на перфокарте номер следующей кассеты.

Машина звякнула, последовала небольшая пауза, и кассета выскочила из щели. Затем Дункан вложил кассету в множительный аппарат и машина принялась печатать лист за листом — текст, транскрипция и перевод. Дункан нетерпеливо ходил по холлу, поглядывая на часы. Машина работала гораздо медленнее, чем подобные машины, сделанные землянами. Они такие же, как регулы, — подумал Дункан. Чтобы заполнить время, он стал рассматривать экран дисплея на стене холла. Там высвечивался курс корабля. Изредка картина менялась. И тогда на экране возникали странные ландшафты. Это были миры, где жили регулы. Но на этих изображениях не было видно ни живых существ, ни строений. Все было предусмотрено, чтобы земляне как можно меньше узнали о регулах. Затем на экране снова высвечивался курс корабля, летящего в звездных просторах. Дункан смотрел на карту и думал, что их изоляция — это как бы переход от той жизни, которую он знал раньше, к той жизни, которую трудно себе представить, но которая ждет его впереди. Ведь о том месте, куда они летели, им было известно лишь его название на языке регулов.

Дункан в задумчивости просмотрел три цикла

смены изображения и вернулся к машине. Машина остановилась на середине печати, получив сигнал приоритета. Кто-то из Старших прервал ее работу, чтобы получить какую-то важную информацию. Материалы Дункана застряли на полпути. Он нажал кнопку на панели машины, чтобы запустить ее, но сигнал приоритета горел по-прежнему, и библиотека работала на кого-то другого.

Дункан выругался и взглянул на часы. Половина печати лежала на столе, а окончание застряло в машине. Он мог уйти, аккуратно отрезав распечатку, а мог и подождать, пока машина освободится и закончит работу. Дункан решил остаться. Возможно вся задержка произошла из-за того, что он заказал печать, весьма редко используемый режим работы. Слухи утверждали, что регулы вообще не пользуются письменностью, но оказалось, что это не так. У них была тщательно разработанная и сложная система письма. Но эта библиотека предназначалась, в основном, для прослушивания материалов, большая часть которых хранилась здесь в виде звукозаписей на магнитных лентах и дисках. Говорили также, и это подтверждалось наблюдениями, что регулам не нужно слушать ленту

более одного раза.

Мгновенное и полное запоминание. Эйдетическая память.

Раса, которая не умеет забывать или заучивать.

Если это так, то, значит, регулы могут говорить только правду.

Но может быть и так, что раса, не умеющая лгать, разработала другие методы обмана.

Дункану не нужно было думать о том, кем же считают регулы землян, всецело полагающихся на записи, изобретающих сложные машины, чтобы запоминать то, что любой регул запомнит с первого раза, которые не могли всего-навсего выучить язык.

Думая о молодых регулах, таких медлительных, таких неуклюжих, Дункан вспоминал их маленькие поросячьи глазки, в которых светились мысли, эмоции. Дункану становилось не по себе, когда он вспоминал, что эти юноши, если, конечно, их не убьют собственные родители, в несколько раз переживут человека и будут помнить каждое мгновение своей жизни. И этот бай Хулаг, который командует регулами, кораблем и зоной, куда они летят, тоже помнит все.

Дункана возмущала и долгая жизнь регулов,

и их точная память, и строгое расписание, по которому он и Ставрос жили здесь, вездесущие машины, которые делали регулов такими же физически сильными как и земляне. Его возмущали постоянные мелкие придирки; возмущало презрение, с которым регулы относились к землянам.

Ставрос неминуемо потерпит поражение, если попробует ужиться с такими соседями. Думать, что человек может стать регулом, может что-то выиграть, если будет приспосабливаться к их образу жизни — это ужасная ошибка.

Такие мысли грызли Дункана с самого первого дня пребывания в этой сверкающей хромом, мягкой, словно бархат, тюрьме.

Здесь повсюду их окружали регулы и машины регулов. Жалкие существа, беспомощные без своих машин, регулы жили подобно огромным бесформенным паразитам на стальных телах своих машин. И Ставрос жестоко ошибается, если думает, что сможет подкупить регулов, дав им какие-нибудь достижения новой цивилизации. Регулы презирают землян, мозг которых способен забывать; чья память — это бумага, магнитные ленты и пленки.

Он хотел бы высказать все это Ставросу, но

пропасть между ними была слишком велика. Ставрос, в отличие от него, был ученым. Но зато у Дункана был громадный опыт, и этот опыт кричал, что ему угрожает смертельная опасность.

Дункан со злостью ударил по панели кулаком — время его закончилось, и он был вне себя оттого, что машина работала так медленно. Это было глупо и бессмысленно, и Дункан буквально через секунду раскаялся в своем поступке: сигнал приоритета погас. Дункан с ужасом подумал, что он сломал что-нибудь внутри и тем самым помешал какому-то высокопоставленному регулу.

Но тут машина заработала и продолжила распечатку. Вскоре все было готово. Кассета выскочила из гнезда в полном порядке. Дункан собрал все материалы, а затем, уже повернувшись к выходу, бросил взгляд на дисплей, где в очередной раз сменилось изображение. Их корабль находился в системе какой-то звезды. Планет было семь и корабль направлялся ко второй из них.

Цель их полета.

Затем он заметил на экране еще один корабль, летящий немного в стороне другим курсом. Они находились в планетной системе, заселенной, освоенной области, вблизи Кесрит. Время снова начало свой бег. Словно почувствовав близкое

окончание путешествия, сердце Дункана бешено забилось. Скоро они прибудут туда, куда летели; до планеты, цели их путешествия, осталось уже совсем немного. Теперь, как следовало из отметок времени на экране, посадка в космопорте Кесрит была делом одной недели. Они прилетели!

Их заключение близилось к концу!

В левом коридоре послышались шаги. Сначала Дункан не обратил на них внимания, решив, что это идет молодой регул, чтобы отругать его за задержку. Но внезапно он понял, что эта уверенная поступь вовсе не похожа на мелкие шажки регула или старческую походку Ставроса. Он повернулся, и с ужасом увидел того, кто не был ни регулом, ни человеком.

Дункан смотрел на это спокойно стоящее существо, закутанное в черную мантию, украшенную множеством мелких сверкающих дисков. Мри. Кел'ен. Золотые глаза поверх черной вуали удивленно поблескивали. Узкая бронзовая рука потянулась к ножу на поясе и нерешительно застыла.

Некоторое время оба стояли неподвижно и было слышно только потрескивание разрядов на экране дисплея.

Враг. Тот, кто уничтожил Килуву, и Талос, и

Асгард. Дункан ни разу не видел его так близко. У него были открыты только руки и глаза. Высокая фигура оставалась совершенно неподвижной, но, казалось, излучала ярость и угрозу.

— Я Стэн Дункан, — собрав мужество и сомневаясь, что мри поймет его, сказал Дункан. Он решил, что его слова не позволят заговорить оружию. — Я помощник представителя Федерации.

— Я кел Медай, — ответила фигура на великолепном базовом. — И нам не следует встречаться.

С этими словами мри повернулся и пошел обратно. Черная фигура скрылась за поворотом коридора. Дункан почувствовал, что у него дрожит каждая мышца. Так отчетливо он видел мри только на фотографиях, и большинство из них были мертвы.

«Красив», — он наконец смог собраться с мыслями и оценить воина мри, и тут же поймал себя на том, что думает о нем как о животном, красивом, породистом и смертельно опасном.

Дункан повернулся, и кровь, которая только что вернулась к нормальной циркуляции, застыла снова. На пороге стоял молодой регул. Его ноздри раздувались от гнева и возбуждения. Он даже дрожал и сделался пепельно-бледным.

— Иди к себе! — приказал он. — Время кончилось. Иди к себе! Быстро!

Дункан обошел регула и, не оглядываясь, торопливо пошел к себе. Когда он добрался до своей комнаты, у него тряслись руки; в дверь он буквально ввалился. Затем он сразу запер ее и не успокоился, пока не щелкнул замок. Обессиленный, он опустился на постель, понимая, что должен немедленно идти к Ставросу и доложить обо всем случившемся. Бумаги вывалились у него из рук, и несколько листов упало на пол. Он наклонился и собрал их одеревеневшими пальцами.

Он совершил ужасную оплошность и был уверен, что этим дело не кончится.

Они летели на планету Кесрит звезды Арайн, планету, где жили мри.

Регулы назвали эту планету той, которую решили передать победителям-землянам.

Они предали мри, и, тем не менее, на их корабле, который везет приказ о передаче Кесрит землянам, находится кел'ен.

Нам не следует встречаться, — сказал мри.

Было очевидно, что ни мри, ни, тем более, регулы не подстраивали этой встречи. Значит, здесь чья-то интрига.

Дункан собрался с силами, сделал несколько глубоких вдохов, постучал в дверь комнаты Ставроса и вошел — на этот раз не дождавшись разрешения.

4

Еще один корабль покинул планету этим вечером — один из многих, что увозили грузы и пассажиров с поверхности Кесрит на спутник, в большой космопорт, где все перегружалось на большие корабли, которые уносили перепуганных регулов, оставляя планету землянам.

Ньюн наблюдал со своего привычного места — с высокой скалы, которая возвышалась над всем — над морем, над башнями мри, над городом регулов. Свершилось. Ньюн наконец-то признал факт окончания войны, хотя чувство реальности по-прежнему ускользало от него. Он смотрел, как взлетали корабли. Ньюн не мог припомнить, чтобы они когда-нибудь взлетали так часто. Значит, город регулов умирал. Каждый улетающий корабль уносил частицу жизни города. Ньюн повиновался приказу госпожи и не приближался ни к космопорту, ни к городу. Но он знал, что если бы он оказался в городе, то увидел бы, что многие дома пусты и из них вывезено все ценное. День за днем на дороге, которая вилась вдоль побережья моря, Ньюн видел поток машин, направляющих-

ся в город. Они везли регулов из дальних городов и точек. В город летели самолеты, и их становилось все меньше и меньше. Ньюн видел возле города и космопорта груды машин, брошенных регулами за ненадобностью. Теперь они будут ржаветь и разваливаться на части.

Говорили, что цена, которую регулы заплатили за мир — это передача землянам всех колоний в зоне Кесрит.

Экономика ци'мри оказалась более могущественной, чем оружие Келов, более важной, чем честь и собственное достоинство мри. Конечно, потеря Кесрит была довольно чувствительной для регулов. Это был и центр добычи минералов, и мощный перевалочный пункт, оснащенный огромным количеством автоматов. Несомненно, потеря такой колонии для регулов наносила огромный урон их производству и торговле. Улетающие отсюда корабли были верным признаком трагедии. Регулы ценили собственность. Качество и количество вещей, принадлежавших регулу, придавали ему цену в глазах остальных. И потеря домов, и того, что нельзя было увезти отсюда, было настоящим горем для них. Но у них не было Священных предметов, утрата которых подействовала бы на них так же, как и на Народ.

Все, что они потеряли сейчас, они обретут снова на других планетах, если им повезет. Но мри в этой войне потеряли свою честь, обрести которую снова невозможно.

И поэтому Ньюн нисколько не жалел бегущих регулов. Сам он потерял неизмеримо больше. Всю жизнь он мечтал улететь от обыденной жизни на этих кораблях, в огне и грохоте устремлявшихся в просторы звездного неба. Они теперь взлетали днем и ночью, и стало совершенно ясно, что все личные планы Ньюна с'Интеля Зайн-Абрина — ничто по сравнению с могучими силами, двигающими миры. Но угроза Дому — этого он был не в силах представить; и то, что могучие силы, двигающие миры, не думают о судьбе его народа, — это тоже не укладывалось у него в голове.

Он попытался переключить свой разум на оценку новой ситуации.

— Где мы теперь будем защищаться? — спросил он как-то у Эддана, предполагая, что у Народа остался разум и они будут защищать свой Эдун.

Но Эддан только отвернулся и махнул рукой, отказываясь от ответа. После этого Ньюн не рискнул задать подобный вопрос госпоже. А Интель смотрела на него с каким-то странным сожалением — словно ее последний сын не может понять

чего-то очень важного — и лишь ласково говорила ему о необходимости мужества и терпения, старательно избегая прямого ответа на мучивший Ньюна вопрос.

И день за днем улетали корабли регулов. Без единого кела'ейна на борту. Госпожа запретила.

Он наблюдал угасание. Наконец он понял это. Но угасание чего — он не знал. Он просто ощущал угасание, чувствовал, что от всех его желаний осталось ничто. Регулы улетали, а им на смену придут земляне.

Теперь он жалел, что так невнимательно и небрежно изучал землян, их образ жизни. Теперь бы он понимал, кто они. Возможно, старший кел'ен, у которого имелся большой опыт борьбы с землянами, знал их. И возможно, он считал, что и Ньюн тоже знает, и поэтому не тратил время на объяснения и разговоры о людях. А может, старшие также беспомощны, как и он, юноша, и просто не хотят уронить свой авторитет в его глазах, признав свою несостоятельность. За это он не мог ругать их. Но он не мог поверить, что ничего нельзя предпринять, подготовиться, пока эти трусливые регулы бегут, как крысы. Он знал, какая судьба ждет его, он знал, что Келы будут сопротивляться до конца, но им всем суждено

погибнуть. Они искусные воины, самые великие из всех ныне живущих воинов, он был уверен в этом. Но их было всего девять и они были слишком стары, чтобы долго сопротивляться массированным атакам землян.

Видения приходили к нему снова и снова, такие же невероятные и нереальные, как и уход регулов из его жизни, как приход землян, странные звуки их языка, их голоса, звучащие в святилище эдуна. Он видел огонь, кровь и десять кел'ейнов, безнадежно пытающихся защитить свою госпожу от нахлынувших орд землян.

«Братья, сестры! — звучал в его душе страстный призыв к кел'ейнам. — Может быть, есть что-то такое, чего я не вижу? Какая-то надежда? Или... о, Боги, может наша госпожа лишилась разума? Братья, сестры, смотрите, корабли! Это наш путь с Кесрит! Вразумите нашу госпожу! Она забыла, что еще остались те, кто хочет жить!» — Но ничего этого он не говорил старшим. Ему хотелось бросить эти слова в лицо самой Интель, но он не осмеливался. Он не смел настаивать на своем, не смел спорить с ними, не смел обсуждать то, что они обсуждали между собой. Они все, за исключением его и Мелеин, помнили дни Нисрена и жизнь до войны. Однажды они приняли помощь

регулов, покидая руины Нисрена, но теперь отказались от нее, решив это совместно на совете, из которого он, Ньюн, как не принадлежащий к Мужьям, был исключен. Ему очень хотелось верить, что решение Совета правильно. Они были слишком верны себе, слишком спокойны, чтобы быть сумасшедшими.

Сорок три года назад подобная трагедия обрушилась на Нисрен. Корабль регулов, спасая госпожу Интель, увез Пана и всех уцелевших в эдун Кесрит. Об этом страшном дне не говорили, о нем не было сложено песен и сказаний: лишь письмена жутких шрамов уцелевших и бездонные глубины их молчания напоминали об этом.

«Позор?» — спрашивал он себя, ощущая острые иглы жалости, вонзающиеся в его сердце.

Эдун, где хранились Пана, Священные предметы, Предметы поклонения, честь мри и история мри. Хранение их было доверено только Сенам; притронуться к ним означало смерть; потерять их…

Потерять реликвии Народа…

Это означало смерть, но не только эдуна, но и Народа, как расы. Ньюн позволил себе задуматься об этом, а затем поспешно выкинул эти мысли из головы. Но он не мог полностью забыть об этом.

«О, боги», — в отчаянии подумал он. Взлетел еще один корабль. Он видел его, видел движущуюся сверкающую звезду.

«О, боги, боги!"

Это было похоже на шон'ай, на игру. Сверкающие во мраке клинки, смертельно опасная игра ритма, игра смертельного риска.

Игра Народа.

Клинки свистели в воздухе. Жизнь игравшего зависела от быстроты реакции, хладнокровия, и ничто другое не могло дать шанс выжить в этой Игре.

Он почувствовал, как отхлынула от лица кровь. Он понял, почему они с таким сожалением смотрят на него, когда он задает свои глупые вопросы.

Подхвати новый ритм, дитя Народа: стань одним из нас, прими новые условия жизни, прими, прими.

Шон'ай!

Душа его исторгла вопль; Ньюн все понял. Все из живущих во Вселенной мри узнают, в каком положении находится их госпожа. Они придут, они придут отовсюду, чтобы бороться, чтобы сражаться.

Пана хранятся в Эдуне Кесритун.

Круг игроков широк, и смертоносные клинки летают не так уж часто. Но в каждой игре формируется свой ритмический рисунок, и только лучшие игроки не поддаются его гипнотизму.

Интель бросила лезвие. И теперь наступила очередь других.

Первая из двух лун Кесрит показалась над горизонтом. Звезды туманным поясом пересекли небосвод. Стало холодно, но Ньюну не хотелось возвращаться в эдун, возвращаться к ежедневной рутине. Только не сегодня вечером. Только не после этих мыслей. Старший из кел'ейнов, конечно, заметит его отсутствие, будет искать и найдет его здесь. Он, конечно, позволит ему остаться. Ведь теперь в эдуне по вечерам делать нечего — ешь и ложись спать. С тех пор, как стало ясно, что войне конец, там больше не пели песен. Они теперь подолгу сидели вместе и говорили между собой, не принимая его в беседы. Может быть, подумал он, они даже рады, что его нет.

Гейзер, который назывался Сочай, выпустил облако пара, похожее на огромный букет белых перьев. По его выбросам можно было проверять часы регулов. Подчиняясь ритму этих выбросов, жила планета, и теперь эти выбросы отмеряли время, которое остается до прихода землян.

Но впервые с того дня, как он услышал об окончании войны, Ньюн испытал какую-то зловещую радость, чувство того, что его Народ еще может кое-что сделать, что победа землян в войне еще не окончательна.

На небе взошла новая звезда, затмившая светом все остальные. То было какое-то предзнаменование. Ньюн с любопытством смотрел на нее. Все в нем оживилось — происходило что-то новое, необычное. На Кесрит корабли обычно не спускались ночью, они дожидались утра на орбите.

Он смотрел, как разгорается новая звезда, и в нем вырастал страх — и надежда. Он не знал, что несет Народу эта звезда, и ему не хотелось верить, что это лишь всего-навсего какая-то часть плана регулов, направленного на уничтожение Кесрит.

Он смотрел, как опускается звезда, и внезапно увидел, что в дальнем космопорте вспыхнули огни. Этот порт был предназначен для приема огромных военных кораблей, а не для обычных торговцев, пассажирских лайнеров или грузовозов. Значит, этот корабль был огромным. Такие корабли уже много лет не садились на Кесрит.

На таком расстоянии в темном небе корабль казался озером света. Невозможно было определить его форму и размеры. Ньюн внезапно понял,

что его соплеменники могли бы узнать корабль, и, несомненно, им уже было известно о его прибытии и только Ньюн, как обычно, пребывал в неведении.

Он спрыгнул с камня и бросился вниз. Быстрые ноги несли его, моментально меняя курс, когда впереди возникали какие-либо препятствия. Он бежал не по дороге, а прямо по камням, по старой тропе мри, и не останавливался, пока не добежал до ворот эдуна. Грудь его высоко вздымалась.

Внутри царила тишина. Он подождал, прислушиваясь, затем бросился бегом по ступеням, ведущим в башню госпожи.

И сразу за поворотом его встретила тень. Старый Дахача спускался вниз со своим огромным дусом. Зверь встал боком, загородив путь, и предупредительно зарычал.

— Ньюн, — сказал старик. — Я иду искать тебя.

— Там корабль… — начал Ньюн.

— Это не новость, — сказал Дахача. — Возвращается «Хазан». Иди наверх, юноша. Тебя ждут.

Ньюн последовал за ним, душа его ликовала. «Хазан» — это корабль правителя зоны. Прибыл правитель, который возьмет всю ситуацию под контроль, наведет порядок среди обратившихся в паническое бегство регулов.

«Хазан»! Если прилетел «Хазан», значит, прилетел Медай — кузен, кел'ен. Прилетел домой с войны и привез с собой опыт и здравый смысл, присущий всем воевавшим Келам.

Ньюн припомнил и кое-что неприятное в Медае, но все это после шестилетней разлуки не имело значения, особенно теперь, когда мир ввергнут в хаос. Ньюн шел за Дахачей по винтовой лестнице и какое-то радостное предчувствие зрело в нем.

Еще один кел'ен.

Воин, которого не покидавшие этот мир будут слушать так, как никогда не слушали Ньюна.

Медай, который служил вождям регулов, — и кто же еще, как не кел'ен с корабля бая зоны Кесрит, — знал все помыслы регулов.

5

Дверь была заперта, как всегда в часы их заточения. Дункан снова попытался открыть ее, заранее зная о тщетности попытки. Затем стукнул кулаком по двери и повернулся к старику.

— Они не желают отвечать, — сказал Ставрос. Он сидел в своем кресле. По левую руку от него был погасший экран. Старик выглядел несколько обеспокоенным — довольно необычное зрелище. Даже в худшие времена его лицо всегда оставалось бесстрастным.

Они уже были на планете. Новый мир. Сомнений быть не могло.

— Мы на грунте, — сказал наконец Дункан, выразив этими простыми словами все, что кипело в его душе, переполняя ее.

Ставрос только бесстрастно взглянул на него. Дункан в этом взгляде прочел неодобрение.

— Может, что-то произошло при посадке, или на самой планете, — сказал Дункан, пытаясь вызвать хоть какую-нибудь реакцию Ставроса, услышать заверения старика: мол, все идет как надо… или пусть даже гнев. Дункан был согласен

и на это.

И когда Ставрос ничего не ответил, Дункан опустил голову на руки — его измучило ожидание. На Земле сейчас была полночь.

— Может, они спят, — неожиданно сказал Ставрос. И в голосе его не было слышно ни гнева, ни затаенной вражды. — Если сейчас на планете ночь, бай Хулаг, возможно, спит, и его помощники не смеют ответить нам без его разрешения. Регулы очень боятся разгневать старших.

Дункан скептически посмотрел на Ставроса, радуясь, правда, тому, что старик хоть что-то сказал — пусть даже в глубине души у того имеется другое мнение, которое он не желает высказывать. Дункана совсем не успокоило то, что Ставрос не расспрашивал его о случайной встрече с мри. Старик только спокойно поинтересовался причиной его задержки. Ставрос ничего не сказал и тогда, когда время их свободы урезали вполовину, а у дверей стал постоянно дежурить регул, который теперь, словно тень, следовал за Дунканом по кораблю.

Эти новые ограничения в основном касались только его, Дункана, сделав заключение еще более строгим, но для будущего сотрудничества землян и регулов подобные ужесточения не обе-

щали ничего хорошего. Регулы оставались с ними по-прежнему вежливыми. Никаких укоров в посланиях по поводу инцидента. Только сообщение об изменении режима без всякого объяснения.

— Мне очень жаль, сэр, — смог наконец выдавить Дункан.

Ставрос удивленно посмотрел на него, затем нахмурился и пожал плечами.

— Возможно, планы регулов несколько изменились. Не стоит об этом волноваться. — И затем, снова пожав плечами: — Иди спать, Дункан. Ты свободен.

— Слушаюсь, сэр, — Стэн вышел в свою комнату, сел на постель, уперся локтями в колени и принялся растирать ноющие виски.

Пленники благодаря ему.

Ставрос был встревожен. Он, несомненно, понимал, что причины для беспокойства есть. Возможно, если бы регулы согласились, он устроил бы для них публичное наказание молодого помощника, допустившего оплошность. Скорее всего, Ставрос не делал этого потому, что оба они были землянами, и старик, хотя и ничего не говорил об этом, неплохо к нему относился.

Но они вызвали недовольство регулов, которое неизвестно как отразится на их будущем — это

было совершенно очевидно.

Вдруг он услышал донесшийся из коридора звук проехавшей тележки. Как показалось Дункану, она остановилась неподалеку, и он страстно надеялся, что теперь хоть что-то прояснится.

Дверь открылась. Дункан мгновенно вскочил. Тележка действительно стояла перед дверью и в ней сидел регул, самый старый и самый огромный из всех, кого довелось видеть Дункану. Складки покрытой шершавой кожей сморщенной плоти накатывались друг на друга, скрывая форму этого огромного тела. На плоском лице в кольцах морщин выделялись черные блестящие глаза, приплюснутый нос и похожий на щель рот. Все вместе создавало впечатление человеческого лица.

Лицо разумного существа, тело животного. Это тело пряталось в коричневой мантии. Сквозь тонкую ткань просвечивала коричневая, испещренная морщинами кожа. Ноздри были скошены, и их щели могли закрываться и открываться. Дункан знал, что по движению ноздрей регулов можно понять, какие эмоции владеют ими в настоящий момент. Наблюдая за молодыми регулами, Дункан знал и другие способы выражения чувств: закатывание и вращение глаз, откры-

вание и закрывание рта, трепетание ноздрей. Но он не был уверен, что старые регулы во всем подобны молодым.

Чудовищный регул с трудом поднялся, наклонив тело вперед, затем выпрямился на почти невидимых внутри тележки ногах.

— Ставрос, — прогромыхал он густым басом.

Землянам недоступна мимика регулов, но Дункан знал, что должен во всем следовать этикету. Он поклонился и сказал на языке регулов:

— Я молодой помощник Стэн Дункан.

— Позови Ставроса.

Дверь была открыта. Дункан повернулся, чтобы позвать старика и увидел его в дверях.

Старики заговорили. Дункан прижался к стене в комнате. Его привел в смятение поток речи регулов. Он понял то, о чем прежде только догадывался. К ним пожаловал сам бай Хулаг Алань-ни, командир корабля «Хазан», временный губернатор зоны Кесрит, которую регулы должны были передать землянам.

Дункан изо всех сил старался остаться незамеченным. Он не хотел больше нарушать обычаи регулов, усложнять отношения землян с регулами.

Разговор был коротким. После обмена покло-

нами бай поудобнее устроился в тележке и был таков. И прежде, чем Дункан успел оправиться от своего смятения и спросить Ставроса, в чем дело, тот уже закрыл за собой дверь.

Затем он осмелел и просунул голову в дверь, вопросительно глядя на Ставроса.

Ставрос помолчал. Затем с угрюмым беспокойством посмотрел на Дункана.

— Мы на Кесрит, — сказал он. — Бай заверил меня, что для такого корабля посадка в порту — самое обычное дело. Это решение было принято в последний момент, и причин для беспокойства нет. Но, мне кажется, на планете что-то происходит. Что именно, я не понял. Бай просит нас оставаться на корабле. Временно, конечно.

— Это имеет какое-то отношение к мри? — спросил Дункан.

Ставрос покачал головой.

— Я не знаю. Я полагаю, что вся команда будет оставаться на корабле, пока положение не прояснится. По крайней мере… — глаза Ставроса поднялись к потолку, к вентиляционным отверстиям, лампам и каким-то загадочным устройствам, назначения которых земляне не понимали и потому не доверяли им. Взгляд был предупреждающим: Ставрос хотел бы сказать

больше, но не может в данной ситуации.

— Бай сказал, что утром нас переправят в штаб-квартиру. Сейчас на планете ночь, и он советует нам хорошо выспаться и отдохнуть, чтобы завтра встать пораньше и насладиться приятным путешествием по Кесрит.

Бай был почтителен и вежлив. Это сквозило в словах Ставроса. В этом не было ничего необычного, и Дункан понимающе кивнул.

— Тогда доброй ночи, — сказал Ставрос. — Полагаю, что наша задержка здесь будет достаточно долгой, так что есть время поспать.

— Доброй ночи, сэр, — ответил Дункан, взглянул на старика и аккуратно закрыл за собой дверь. Ему уже в который раз хотелось спросить Ставроса, каково же истинное положение вещей и насколько он сам верит в то, что ему сказал Хулаг.

В последнее время, когда регулы сделали их заключение более строгим, Дункан начал изучать язык регулов. Он делал это с тем же рвением, с каким изучал в свое время воинское искусство офицера планетарной разведки и искусство выживания. Он начал с простейших фраз и достиг уже таких успехов, о каких не мог и мечтать. Он не был ученым. Он был просто напуганным

человеком. Его по-прежнему мучили ночные кошмары, страх одиночества становился все сильнее и сильнее. Ставрос старик, — думал он теперь, — а время, которое пройдет, пока прибудут земляне, довольно значительно. И регулы, которые совершенно не ценили жизнь своих молодых, могли спокойно убить его, молодого помощника, пережившего своего старшего. Ведь жизнь юноши для них ничего не значит.

Основной причиной назначения Ставроса на его должность был возраст, но теперь от возраста зависел еще и успех миссии. И если что-нибудь случится с Ставросом, Дункан останется совершенно беспомощным, неспособным связаться ни с кем из старших, так как молодые регулы не допустят его к баю Хулагу — единственному, кто более или менее сносно говорил на языке землян.

Дункан боялся даже подумать о том дне, когда ему придется остаться один на один с регулами.

До высадки на Кесрит предстояли долгие часы. Нервы Дункана были слишком напряжены для того, чтобы он мог уснуть. Поэтому он собрал все свои записи и начал изучать язык с таким рвением, словно от этого зависела его жизнь.

Он сидел до тех пор, пока листы бумаги не вы-

пали у него из рук, и он не забылся в коротком сне. Его разбудил регул, который распахнул дверь и принялся бесцеремонно собирать вещи Дункана и командовать.

Пришли еще несколько регулов и стали грузить багаж на тележку. Дункан пытался протестовать против подобного обращения, но те хранили молчание, лишь изредка обмениваясь между собой короткими фразами. Грузовая тележка укатила, показалась вторая — для пассажиров.

— Быстрее, быстрее, — подгонял один. Видимо, это было единственное слово из словаря землян, которое он соблаговолил выучить. И только когда из своей комнаты показался Ставрос, молодые регулы стали проявлять некоторое почтение и уважение.

Пожилой человек вызвал у них боязливое почтение, даже страх.

Но Дункан, взглянув прямо в лицо одного из регулов, который наклонился, помогая Ставросу сесть, увидел крепко сжатые щели ноздрей и губ, что означало неприкрытую ненависть.

Они прибыли на Кесрит, где будут жить среди регулов — своих будущих компаньонов и советчиков, уже многие века живущих здесь. И в течение тридцати дней, а может и больше, зем-

лян будет всего двое — без какой бы то ни было защиты и средств к обороне. Они прибыли на планету, которая принадлежала регулам и мри, планету, которую команда «Хазана» называла своим домом.

Дункану было ясно, что ненависть, которую регулы испытывали к ним, прибывшим на Кесрит завоевателям, была обусловлена не только расовыми и политическими мотивами.

И возможно, на Кесрит есть регулы, которые не согласны с договором, передающим их планету землянам.

Небольшие неприятности, как сказал бай Ставросу. Может, для бая эти неприятности и были небольшими — ведь регулы неспособны лгать. Но в глазах молодых регулов лжи не было вовсе, и в них Дункан прочел больше, чем услышал от Хулага.

После прибытия на Кесрит они будут жить в здании, именуемом Ном, в центре главного города планеты. Там они будут защищены от раздражающего действия атмосферы Кесрит в первые, особо критические дни. Там им предстоит приспособиться к местному климату.

Дункан увидел лицо Ставроса, впервые вышедшего из теплого чрева корабля в широкий мир,

впервые взглянувшего на холмы, горы, широкие белоснежные долины, освещенные странным призрачным светом розового солнца.

Для Ставроса этот новый мир должен был стать родным домом. Его миссия заключалась в том, чтобы все подготовить к прибытию землян и затем немедленно начать строить новую земную колонию. Дункан понял, что предстоящие пять лет будут для него чрезвычайно долгим сроком.

Регулы и соленые озера, гейзеры, пыль, шахты; солнце, казавшееся большим воспаленным пятном на небе. Дункан бывал на многих планетах, видел и голые камни, и утопавшие в роскошных цветах равнины. Но он никогда прежде не видел планет, которые были бы настолько враждебны к человеку, как Кесрит.

Все здесь противилось присутствию землян — даже воздух был ядовит, наполнен какими-то раздражающими веществами.

Если Ставрос почувствовал что-либо, то не подал вида. Он позволил регулам обращаться с собой как со старшим регулом, и в совершенстве сыграл свою роль, когда те почтительно подняли его и опустили на тележку, ожидавшую внизу.

Было уже позднее утро. Солнце прошло четверть пути по небосклону. Вместо бурной и шум-

ной встречи в порту их ждала какая-то зловещая тишина. Казалось, что они, да молодые регулы — единственные живые существа в порту.

И вдалеке в горах виднелось нечто, заставившее сердце Дункана учащенно забиться. Безотчетный страх стиснул его желудок. Он увидел зловещие силуэты четырех конических башен, образующих приземистую неправильную пирамиду.

Эдун мри. Дункан знал, что на Кесрит есть эдун. Он видел фотографии развалин эдуна на Нисрене. И все же он не был готов к тому, чтобы увидеть эдун так близко здесь.

Эдун возвышался над городом. И казалось, ничто не могло спрятаться от внимательных глаз, наблюдающих сквозь узкие окна башен.

Башни возвышались, мрачные, темные, зловещие, чужие, враждебные. Они напоминали, что здесь, на Кесрит, существует и третья сторона, с которой придется считаться во время переговоров.

— Быстрее, быстрее, — повторил регул, то ли раздраженный задержкой, то ли проследивший взгляд Дункана. Но Дункан не захотел обострять отношений. Он опустил голову и вошел в закрытую тележку, где отфильтрованный воздух был очищен от кислого жгучего запаха, раздражав-

шего человеческое горло.

Тележка помчалась к городу по дороге, выложенной плитами из грубого песчаника. Скорее всего, она везла их в новую тюрьму, ну разве что более просторную, чем та, из которой они вышли.

6

Ньюн обычно проводил все дни в горах. Там он бегал, охотился, упражнялся с оружием — в общем, старался заполнить пустоту дней.

Но сегодня ничто не могло заставить его удалиться от эдуна. Он подошел к башне Сенов, на вершине которой был пункт передачи и приема сообщений, постоял в нерешительности у главного входа, а затем, уступив грызущему душу нетерпению, повернулся и побежал на свой наблюдательный пункт на дамбе. Он забрался на белый камень и стал до рези в глазах всматриваться в направлении порта, стараясь уловить малейшее движение.

Он уже очень давно не ждал ничего хорошего, и теперь наслаждался ожиданием. Им владели противоречивые чувства, и все же он не мог забыть постоянного соперничества с Медаем и теперь, по прошествии стольких лет, признавался себе, что во многом завидовал кузену. Сейчас Ньюн старался забыть все враждебные чувства, ему хотелось увидеть Медая, он хотел этого страстно, отчаянно — пусть будет все, что угодно, только

не одиночество, только не постоянное ощущение того, что эдун медленно, неотвратимо погибает.

И в глубине души у него шевелилась маленькая надежда, что когда вернется Медай, первый из многих ушедших, он подтолкнет госпожу к действиям и тогда будут предприняты меры, направленные на спасение Народа.

Он сидел сейчас, как сидел уже тысячи дней до этого дня, стараясь найти хоть что-нибудь, что привлекло бы его внимание, отогнало печальные мысли. Ползающие насекомые, загадочно покачивающиеся па ветру цветы, посадки и старты кораблей в порту. Каждый прилет мог означать появление чего-то нового, что изменит всю ситуацию на планете. Все было, как обычно. Даже воздух казался живым. Сердце Ньюна бешено билось, мышцы были напряжены так, что ломило спину и грудь. Вдруг он замер, затаив дыхание. Он заметил внизу движение и молил богов, чтобы это не оказался обман зрения.

В ярком дневном свете над дорогой всплыло облако белой пыли. Ньюн различил темные пятна, движущиеся вверх по дороге. Он сел на камень и, прищурившись от яркого света, стал всматриваться, стараясь различить отдельные фигуры.

Судя по размерам пятен и количеству пыли,

можно было предположить, что это машины, которые он не раз видел раньше на дороге.

У него появилось предчувствие, что произошло что-то неладное. Тяжесть сдавила его бешено колотящееся сердце. Он сидел, обхватив колени длинными руками, и смотрел вниз. Ему не хотелось бежать в эдун. Регулы. Приближаются регулы.

В другое время он был бы вне себя от радости при виде приближающихся регулов. Но только не в это утро. Не теперь. Теперь у мри свои дела, более важные, чем общение с регулами.

Внезапно он понял, что госпожа должна узнать о приближающихся регулах. Он видел их уже совершенно ясно — шесть машин и какая-то черная точка за ними. Расстояние было слишком велико и глаз не мог различить очертаний, но скорее всего это была седьмая машина.

Еще никогда столько регулов не приближалось к эдуну мри.

Ньюн соскользнул с камня и огромными прыжками пустился вниз. Его длинные ноги несли его с такой скоростью, что бег его сделался почти неуправляемым. Но Ньюн был слишком встревожен, чтобы думать об опасности. Он бежал к эдуну, не переводя дыхания.

Еще до того, как он прибежал со своим предупреждением, мри уже выстроились у входа. Черные мантии Келов и ни одной золотой мантии. Ньюн перешел на шаг и, тяжело дыша, приблизился к ним. Он с трудом сдерживал боль. Сухой воздух Кесрит мгновенно слизал выступивший было пот. Здесь нельзя было много бегать, сотни раз он убеждался в этом на собственном опыте — и сотни раз повторял свою оплошность. Легкие его горели, изо рта вырывались капельки крови. Но никто из келов не отругал его. Ньюн почувствовал их настороженность, увидел смотрителя дусов, который вышел из эдуна с животными. Один из дусов поднялся на задние лапы, нюхая ветер. Затем он тяжело плюхнулся на ноги, подняв облако белой пыли, и грозно зарычал.

— Яй, яй, — успокаивал дусов кел Дахача. Это ничего не значащее слово имело тысячи смысловых оттенков в общении дусов и кел'ейнов. Дусы отошли прочь и собрались кружком за эдуном, навострив уши. Некоторые сели. Время от времени один из дусов поднимался и обходил круг, посматривая на вереницу машин; затем он возвращался обратно, предупредительно рыча.

Готовясь к встрече с чужими, келы закрыли лица. Ньюн поправил мэз и занял место в черном

ряду. Но кел'ант Эддан взял его за локоть и поставил впереди.

— Здесь, — сказал Эддан и ничего больше не добавил. В минуты опасности и ожидания Кел не должен задавать вопросов. Ньюн промолчал, но сердце его сжалось. Ведь он был новичок, несмотря на возраст, он не принадлежал к тем, кто может задавать вопросы и отвечать регулам, и все же он стоял между Эдданом и Пасевой — старейшими Келами.

Может, дело касается лично его?

Или его родственника?

И внезапно он понял, что на башне Сенов в эдуне уже приняли какое-то сообщение, что-то произошло, а он все пропустил, в одиночестве сидя на камне и тщетно ожидая прибытия Медая.

С кем-то из мри произошло нечто ужасное — визит регулов не случаен.

Вереница машин медленно приближалась. Уже слышен был шум моторов. Кроваво-красные лучи солнца пронзали воздух. В долине взметнулась вверх струя гейзера: Элу, один из наиболее опасных, поведение которого было невозможно предсказать. Фонтан взвился в небо на десять ростов мри и рассыпался на мелкие брызги. По фонтану можно было легко распознать гейзер.

Ньюн знал, что если проснулся Элу, то скоро ударит и Учан. Вскоре машины можно было отчетливо рассмотреть.

Одна… две… три… четыре… пять… шесть.

Шесть машин. Никогда к эдуну не подъезжало больше двух машин за раз. Но Ньюн сдержал свои чувства. Возле него неподвижно, словно каменные изваяния, стояли келы. Ветер рвал их черные мантии. Правые руки кел'ейнов замерли у поясов, где в ножнах покоились ас'сеи. Пальцы всунуты за пояс. Это был призыв к бдительности, предупреждение для остальных келов. Регулы, как и большинство ци'мри, не знали, что это — предупреждение. Но это был и церемониальный жест, означающий, что мри не желают видеть чужаков.

Машины повернули в последний раз и в облаке пыли остановились у входа в эдун, перед строем келов. Двигатели умолкли, наступила тишина. Двери открылись и из машин появились десять молодых регулов — угрюмых, хмурых; на их лицах даже не было обычного надменного выражения. Один из них был Хада Сураг-ги, охранник из Нома: Ньюн узнал его по медалям и одежде — это был лучший способ узнавать регулов. Было похоже, что и Хада узнал Ньюна, но узнал именно

по отсутствию наград, с горечью отметил про себя юноша. Но Хада ничем не показал, что знает Ньюна. Он прошел прямо к Эддану. Глаза Хады были широко раскрыты — ни следа презрения. Хада Сураг-ги вдохнул воздух и поклонился — по этикету регулов это означало, что он пришел с добрыми намерениями.

Теперь по обычаю мри должны были сделать ответный жест. Эддан остался неподвижен, и ни один мри не шелохнулся. Руки замерли у ножен с ас'сеями.

— Мы принесли печальные вести, — сказал Хада.

— Мы готовы выслушать ваши слова, — ответил Эддан.

— Наши старшие уже сообщили вам…

— Вы привезли Медая? — хрипло спросил Эддан.

Хада повернулся, пожалуй, слишком резко для регула. Он хлопнул в ладоши, что означало приказ его помощникам исполнять свои обязанности. Они зашаркали ногами ко второму автомобилю и, открыв багажник, достали оттуда носилки из белого пластика. Они аккуратно поставили носилки у ног Хада Сураг-ги перед Келами.

— Мы привезли останки Медая, — сказал Хада.

С первых слов Хады Ньюн уже все понял. Он не двинулся с места, даже не приподнял вуаль. Его неподвижность могла быть принята келами за самообладание. Но он просто остолбенел. Он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Он слышал, что происходит вокруг него, чувствовал движение, но его не покидало чувство, будто он смотрит на все это со стороны, как будто Ньюн с'Интель покинул свое тело, и оно осталось здесь, как и тело Медая с'Интель, бесчувственное и ко всему безучастное.

— Значит, земляне уже здесь? — спросил Эддан, — ведь по обычаю келов, погибших на войне, отдавали холодному космосу или сжигали в пламени солнца — родины Народа. Никогда тела келов не привозились на планету с войны. Если бы они могли выбирать, то никогда бы не согласились на погребение в земле. И было очень страшно, что регулы, знающие обычаи мри, совершили такую оплошность, привезя сюда, в эдун, тело мертвого мри.

Молодые регулы всем своим видом показывали, что выполняют крайне неприятную для себя миссию.

Виновны, — с горечью подумал Ньюн, глядя на

регулов. Он уже овладел собой, и глаза его пристально смотрели в глаза Хада Сураг-ги. Он очень хотел встретиться с ним взглядом. На мгновение это ему удалось, но Хада отвел взгляд.

Виновны и всячески стараются скрыть еще что-то, известное им. Ньюн дрожал от ярости. Дышать стало трудно. Келы не двигались. Они стояли абсолютно неподвижно. Они составляли единое целое с Эдданом, одного слова которого было достаточно, чтобы они сделали свое дело.

Хада Сураг-ги переступил на полусогнутых ногах и немного отодвинулся от трупа, лежащего между ними.

— Кел'ант Эддан, — сказал Хада. — Будь благоразумен. Этот кел'ен сам нанес себе рану и отказался от нашей медицинской помощи, хотя мы могли бы спасти его. Мы очень сожалеем об этом, но мы всегда старались чтить ваши обычаи. Сам бай Хулаг, которому верой и правдой служил этот кел'ен, скорбит вместе с вами. Бай Хулаг очень сожалеет, что его встреча с Народом омрачена таким грустным событием. Он посылает свои самые глубокие соболезнования по поводу этого происшествия и…

— Бай Хулаг — новый правитель этой зоны? А что с Солгах? Где Хольн?

— Их нет, — ответ был коротким и резким. — И бай желает заверить вас…

— Я полагаю, что Медай умер недавно, — сказал Эддан.

— Да, — сказал Хада, который никак не мог закончить приготовленную речь. Губы его шевелились, подыскивая слова.

— Самоубийство. — Эддан воспользовался вульгарным словом регулов, хотя регулы знали слово мри ик'аль, которое означало ритуальную смерть кел'ена.

— Мы протестуем… — не в силах отвести взгляд от кел'анта, молодой регул, казалось, потерял нить разговора, — нечто невероятное для ничего не забывающих регулов. — Мы решительно протестуем, кел'ант: смерть этого кел'ена никоим образом не зависит от перехода власти к баю Хулагу и свержению Хольнов. Кажется, у вас сложилось неправильное впечатление. Если вы предполагаете…

— Я ничего не говорил о моем впечатлении, — сказал Эддан. — Или ты считаешь, что для подобных предположений есть основания?

Регул, которого непрерывно обрывали нелогичными аргументами, сконфузился и постарался взять себя в руки. Он быстро заморгал глазами,

что означало крайнюю степень замешательства.

— Кел'ант, будьте благоразумным. Мы утверждаем лишь, что Медай в приступе меланхолии сам заперся в своей каюте, отказываясь от всех наших попыток помочь ему. Это не имеет никакого отношения к назначению бая Хулага. Подобные допущения просто неразумны. Бай Хулаг нанял этого кел'ена, и этот кел'ен много раз помогал баю, чем и заслужил уважение бая. Здесь нет ничего враждебного вам. После того, как было объявлено о заключении мира, кел Медай просто не находил себе места…

— Ты из Нома, — прервал его Ньюн, не в силах больше терпеть. Хада Сураг-ги посмотрел на него. Черные глаза расширились и от изумления стали совсем светлыми. — Как ты можешь судить о состоянии рассудка кел'ена, который был на корабле очень далеко от тебя?

Он не имел права говорить здесь. Со стороны молодого кел'ена, да еще перед чужими — это недопустимое поведение. Но кел стоял твердо, и распахнутый рот Хада Сураг-ги стянулся в тонкую линию.

— Старший… — протестующе обратился он к Эддану.

— Может, посланник бая ответить на вопрос? —

спросил Эддан. Это было прощение Ньюна, и эти слова вызвали в Ньюне теплую волну благодарности.

— Разумеется, — сказал Хада. — Я все это знаю, потому что получил информацию от самого бая. Мы и понятия не имели, что кел'ен решится на такое. Его действия ничем не были спровоцированы.

— И все же совершенно ясно, — сказал Эддан, — что у кела Медая имелись достаточно серьезные причины оставить службу, причем настолько серьезные, что он решил прибегнуть к ик'аль, чтобы избавиться от вас.

— Несомненно, причиной было окончание войны, которого кел'ен не хотел.

— Очень любопытно, — продолжал Эддан, — что он прибегнул к ик'аль, хотя знал, что возвращается домой.

— У него был упадок духа, — ляпнул Хада Сураг-ги, хотя регулы не знали, что такое нелогичность. — Он был просто не в себе.

— Ты говоришь перед его родственником, — резко сказал Эддан. — Он был кел'еном, не дусом, не сумасшедшим. Его ждали на родной планете. Всего, о чем ты рассказал, не могло быть, если, конечно, бай не оскорбил его честь. Может, так

оно и было?

Регулы под гипнозом повелительного голоса Эддана начали пятиться.

— Мы не удовлетворены ответами, — сказал Эддан, взглядом приказывая Хаде Сураг-ги остановиться. — Скажи, где и когда умер Медай.

Регул не хотел отвечать на этот вопрос. Он вздохнул и сменил окраску.

— Он умер вчера на корабле бая.

— На корабле бая Хулага.

— Кел'ант, бай протестует…

— Были ли споры между баем и кел'еном?

— Будьте благоразумным. Кел'ен был не в себе. Конец войны…

— Бай довел его до этого, — сказал Эддан, бесцеремонно обрывая регула.

— Бай, — забормотал Хада, часто дыша; ноздри его расширялись и сжимались, — бай попросил этого мри остаться на корабле и продолжить службу. Кел'ен отказался, желая покинуть корабль тотчас же, чего бай не мог позволить никому. Впереди были важные дела. Возможно… — кожа регула становилась все бледнее, по мере того, как он говорил. — Кел'ант, я понимаю, вы можете счесть это за оскорбление, но мы не можем понять поступка кел'ена. Бай приказал

ему задержаться. И кел'ен решил, что теперь ему следует покончить с собой. Мы не знаем, почему. Мы заверяем вас, что глубоко опечалены этим трагическим событием. Кесрит переживает плохие времена, и этот кел'ен служил баю и, конечно же, вам. Бай высоко ценил службу кела Медая. Мы снова заявляем, что не понимаем причины его поступка.

— Может, вы не хотели понять или выслушать его, — сказал Эддан.

— Будьте благоразумным. Кесрит передан землянам. Сейчас идет эвакуация всех живущих на планете. Сделаны распоряжения относительно эвакуации мри. Бай хотел, чтобы его корабль находился в постоянной готовности и чтобы вся команда, само собой... — регул беспокойно заерзал, глядя на неподвижно стоящего Эддана. — Есть вещи, которые не поддаются нашему контролю. Если бы кел'ен сообщил баю, что непременно хочет покинуть корабль...

— Кел Медай предпочел оставить службу у вас, — сказал Эддан. — Он все сделал как надо. Больше мы не хотим обсуждать этот вопрос с молодыми регулами. Идите прочь.

Тон, которым это было сказано, не предвещал ничего хорошего, и регулы, вначале потихоньку

пятясь, по мере приближения к машинам бросились бежать. Хада бежал в середине, пытаясь хоть как-то сохранить достоинство. Двери захлопнулись, моторы взревели, машины развернулись, поднимая пыль, и понеслись вниз по склону.

Никто не пошевелился. Как будто все вокруг замерло после того, как регулы исчезли, оставив их наедине с мертвым.

И вдруг на пороге порыв ветра подхватил золотые и белую мантии — появились сен'ант и Мелеин, и сама госпожа.

— Медай мертв, — сказал Эддан. — И наша планета скоро перейдет к землянам, как мы и предполагали. — Он воздел укутанные мантией руки, чтобы оградить госпожу от ужасного зрелища. Мелеин сделала шаг вперед, всего один шаг: больше она не имела права. Она закрыла лицо и отвернулась, склонив голову. Госпожа и сен'ант тоже опустили вуали, чего они никогда не делали при живых. Но здесь был мертвый.

Они удалились в эдун. Смерть была уделом келов; они несли ее, они оплакивали мертвых, им предстояло совершить ритуал погребения. И сделать это должен был родственник убитого Кела.

Ньюн знал, чего ждут от него, и видел, что все готовы помочь ему. И он раскинул руки, позволив

всем помочь. Он только слышал о ритуале и не хотел позорить себя или Медая своим незнанием. Они собрались у носилок — он и те, кто мог найти место, чтобы взяться за них. Они пошли к двери эдуна и направились в Пана'дрин, Святилище, туда, куда Медай должен был бы явиться в первую очередь, вернись он домой живым.

Руки Ньюна ощущали теплый металл носилок. Он смотрел на то, что было когда-то его кузеном, и постепенно шок, сковывавший его, начал вытесняться другими чувствами: юношу охватывал глубокий и беспомощный гнев.

То, что произошло, было неправильно. Если это случилось, значит, справедливости не существует. Он почти дрожал от гнева, он был в ярости, и в этом состоянии мог бы убить, если бы здесь был кто-нибудь, на кого он мог направить свой гнев.

Но здесь не было никого. Он попытался отключить свои чувства. Это было легче, чем искать выход ярости, клокотавшей в нем. Он жил надеждой, но теперь надо было заставить себя забыть ее. Мир сошел с ума, и Медай пал жертвой этого сумасшествия.

«Мой последний сын», — назвала Ньюна как-то госпожа. Теперь это стало правдой.

7

В Святилище Эдуна Народа стоял металлический экран, украшенный драгоценными камнями и покрытый древними символами. Этот экран был невообразимо стар. Он стоял в каждом Святилище всех эдунов, которые когда-либо существовали. И рядом с ним висели бронзовые лампы, такие же старые, как и экран. Это была граница, разделяющая Келов и Сенов, граница, которую не мог переступить ни один кел, даже после смерти.

Перед самым экраном они положили тело Медая, завернутое в белую ткань. Медай с'Интель Сов-Нелан лежал рядом с той границей, которую не мог перейти кел'ен. По обе стороны экрана стояли курильницы, источая густой ароматный дым. Он заполнял помещение и скапливался вверху, превращая потолок в какой-то нереальный зыбкий полог.

Этот запах вернул Ньюна в те времена, когда он был еще в касте Катов и смотрел на церемонии из соседней комнаты, не имея права войти в комнату воинов, комнату Келов. Тогда он был

еще ребенком, как и Медай, и Мелеин, и многие другие, которых уже не было, которые погибли. Из соседней комнаты помещение Келов казалось торжественным, загадочным, сверхъестественным.

Ньюн вспомнил, как они втроем в черных мантиях впервые стояли здесь, среди келов, и от Пана, Священных предметов, их отделял только этот экран. А еще позже они уже молились, провожая в дальний путь Медая, который покидал эдун для почетной службы. Ньюн тогда чуть не умер от зависти и горечи. Его молитвы были не искренни, в них жила ненависть. И эти молитвы снова возвращались к нему сегодня, словно жуткие призраки.

Сейчас он ощущал то же самое. Мед снова ушел от них, оставив Ньюна в жутком одиночестве на Кесрит.

Медаю не пришлось испытать того, что испытал Ньюн, оставаясь здесь, на Кесрит, последним защитником Дома, слугой для всех.

Медай теперь считался великим кел'еном за то, что он совершил.

В невидимом пространстве за экраном слышался шорох одежды. Там Сены охраняли Священные предметы. Там были Мелеин и Сатель.

Снова трое малышей-катов, что когда-то давным-давно подсматривали из соседней комнаты, собрались через много лет, вознося свои молитвы. Ньюн в Святилище Келов, оставшийся ни с чем; Медай, который вкусил всю славу великого воина и находился на пути в вечный Мрак; и Мелеин, которая покинула Святилище Келов и теперь находилась там, за запретной чертой, около священных Тайн.

Ньюн склонил голову, страдая от гнева и бессилия. Он глубоко дышал, пытаясь взять себя в руки.

Чья-то рука коснулась его плеча. Мелькнула темная мантия, и рядом с ним опустился Эддан.

— Ньюн, — мягко сказал он. — Госпожа зовет тебя. Она не хочет, чтобы ты сидел тут. Она сказала, что этой ночью желает видеть тебя рядом с собой. Она не хочет, чтобы ты присутствовал на похоронах.

Ньюну понадобилось некоторое время, чтобы овладеть собой.

— Неужели она хочет лишить меня даже этого? — спросил он. — Что она сказала? Она что-нибудь объяснила?

— Она хочет, чтобы ты сейчас явился к ней.

Он был поражен таким решением госпожи.

Они с Медаем не любили друг друга. И госпожа это хорошо знала. Но совсем ни к чему было подчеркивать это публично. — Нет, — сказал он. — Я не пойду к ней.

Пальцы стиснули его плечо. Он ожидал сурового выговора. Но старик открыл лицо, на котором не было гнева.

— Я так и думал, — сказал Эддан. Это были чудовищные слова. Ньюн не верил своим ушам, как не мог поверить в то, что он сам сказал. Но старик хорошо знал его. — Делай то, что ты считаешь верным, — продолжал он. — Оставайся. Я не запрещаю тебе.

И старик поднялся, отдавая распоряжения остальным, которые принялись готовиться к церемонии очищения. Один из них принес священные ритуалы, сосуды, которые следовало при погребении положить в ноги Медаю. Пасева принесла воду, Дахача — полотенца, Палази наполнил маслом лампады для бдения, а Дебас тихим свистом подозвал дусов и вывел их из башни Келов, чтобы они не нарушали торжественности церемонии. И посреди этой суеты сидел Ньюн. Он наконец понял, что во время быстрого торопливого бега порвал мантию, а руки запачканы грязью. Ноги его дрожали. По-

дошел Сайрен, полуслепой Сайрен, и принес ему смоченное полотенце. Ньюн откинул вуаль и протер лицо, очень благодарный старику. Затем он снова опустил вуаль. Лирен принес ему новую чистую мантию, и Ньюн тут же переоделся, так как в Святилище не подобало находиться в пыльной рваной сайг. Он снова сел, пытаясь сосредоточиться на благочестивых мыслях и успокоиться.

По приказу Эддана остальные начали разматывать белую ткань с тела Медая. Терпеливо чуткие пальцы снимали плотно смятую белую паутину, которая, словно кокон, опутывала тело. Она плохо поддавалась их усилиям, и Пасева поднесла к паутине раскаленный прут. Странный материал мгновенно вспыхнул и сгорел без остатка, распространяя вокруг себя своеобразный запах, смешавшийся с густым ароматом ладана.

Все молчаливо согласились с тем, что невозможно хоронить кел'ена завернутым в саван регулов, и они осторожно освободили тело Медая от остатков нитей. Обнажилось такое знакомое лицо — спокойное и бледное, на котором голубели ритуальные сет'ал. Тело было совсем худым и казалось совсем невесомым, хотя Медай при жизни отличался немалой силой. На ремнях

висели награды, полученные им за службу. Он был очень красив, Медай с'Интель. Он всегда был полон жизни и в эдуне возлагали на него большие надежды. И даже теперь он был красив. Лишь пятна крови на груди в том месте, куда он нанес себе смертельный удар, напоминали о том, что он мертв.

Самоубийство.

Ньюн работал, не глядя в лицо Медая, стараясь не думать о том, что делают его руки — они могли задрожать и выдать его чувства. Он пытался припомнить счастливые дни, и не мог. Он слишком хорошо знал Медая. Его кузен даже в смерти был таким же, как при жизни — эгоистичным, надменным и упрямым во всем. Конечно, нельзя думать плохо о мертвых. Но в конце концов Медай оказался бесполезным для них — как и всегда. Медай жил для себя и покончил с собой, не считаясь ни с кем. Он не думал о том, что его ждут, что в его смерти мало пользы для Народа, пускай даже смерть его отвечала самым высшим канонам Келов.

Ньюн расстался с Медаем в ссоре. Он ничего не забыл и знал, почему госпожа хотела, чтобы он поднялся к ней; знал, что думают его братья кел'ейны, сидящие рядом с ним сейчас. В той

ссоре, когда они обнажили длинные мечи, Ньюн выхватил меч первым, прямо в зале Святилища. Это был день, когда Медай посмел коснуться Мелеин.

И Мелеин не протестовала.

Сама госпожа положила конец ссоре — она сбежала по ступеням лестницы с башни — тогда она была еще способна на это — и вмешалась. Она обозвала Ньюна обидными словами — и это поразило его, ведь он был уверен, что госпожа любит его.

Медай не услышал от нее ни одного обидного слова.

Прошло совсем немного времени — и Медай получил почетную службу на корабле бая регулов, службу, достойную одного из Мужей. А Мелеин перешла в касту Сенов.

А для Ньюна с'Интель не изменилось ничего. Он вернулся к своим занятиям, находясь рядом с матерью и постепенно теряя последние надежды покинуть Кесрит.

Все оставалось по-прежнему до этого злосчастного дня. Он хотел помириться с Медаем, когда тот вернется, и сделать вместе что-нибудь для пользы Народа.

Но Медай обокрал его и здесь. В Доме Ньюн был

мальчиком на побегушках, им он и остался. И это было несправедливо.

«Когда ты осознаешь, какова твоя миссия, зачем ты нужен Народу, — говорил Эддан, — приди и скажи мне."

И затем все келы заговорили о Медае, восхваляя его. То был древний ритуал лидж'эйя. Голоса старых кел'ейнов звучали над телом Медая.

— Это очень плохо, — сказал Лирен, — что старики хоронят молодых.

Следом заговорила Пасева:

— Что ж, — сказала она, прикасаясь к сверкающим в золотом свете ламп джи'тэй, полученным им за службу регулам, — что ж, хоть он и молод, он немало странствовал и много воевал. Я вижу здесь награды за Шоа, Элаг, Согрун, Гезен, Сегур, Хэдре — и везде он служил своему Народу. Да, он много сделал, этот наш брат, дитя нашего дома. Я думаю, что он очень устал. Я думаю, что служба у регулов стала ему в тягость, и он сделал это, чтобы вернуться домой. Я тоже устала, служа регулам, и, узнай я, что окончание службы отодвигается, я сделала бы то же, что и он.

Потом пришел черед Ньюна воздать хвалу своему кузену. Злые слова вертелись на языке у юноши, но он не мог произнести их, не мог пере-

чить Пасеве, которую любил. Он опустился на пол и закрыл голову руками, содрогаясь всем телом.

И келы позволили ему это, решив, что он страдает от горя. Но их горе было искренним, они скорбели по тому, кого любили. Ньюн же страдал от жалости к самому себе.

Теперь он оценил себя и обнаружил, что даже сейчас он не может сравниться с Медаем.

Ожидая, пока Ньюн совладает с собой, остальные шепотом переговаривались, но постепенно всем стало ясно, что Ньюн не может отыскать слов для ритуальной речи. Тогда они заговорили о горах, о погребении, которое им предстоит совершить. В их словах, в их планах чувствовалось такое отчаяние, что путь до гор неблизок, подъем крут, ноша будет тяжела — ведь они стары, дряхлы. Они говорили о том, что регулы, конечно, не дадут транспорт. Но Келы и не станут обращаться с такой просьбой, ведь она оскорбит память Медая. И старики начали обсуждать, как же они понесут его в горы.

— Не беспокойтесь, — сказал Ньюн, нарушая долгую тишину. — Я сделаю все сам.

И увидев сомнение на их лицах, он подумал о трудном долгом пути и сам засомневался.

— Госпожа не позволит, — сказал Эддан. —

Ньюн, мы похороним его поблизости.

— Нет, — сказал Ньюн. И повторил снова, думая о госпоже. — Нет. — И после этого никто не возражал. Эддан решил, что все должно идти своим чередом.

И затем, после того, как он спокойно и с достоинством попросил оставить его одного, они ушли, тихо шурша мантиями. Этот звук отозвался эхом в сердце Ньюна. Он думал о своем эгоизме, о мужестве стариков, так много сделавших в жизни, и ему было нестерпимо стыдно.

Наступила долгая ночь его бдения. В тишине эдуна остальные скорбели в своих комнатах. Он начал думать и понял, что не хотел бы умереть добровольно, несмотря на традиции своей касты. Он не хотел умереть, как умер Медай, и это было ему неприятно, так как противоречило тому, к чему он готовил себя всю жизнь.

Медай смог это сделать, и госпожа приняла Медая. И именно в этом Медай оказался выше его.

Конечно, подобные мысли здесь, в Святилище, в присутствии богов и мертвого, были святотатством. Ему стало очень стыдно, и он захотел убежать далеко в горы, как делал это раньше, когда был ребенком. Там он быстро забывал свои огорчения, все свои обиды, забывал о себе.

Но теперь он был взрослым.

Он должен был исполнить свой долг перед народом. Медай жил и умер, подчиняясь законам Народа. И пусть Ньюн не был согласен с мотивами этой смерти, он был вынужден признать, что все произошло в соответствии с законами мри. Медай исполнил свой долг, сделал все, что от него зависело в создавшемся положении.

Несмотря на то, что это была заведомая ложь.

— Ньюн…

В шуме ветра, который все время был в святилище, Ньюн различил легкий шорох и шепот. Он поднял глаза и увидел в отдалении золотую фигуру. Он узнал голос сестры. Она подошла к самому экрану, разделяющему их, хотя они могли встретиться лицом к лицу где-нибудь в эдуне или за его пределами.

— Вернись, — сказал он. Ведь находясь рядом с мертвым, пусть даже родственником, девушка нарушала закон своей касты. Для Сенов не существовало родственных отношений, они были в родстве со всем миром.

Но Мелеин не ушла. Ньюн поднялся. Все тело его онемело от долгого стояния на коленях на холодном каменном полу. Он подошел к решетке. Мелеин нельзя было отчетливо рассмотреть. Он

видел только маленькую руку, опирающуюся на экран, и с нежностью сравнил ее со своей большой рукой. Но Ньюн боялся прикоснуться к девушке. Ведь согласно верованиям мри, к нему нельзя было приближаться, пока он не похоронит родственника.

— Мне разрешили придти, — сказала Мелеин. — Госпожа послала меня.

— Мы все сделаем, — заверил он ее. И сердце его забилось, когда он вспомнил, что отношения между Медаем и Мелеин были больше, чем родственные. — Мы отнесем его в Сил'атен… и сделаем все, что нужно.

— Мне кажется, тебе не следует оставаться здесь всю ночь, — сказала она. И затем, с внезапной горечью: — Или ты здесь только потому, что не получил прямого приказа уйти?

Ее внезапный выпад привел Ньюна в смятение. Он задержался с ответом, пытаясь найти нужные слова и соображая, почему она говорит так.

— Он мой родственник, — сказал наконец он. — Все остальное теперь не имеет значения.

— Однажды ты чуть сам не убил его.

Это была правда. Он пытался рассмотреть через решетку лицо Мелеин. Но видел только смутные золотые контуры фигуры за металлом решетки.

— Это было давно, — сказал он. — И я думаю, что, будь он жив, мы помирились бы с ним. Я хотел этого. Я очень хотел.

— Я верю, — сказала она после долгого молчания.

Она снова надолго замолчала, и эта тишина тяжким грузом придавила Ньюна.

— Это все ревность, — признался он.

Наконец все его душевные терзания приобрели форму, вылились в четкие слова. Признание было мучительным, но все же муки были куда слабее, чем он ожидал. Мелеин была его вторым «я». Когда-то они были с ней очень близки, и Ньюн думал, что эта близость все еще сохранилась.

— Мелеин, когда нас, молодых воинов, всего было двое в эдуне, ясно, что между нами должно было возникнуть соперничество. Он был первым во многом, в чем мне хотелось превосходить его. А я был ревнив и обидчив. И встал между вами. Я напрасно сделал это, но через шесть лет я заплатил за свою оплошность.

Она молчала. Ньюн был уверен, что она любит Медая — единственная дочь эдуна, умирающего от старости. Было очевидно, что она и Медай были бы прекрасной парой — кел'ен и кел'е'ен, еще тогда, когда она была в касте Келов.

Возможно — и эта мысль постоянно мучила его — Мелеин была бы счастливее, останься она келом.

— Меня послала госпожа, — сказала наконец она, никак не реагируя на его слова. — Она слышала о решении келов. Она не хочет, чтобы шел ты. В городе волнения. Такова ее воля, Ньюн: останься. Его похоронят другие.

— Нет.

— Я не могу принести ей этот ответ.

— Скажи ей, что я не стал слушать. Скажи ей, что придется сделать куда больше, чем просто яму в песке. Скажи ей, что если эти старики потащат его в горы, они умрут по дороге.

— Я не могу сказать ей этого! — прошептала Мелеин со страхом в голосе. Этот страх окончательно укрепил Ньюна в его решении.

В этом требовании Интель было не больше смысла, чем в остальных ее желаниях. Она могла играть жизнями мри, могла сокрушить их надежды и мечты. «Ее любовь ко мне слишком эгоистична. Она считает, что я принадлежу только ей. И не только я, но и Мелеин — мы оба дети Зайна! Она перевела Мелеин в касту сенов, а Медая отправила служить регулам, когда увидела, что их тянет друг к другу. Она сломала нам жизнь.

Великая госпожа — она душит нас, прижимая к себе, ломая наши кости в своих объятиях, вдыхая свое дыхание в нас."

«И так будет, пока мы живы."

— Делай то, что тебе положено, — сказал он. — Что касается меня, то я сделаю для своего кузена то, что должен сделать. А ты — сен'е'ен, и у тебя нет больше родственников. Иди к госпоже и скажи ей что хочешь.

Он страстно хотел разозлить ее, заставить пойти наперекор Интель. Ему очень хотелось этого. Но рука ее исчезла, и она пошла прочь. Ее золотая тень растворилась в золотом свете по ту сторону решетки.

— Мелеин, — прошептал он. И повторил громко: — Мелеин!

— Не приближайся ко мне, — донесся до него далекий, бестелесный голос. — Когда он был жив, я была его родственницей, и ты завидовал всему, что у него было. Теперь у меня другой путь. Скажи над его телом, что госпожа гордится его смертью. А я не хочу указывать тебе, что делать. Похорони его. Делай, что хочешь.

— Мелеин, — позвал он. — Мелеин, вернись.

Но в ответ он услышал удаляющиеся шаги и стук закрываемых одна за другой дверей. Он

остался стоять, держась одной рукой за экран. Он желал, чтобы она изменила свое решение и вернулась, и сказала то, что он желал услышать. Но она ушла. Он не мог даже сердиться на нее, ведь он сам толкнул ее на это.

Творение Интель. Как и он.

Ему хотелось верить, что где-нибудь в укромном уголке башни Сенов Мелеин отбросит свою гордость и заплачет по Медаю. Но он сомневался в этом. Холодность, рассчитанная холодность была в ее голосе — то была школа Сенов.

Лампы мигнули, пламя задрожало. Двери эдуна оставались на ночь открытыми — то была древняя традиция, выражающая почтение к мертвым. Скачущие извивающиеся тени плясали по стенам, покрытым загадочными знаками. Эти знаки, казалось, жили своей собственной жизнью. Госпожа говорила, что в них содержится вся история и мудрость Народа. Всю жизнь он был окружен этими знаками. Они были нарисованы на стенах Святилища, стенах главного холла, стенах башни госпожи, и Келов, и башни Катов. Точно такие же знаки, говорила госпожа, изображены в каждом эдуне, который когда-либо существовал. По этим знакам сен'ейны учились, постигали мудрость. Кел'ейнам они были недоступны. Ньюн знал

лишь то, что происходило с ним, на его глазах, или то, что рассказывали старики.

Но Мелеин понимала эти знаки, она познала мудрость, и это знание сделало ее холодной и непонятной. Он как-то спросил госпожу, когда Мелеин перешла в касту Сенов, нельзя ли и ему тоже стать сеном, ведь они с Мелеин никогда не расставались. Но госпожа взяла его руки, повернула ладонями вверх, посмотрела, улыбнулась и сказала, что это не руки ученого, — и отклонила его просьбу.

Что-то зашевелилось в холле. Медленная переваливающаяся походка, постукивание когтей по каменному полу — это один из дусов покинул башню Келов. Обычно они ходили совершенно свободно, никто им ничего не запрещал, даже когда они мешали или ломали что-нибудь. К тому же было смешно подумать, что им можно что-то запретить: они отличались немалой силой и не терпели принуждения. Какой-то инстинкт подсказывал им, когда их присутствие необходимо, а когда — нет.

Они без труда понимали кел'ейнов — те были слишком на них похожи — они не знали страха, сомнений, и совсем не имели комплексов. Поэтому каждый дус выбирал себе кел'ена или

кел'е'ен и оставался с ним навсегда. Но никто из них не выбрал Ньюна с'Интеля, хотя однажды он пытался и, к своему стыду, безуспешно, привязать к себе молодого дуса. Тот быстро разгадал его детские уловки, сломал западню и ударом лапы избавился от своего преследователя, оставив его лежащим без сознания.

Ньюн решил, что неправильно подошел к этому, но, поразмыслив, решил, что зверь почувствовал в нем какое-то недовольство, разочарование, и отверг его.

Он надеялся, что ему удастся избавиться от внутреннего недовольства, но в глубине души знал, что все это потому, что он не настоящий кел'ен. Для женщин Народа были доступны все касты, но для мужчин только две — Келы и Сены. Но Ньюн отрицал обе касты, а в другие путь ему был закрыт, ведь он был последним сыном и защитником Дома. Лучшие учителя занимались с ним и довели его искусство до вполне приемлемой степени. Но он знал, что будь в эдуне больше его ровесников, он бы не выжил — его упрямство и строптивость привели бы его к поединку, и Народ быстро бы избавился от него. Ньюн подумал, что он был бы неплохим кел'еном, если бы не постоянное вмешательство Матери, но тогда

многое было бы другим, ведь в этом случае он не был бы последним.

Мать гордилась Медаем, но Медай мертв, а Ньюн, живой, сидит у его тела, — самый упрямый и строптивый сын. Она, наверное, что-нибудь скажет ему после того, как он похоронит Медая в горах и вернется в эдун. Это будут горькие, очень горькие слова, а ему нечего будет ответить. И Мелеин будет на стороне госпожи. Он поежился при мысли о том, что предстоит услышать ему.

Но она скажет ему все.

Снова стук когтей. Дус. По отрывистому дыханию и тяжелой походке Ньюн понял, что зверь подошел совсем близко. Ньюн мысленно приказал ему выйти из Святилища, так как здесь ему не место. Однако тот не шелохнулся. Ньюн повернулся и увидел огромный темный силуэт зверя с покатыми плечами. Дус снова издал странный звук и подошел еще ближе.

— Яй, — сказал Ньюн, поворачиваясь на колене и мысленно приказывая идти вон.

И вдруг он увидел, что дус покрыт пылью и грязью, на теле его были видны едва зажившие старые раны. Сердце остановилось в груди Ньюна, дыхание перехватило. Он понял, что это не их прирученный дус, а дикий, чужой.

Иногда дикие дусы спускались с гор и бродили вокруг эдуна, сея смятение среди домашних дусов. Ньюн помнил, как один из кел'ейнов погиб, пытаясь прогнать такого дуса. Эти звери чувствовали намерения мри, их было невозможно обмануть. Они считались одними из самых опасных зверей Кесрит.

Дус стоял, опустив голову. Массивное туловище загораживало весь дверной проем. Он покачивался взад-вперед, издавая леденящий кровь звук. Затем он протиснулся через дверь, отчего та затрещала. Двери специально были сделаны небольшими, чтобы сюда не могли пройти дусы — следовало защитить священные Тайны от зверей.

Он вошел в Святилище, так как был меньше, чем хорошо откормленные домашние дусы. Ньюн отпрянул в сторону. Одна из ламп покатилась по полу, когда дус задел ее плечом. К счастью, огонь сразу погас, хотя горячее масло обожгло зверю задние лапы. Дус приблизился к телу Медая и тронул его когтями — такой коготь мог без труда распороть живот мри или регулу. Ньюн отступил в тень упавшей лампы и замер, неподвижный, как камень. Тело зверя заполняло почти всю комнату и загораживало выход. Это было жуткое

создание. От него исходил тошнотворный запах. Когда он повернул массивную голову, чтобы взглянуть на хрупкого мри, скорчившегося в углу, Ньюн увидел, что из бегающих глаз зверя на мозаичный пол стекает жидкость.

Мьюк! Это безумие! В теле зверя нарушен баланс душевных сил, он обезумел, и безумие толкнуло его в эдун, где жили мри. Ньюн знал, что нет существа страшнее, чем безумный дус. Не будь дусы эдуна заперты на эту ночь, они бы не подпустили мьюк'ко к эдуну; они бы погибли, защищая вход, но не позволили зверю войти сюда.

И Ньюн с'Интель приготовился к смерти, к ужасной смерти. Комната была такой маленькой, что братья найдут здесь утром только клочки его тела. Дус вонзил когти в тело Медая, словно собираясь потом расправиться с живым. Жуткий зверь раскачивался взад и вперед; текущая из глаз жидкость ослепляла его. Откуда-то из башни Келов донеслось рычание. Это дус, недовольный неожиданным заключением, издал утробный звук. А, может, он почувствовал вторжение дикого дуса и пытался вырваться на свободу. К нему присоединились и другие звери, но затем наступила тишина. Вероятно, кел'ен приказал им успокоиться.

Ньюн затаил дыхание, когда зверь поднял глаза, прислушиваясь к этим звукам. Челюсти зверя нервно дергались. Он снова фыркнул и переступил с лапы на лапу. Плечом он ударил экран. Тот со скрипом рухнул. Зверь резко повернулся, так как в глаза ему ударил свет из другой комнаты, прежде закрытой экраном. Ньюн в ужасе закрыл глаза рукой, чтобы не видеть запретное, а затем поспешно достал свой пистолет, бесполезный в схватке с дусом.

Ньюн должен нападать, чтобы защитить запретное, чтобы предотвратить вторжение к святыням Сенов. Он целился в мозг, хорошо зная, что смертельно раненое животное будет биться в конвульсиях, и в этом тесном помещении неминуемо погибнет и он сам.

Но дус остался на месте. Он опустил плачущую голову и обнюхал труп, сбив носом вуаль. После этого он простонал и медленно, неохотно повернулся, протиснулся мимо Ньюна и вышел из Святилища.

И когда он вышел, когда двинулся через большой холл, все еще плача, словно потерявшийся ребенок, Ньюн узнал его.

Дус Медая.

Никто не мог с уверенностью сказать, так ли это

на самом деле. Дусы были очень похожи один на другого. Но этот дус не убил его, его интересовало только тело Медая. И он ушел недовольным, в этом Ньюн был уверен. Дусы не любили смерть. Другим животным было все равно, но дусы не понимали смерть и не принимали ее. Они тосковали, горевали, искали хозяина — и даже умирали от горя. Они редко переживали свои хозяев.

И этот искал что-то. И не нашел.

Дус Медая пришел к телу своего хозяина.

Дус был болен; безумие глубоко поразило его, а эта болезнь быстро не проходит. Но регулы сказали, что Медай умер прошлой ночью.

Дус выглядел истощенным, как и его мертвый хозяин.

Внутренняя дрожь потрясла Ньюна. Потом задрожало его тело. И не дус был этому причиной. Он спрятал пистолет и со страхом взглянул во внутреннюю комнату Святилища, куда никогда не должен был смотреть.

Но ничего не произошло. Он вымыл руки и, не переступая за черту, поставил на место экран. Пальцы его почтительно касались безжизненного металла. Ньюн все еще был жив. Боги, как и люди, могли простить вторжение дуса. Ньюн

заглянул в святилище Сенов и был потрясен, но остался жив. Он видел яркий свет, но не видел ничего, что он мог бы считать Святынями. Ньюн выбросил все из головы. Это было зрелище не для кел'ена. Он не хотел вспоминать об этом.

И Медай…

Он поставил лампу на место, наполнил ее маслом, зажег, восстановив ее спокойный свет. Затем, ползая на коленях, он вытер разлившееся масло, которое, благодаря богам, не вызвало пожара. И пока он работал, дрожа от слабости, от бессонной ночи, холод не отпускал его сердце.

После этого он вытер руки и протянул их к телу Медая. Пока он не проверит свои подозрения, он не сможет успокоиться. Собрав все свое мужество, он быстро откинул мантию и осмотрел рану. И увидел, что подозрения не подтвердились — регул прав.

Ик'аль.

— Прости меня, — сказал он духу Медая. Он почтительно поправил мантию, вытер кузену лицо и поправил вуаль. Затем уткнулся лицом в пол и вознес молитвы древним богам своей касты, чтобы они дали покой душе Медая. И сделал это он с куда большей искренностью, чем раньше, чем молился тогда, когда кузен его был жив.

Это должно было успокоить его, дать мир, позволить понять, что верно и честно, а что нет.

И все же его не покидала уверенность, что, несмотря на характер раны и заверения регулов, Медай не сам покончил с собой.

Дус Медая был так худ, что прошел в узкие двери святилища, а тело Медая, прежде — сплошные мускулы, было тощим и почти прозрачным.

На кораблях регулов у келов были свои каюты — из-за дусов, которых регулы почему-то ужасно боялись, и из-за суровых законов касты, которые не позволяли кел'ейнам сближаться с чужаками.

Но каждый кел'ен во всем зависел от милости регулов, которые доставляли в его каюту пищу, воду и даже воздух, чтобы дышать. Любой кел'ен мог уединиться, просто заперев дверь.

Если регулы захотели убить кела, им было достаточно перекрыть подачу воздуха в каюту, а затем выбросить труп в холодный космос. Но они были ци'мри, они были чуждыми для Народа, их мышление тоже было чуждым, и они не могли понять кел'ена. Регулы не были воинами.

Обдумав все как следует, Ньюн поднялся и покинул Святилище, взяв сосуд с водой и чашу. Он вышел во внешний холл, где у двери сидел сумасшедший дус.

Ньюн знал, что тот должен был ждать там. Теперь все встало на свои места, и юноша был уверен в правильности своих умозаключений; он знал, почему дус потерял рассудок. Зверь был не менее опасен оттого, что когда-то был прирученным, он мог подняться и убить. Но когда Ньюн поставил воду перед дусом, тот фыркнул, опустил морду, обнюхал воду и начал пить. Вода быстро исчезла. Ньюн наполнил чашу еще раз, и еще, и только на четвертый раз животное отвернуло голову от чаши.

Ньюн опустился на корточки и стал рассматривать зверя. Дус был очень тощим, шерсть свалялась клочьями. На боку зияла открытая рана.

Дус Медая, сбежавший от регулов, от смерти. Полностью истощенный, он не покинул Медая даже после того, как тот умер.

Регулы не могли действовать, как мри. Они были способны на хитрость, на подкуп, на обман, на предательство, на убийство своих молодых, но они не могли убивать взрослых. Они не могли ни убить, ни солгать. Они нанимали мри, чтобы убивать своих врагов.

Этому Ньюна учили те, кто знал хорошо регулов, кто всю жизнь имел с ними дело.

И он верил этому.

И Медай верил.

Он поднялся и пошел обратно в Святилище, сел рядом с телом кузена, сложив руки, и глядел на извилистые линии знаков, в которых была записана история Народа.

Совершено убийство. Убийство тем или иным способом, тем или иным регулом — имя не важно. Кел'ен был убит теми, кому он служил, а дуса морили голодом до тех пор, пока не решили, что его можно выпустить умирать. Только тело вернули Келам. Такое могли сделать только регулы, неспособные скрыть случившееся, открыть свое преступление.

Ньюну очень хотелось рассказать об этом кому-нибудь, посоветоваться с Эдданом, предупредить госпожу. Но у него не было никаких доказательств, кроме дуса, лежащего у дверей. Ну, конечно же, руки регулов и их совесть были чисты. Медай сам сделал то, чего они добивались от него, к чему вынуждали. Ньюн ничем не мог доказать свои подозрения, он не знал мотивов, по которым регулы поступили именно так, заставив Медая покончить с собой.

У Ньюна мелькнула мысль, что по странной иронии он, старый соперник Медая, был един-

ственным из всех, кому тот мог доверить месть за себя, а единственным свидетелем происшедшего был мьюк'ко.

Считалось, что дусы жили лишь настоящим. Они не помнили того, что произошло. Они помнили только хозяина и места, где жили. Дус искал Дом, где он жил, он искал Медая. Он нашел первое и не нашел второго.

8

Когда все еще спали, Ньюн начал готовиться к путешествию в Сил'атен. Он приготовил воду, ритуальную имитацию пищи для мертвого и настоящую пищу для себя.

С трудом он вытащил тело Медая из Святилища и принялся привязывать его веревками к носилкам регулов, на которых его привезли сюда. Дус, сидя у двери, наблюдал за ним, но никаких враждебных действий не предпринимал.

Начали собираться остальные: Эддан и Пасева, и Дахача, и все Келы. Дусы тоже спустились вниз, и мьюк'ко отошел от двери, выйдя на улицу. Там, на солнце, он улегся, положив голову между лап. Зверь впал в глубокое оцепенение.

— Мьюк, — пробормотал Дебас, охваченный страхом при виде лежащего у ворот зверя.

Но Пасева, которая, несмотря на множество убитых ею врагов, была по натуре очень мягкой, вышла и попыталась позвать его, оставаясь на почтительном расстоянии. Дус, рыча, попятился и снова улегся. Это усилие очень утомило его. Прирученные дусы держались в стороне от него.

Они были очень возбуждены, ощущая опасность, исходящую от нового зверя. Дусы, окружив келов, приготовились защищать их от нападения врага.

В обращенных к Ньюну взглядах читался безмолвный вопрос. Юноша пожал плечами и продолжал затягивать веревки.

— Он пришел, — сказал Ньюн, — прошлой ночью в святилище. — Он посмотрел на Эддана. — Наверное, за кем-то охотился.

Ужасная догадка мелькнула в глазах кел'анта: Эддан был очень мудр, он мог бы стать сеном. Эддан спокойно повернулся и отдал приказ Пасеве, Лирену, Дебасу и Литу.

— Оставайтесь здесь, — сказал он. — Охраняйте госпожу.

— Эддан, — начала было Пасева. — Госпожа запретила…

— Любой, кто желает остаться здесь, может остаться. Пасева, охраняйте госпожу.

Ньюн, не дожидаясь остальных, двинулся в дорогу. По сопротивлению носилок, которые он волок на веревке, Ньюн понял, что упрямство ему дорого обойдется. Он уже жалел, что госпожа не настояла на своем.

Дус медленно поднялся и побрел следом. Он

сделал несколько шагов и снова опустился на землю в полном изнеможении.

Другие дусы следили за ним, все время оставаясь между ним и келами. Они не пошли за скорбной процессией. Они не хотели. Они остались охранять эдун.

Эддан и остальные кел'ейны догнали Ньюна на склоне горы. Они тоже ухватились за веревки. Ньюн не возражал. Он чувствовал себя виноватым за то, что ему приходится принимать их помощь.

Ньюн одной рукой опустил вуаль, чтобы сохранять влагу, выступающую на лице. Зная о предстоящих трудностях, он взял с собой воды больше, чем следовало. Одинокий мри на Кесрит был заведомо обречен. Эта планета годилась только для регулов, не знавших недостатка в технике.

Чрезмерные усилия быстро лишают тело влаги, поэтому лишняя вода не помешает.

Однако никто не сказал, что такое трудное путешествие никому не нужно.

Ни один кел не мог оспаривать решения Матери.

А ведь Ньюн поступил вопреки ее воле — и она могла через Эддана заставить его подчиниться.

Но она не сделала этого.

Ньюн не считал это проявлением ее любви к Медаю. Скорее всего она снова выпила комал и уже спала, когда вернулась Мелеин с отказом Ньюна подчиниться. Такова была Интель, госпожа эдуна. Подобное с ней уже случалось.

Непочтительный гнев разгорался в нем. Он отказывался верить в то, что госпожа может быть так безжалостна, так жестока после стольких лет, которые он провел рядом с ней.

Ньюну даже не приходило в голову, что после того, как он ослушался, она может изменить свое отношение к нему.

Ньюн упрямо продолжал идти вперед даже тогда, когда подъем стал круче, острые камни начали впиваться в ноги, холодный воздух обжигал легкие.

Корабли регулов продолжали взлетать в небо. Клокотавшая в них бешеная энергия, скорость невыносимо резко контрастировали с муками горстки медленно бредущих мри. Эти корабли увозили регулов и их добро с планеты, которой отныне будут владеть земляне.

Тропа в Сил'атен вовсе не была тропой. Это был путь меж камней, который хорошо помнили те мри, что хоть раз прошли по нему. Тропа появ-

лялась только тогда, когда требовалось обогнуть большое препятствие. Ньюн знал этот путь, так как на его веку было немало погребений. Зато на его памяти не было ни одной церемонии рождения. Он и Мелеин были последними детьми в Доме. Теперь Ньюн впрягся в веревки в одиночку и, с трудом передвигая носилки по мелким камням и выбоинам, тащился за высокой стройной фигурой Эддана. Он хрипло дышал, легкие его горели. Его готовили к войне, а не к такой работе. Каждые несколько метров подъема давались ему с большим трудом.

— Ньюн, — сказал один из братьев, — давай я ненадолго сменю тебя. — Но Ньюн с негодованием оттолкнул руку помощи. С ним шли старики. Все, за исключением Пасевы, которая осталась охранять эдун. Ньюна мучила совесть, что из-за его глупого упрямства эти старые люди подвергали себя таким мукам. И возможно, кто-нибудь из них не выдержит и умрет по дороге. Скорее всего, госпожа, вынося свое решение, предвидела это, а он был слеп, думал только о себе. Он плохо думал о Медае и теперь сожалел об этом. Постепенно его стали посещать мысли, что он ошибался и во многом другом.

Но теперь уже нельзя было повернуть назад.

Он привел их сюда. Он и его упрямство. И он радовался, что его мучения и боль наполняют мозг туманом, не давая ему с полной ясностью осознать свою глупую жестокость к мертвому. Медай не был трусом. Ньюн знал это наверняка. Он был уверен, что его кузен очень долго сопротивлялся своим хозяевам, богам и кто знает, чему еще.

Но как это было, Ньюн не знал.

— Эддан, — тихо позвал он, когда процессия остановилась в тени скалы для короткого отдыха. Песок внизу переливался мелкими искрами в лучах Арайна. Там, где они прошли, осталась глубокая борозда от носилок. И ветер с песком уже набросились на борозду, словно на жертву, быстро засыпая ее.

— Да?

— Мне кажется, ты понимаешь, что регул сказал нам не всю правду о смерти Медая.

Эддан опустил вуаль, жестом выразив свое согласие с Ньюном.

— Мне кажется, — продолжал Ньюн, — что келы уже обсуждали смерть Медая, и я единственный из келов еще не знаю вашего мнения об этом.

Эддан долго смотрел на него. Глаза его затуманились дымкой, затем снова стали ясными.

— Ньюн, — сказал он. — Я думаю, что не следует держать тебя в неведении относительно того, что мы думаем о тебе.

— Но, может, у вас есть для этого свои причины.

Рука Эддана крепко сжала кисть Ньюна. Эддан учил Ньюна искусству владения ин'ейн; он и Пасева были непревзойденными мастерами и могли одним незаметным движением отделить душу врага от тела. И сила еще оставалась в руке Эддана.

— Служба регулам — не для тебя. Ты служишь Госпоже и когда-нибудь займешь мое место. И думаю, этот день скоро придет.

— Если я буду кел'антом, — сказал Ньюн, которого от слов старика бросило в холод; он пытался осознать их смысл, — я же буду самым младшим из келов. Все будут помыкать мной.

— В тебе есть гордость и достоинство, Ньюн. Никто не сомневается в тебе. Лишь веры в себя, в свои силы нет в тебе. Но она придет.

Сердце Ньюна тревожно забилось. Тяжкая ноша обрушивалась на его плечи.

— Но я никогда не воевал. Как я могу быть старшим?

Эддан пожал плечами.

— Мы только Руки. Управляют нами другие. Но будь уверен, о тебе думают, и твой час придет. Помни об этом. И не забывай о судьбе Медая.

Ньюн сидел, оглушенный. Все его подозрения улетучились и на душе стало спокойнее.

— Но… — заговорил он, но Эддан отвернулся от него и поднялся, давая понять, что не хочет больше вопросов.

Ньюн тоже поднялся. Руки его беспомощно повисли. Если Эддан не хочет отвечать, он не будет. И вполне возможно, он сказал все, что знал.

«Госпожа довольна, что Медай умер с честью», — сказала Мелеин. Бесстрастность этих слов до сих пор вызывала в нем внутреннюю дрожь.

Впервые Ньюн пожалел своего кузена. В душе юноши все перевернулось. Вся вина Медая состояла в том, что он стал засматриваться на Мелеин, а госпожа планировала другое. Кесрит — суровая планета, она не прощает ошибок. Мать Кесрит была такая же суровая и безжалостная.

И он со своим упрямством воспротивился ее воле. Он отказался повиноваться, не зная, что движет ею. Он сделал то, чего не смел сделать никто из кел'ейнов: он выступил против воли Матери в то время, когда их маленький Народ

должен объединиться.

Вполне возможно, подумал он, что не только регулы убили Медая. Может быть, госпожа и Мелеин приложили к этому руку.

Он жалел Медая и боялся за себя. Ему хотелось бы поговорить с кузеном — ведь теперь они оба взрослые — и узнать от Медая то, о чем промолчал Эддан. Ньюн взглянул на носилки и лежащее на них тело. Снова взялся за веревки. Уверенность покинула его.

Он не остался бы в одиночестве все эти годы, а Медай был бы жив, и многое бы не произошло, не заставь он госпожу выбирать между ним и Медаем.

Да, не одни регулы убили Медая.

Только к вечеру они добрались до своей цели — продуваемых всеми ветрами утесов, где в пещерах Сил'атена Народ хоронил своих сынов и дочерей. Здесь было много могил, а самые старые появились еще тогда, когда на Кесрит не было регулов. В свежих могилах покоились те, кто перебрался на Кесрит после падения Нисрена.

Здесь у подножия утесов простиралась долина, засыпанная красным песком, резко отличавшаяся от белых долин внизу. Красный песок в долине перемежался полосами белого песка. Ветер, песок

и вода за долгое время превратили каменные глыбы в странных чудовищ, охранявших вход в долину. Жуткое впечатление усугублялось уродливыми тенями, которые отбрасывали камни на зловещий красный песок.

Теперь уже было стыдно отступать. Конец пути был близок. Ньюн почувствовал, как заструился у него под ногами песок. Он уже решил, что провалился в расщелину, которой не заметил. Но это оказалась всего лишь небольшая яма. Ньюн поднялся, отряхнул песок с колен и снова налег на веревки, оттолкнув руки тех, кто желал ему помочь. Перед глазами его плыли черно-красные тени, воздух с хрипом вырывался из груди.

Они миновали тысячи старых могил, которые существовали с незапамятных времен. Затем они прошли мимо двенадцати свежих могил. Согласно обычаю, мертвые были похоронены так, чтобы видеть восходящее солнце. Это были каты — воспитатели детей. С ними были похоронены и те из детей, для которых суровые условия Кесрит оказались непереносимыми. Они, наверное, были бы живы, если бы Интель не выбрала Кесрит для основания эдуна. Регулы предлагали ей много миров — прекрасных зеленых планет, но Интель выбрала Кесрит. И она осталась непреклонной

в своем решении. «Кузница нового народа», — сказала она. И безжалостные молоты кузницы убивали тех, кто не смог приспособиться к этому климату.

Лицами к заходящему солнцу, в своих могилах спали вечным сном тысячи сенов, и среди них девятнадцать свежих могил тех, чью смерть Ньюн помнил. Сены, мягкие и уязвимые, тоже умирали, не выдержав сурового отбора, предложенного Интель. Из всех них остались в живых только Мелеин и Сатель.

На самых высоких утесах находились могилы Матерей и тех кел'ейнов, что оставались с ними до конца. Никто не мог сказать, сколько Матерей было на Кесрит. Ньюну называли цифру пятьдесят девять, но он знал, что никто из кел'ейнов не мог сказать это с уверенностью. Все это промелькнуло в голове Ньюна, когда они наконец повернули к могилам келов.

Их было всего несколько сотен — совсем немного по сравнению с могилами других каст. Конечно, Келы умирали гораздо чаще, чем Сены и Каты, но здесь, на Кесрит, их могил было немного.

Ньюн остановился у свежей пещеры, где были погребены ветераны Нисрена. Он не позволил себе сесть и стал помогать откатывать тяжелые

камни, загораживающие вход. Руки его дрожали от усталости, но он не мог не помочь этим упорным старикам. Кровь с израненных рук Ньюна падала на камни, которыми будет закрыт вход в гробницу Медая.

Кел'ейнов хоронили иначе, чем мертвых из других каст. Каты и сены смотрели на долину Сил'атена с запада и востока; но лица мертвых келов были направлены на север, откуда, согласно их верованиям, приходит зло. Ряд за рядом лежали во мраке мертвые. Когда Ньюн зажег лампу, он увидел их закутанные в уже истлевшие черные мантии тела с накинутыми вуалями. Закрытые вуалями лица были обращены к северной стене пещеры.

В холодном воздухе пещеры пахло тлением. Темнота подавляла. Ньюн стоял и чувствовал, как гудят его ноги. Старые келы положили Медая в один ряд с остальными. Затем они встали и, глядя на север, свершили над ним Шон'джир — ритуальный обряд. Ньюн повторил слова, которые произносили при рождении и смерти, приходя в мир, где жил Народ, и уходя из него:

Во Мраке начало
Во Мраке конец,
А меж ними Солнце,

Но затем придет Мрак.
И в Мраке том
Конец каждого.

Слова гулко разносились по пещере. Густая тьма окружала их. Ньюн смотрел на своих братьев — мертвых и живых — и видел, насколько они ничтожны перед всемогущим Мраком. Единственное, что отличает живых от мертвых — это слабое дыхание и жалкие звуки, которые могут извлекать живые. Ужас охватил Ньюна, ему захотелось выскочить из пещеры, но он сдержался. Его губы продолжали произносить слова.

Из Мрака во Мрак
Путь каждого.
Из Мрака во Мрак
Наш путь.
И после Мрака
О братья, о сестры,
Придем мы домой.

Он никогда не вдумывался в слова. Он их произносил, но не понимал. Сейчас, глядя на ряды мертвецов, он чувствовал на себе их взгляд.

«Домой».

Вот сюда.

Он заставил себя быть спокойным и выйти из пещеры последним. Но даже очутившись под

звездами Кесрит, он ощутил в себе такой холод, который не смогли бы растопить тысячи солнц.

— Закрой вход, — сказал Эддан.

Ньюн собрал камни один за другим, установил их на место, скрепил. Теперь между ним и Медаем была каменная стена. Дышать было трудно. Он обнаружил на своих щеках слезы и ему стало стыдно за это перед Медаем.

«Не так, как ты, кузен, не так, как ты», — думал он, выкладывая стену — спасение от мертвых, от ветров, песка, зверей, спасение для него самого от правды, замурованной в пещере.

Они сделали все, что надо. Они уплатили свой долг. Братья взяли горсть пыли и пустили по ветру, прощаясь с дорогими могилами. Затем немного отдохнули перед тем, как пуститься в долгий, трудный и опасный обратный путь.

Взошла Соах, вторая луна, и стало немного светлее. Эддан шагал первым, нащупывая путь своим посохом. Он шел очень осторожно. Ньюн шагал рядом с Сайреном, который был полуслеп, но слишком горд, чтобы принять помощь. Ньюн изредка делал вид, что очень устал, выдохся, что долгий путь и израненные руки полностью вымотали его. Тогда он останавливался для отдыха, давая отдохнуть старику. Он не думал о своей

гордости, он старался не обидеть Сайрена. Ньюн больше не был юношей для этих стариков. Он стал их товарищем.

Они вместе делили пищу и воду, сидя вшестером в темноте, когда скрылась луна. Братья осматривали его руки, жалели его и давали всевозможные советы, исходя из своего опыта. Эддан сорвал побег какого-то растения и смазал раны его соком. Боль моментально утихла.

Путешествие продолжалось. Сайрен, который наверняка сразу же раскусил хитрость Ньюна, положил юноше руку на плечо и признался, что порядком устал.

В конце концов они приблизились к эдуну.

Когда они вернулись, снова был вечер. Вход в эдун был ярко освещен: их ждали. У ворот стояли дусы.

Теперь торопиться было незачем. Ньюн изо всех сил старался поддерживать старого воина, чтобы тот мог дойти до дома на своих ногах. Поэтому они шли к эдуну очень медленно, хотя в душе каждого теснились мрачные предположения — не случилось ли что-нибудь ужасное, пока их не было.

Но в дверях стояла Мелеин. Она, откинув вуаль, приветствовала всех. Келы тоже откинули вуали,

входя в дом.

— Все в порядке? — спросил Эддан девушку.

— Все нормально. Входите, успокойтесь.

Они вошли усталые, замерзшие, и сразу же прошли в Святилище. Это было первое, что им следовало сделать. Там они помолились, вымыли лица и руки. И только после этого направились к лестнице, ведущей в башню Келов.

Но у дверей их ждала Мелеин.

— Ньюн, — позвала она. — Мать снова послала меня за тобой.

Он устал. Ему не нужна была эта встреча с Матерью. Он отвернулся от нее и пошел к выходу из холла, чтобы посмотреть, как чувствует себя дус. Он дал ему немного пищи и заметил, что кто-то налил воду в чашу.

Дус отвернулся от пищи. Ньюн в изнеможении опустился на ступени, глядя на дуса.

Животные всегда не любили его. Даже этот страдающий, больной, отказывался от его помощи.

Из груди Ньюна вырвался громкий вздох, почти стон, когда он при свете рассмотрел свои кровоточащие руки. Такие нежные и чувствительные, сейчас совершенно неспособные держать оружие. Да, сейчас он не воин. Дус не видел воина, он, как и Медай, выбрал смерть. Зверь не нашел

в Ньюне ничего, что пробудило бы у него интерес к жизни.

У Ньюна были и сет'ал, и черная мантия. Он виртуозно владел оружием. Но сердце его точили сомнения. Дус, чувствуя это, не захотел признать Ньюна.

Ньюн сорвал мэз и зейдх и скомкал их в руке, схватил горсть грязи и, раскаиваясь в своей ревности, вымазал лоб.

Затем он вошел в холл и стал подниматься в башню госпожи. Ньюн осторожно открыл дверь ее покоев и увидел Мелеин, которая стояла на коленях слева от госпожи и поправляла подушки.

— Тихо, — сказала Мелеин, сверкнув на него глазами. — Она только что уснула. Ты опоздал.

Но госпожа зашевелилась при его приближении. Ее золотистые глаза открылись, взгляд прояснился, и они стали чистыми и ясными.

— Ньюн, — очень мягко сказала она.

— Матушка, — он опустился на колени и склонил голову, чтобы она могла прикоснуться к ней. Этот жест келы позволяли себе только по отношению к госпоже или другу. Теплая рука ее коснулась его холодного лба.

— Ты вернулся, — сказала она. — Ты вернулся, и с тобой ничего не случилось. — Как будто тяжкая

ноша свалилась с нее. И, держа его за руку, словно маленький ребенок — свою любимую игрушку, она погрузилась в свои сны.

Ньюн неподвижно стоял на коленях, опустив голову на подлокотник ее кресла, и постепенно сам погрузился в сон. Сны его были тревожными. Временами он просыпался, думая, что он в пещере, но потом он видел вокруг золотистый свет, окружавший его, ощущал руку Матери на плече и понимал, что он находится дома.

Она спала и иногда во сне звала его, возможно, принимая его за другого. Он не знал этого. Он был кел'ен, как и остальные. Он сидел рядом с ней и изредка проваливался в сон. Он знал, что основной его долг — жить для Матери, оставаться с ней. Она отпустила Медая на смерть, и Ньюн никогда не слышал от нее ни слова сожаления.

«Ты вернулся, и с тобой ничего не случилось», — сказала она.

Узы, которые так ослабли в последнее время, снова крепко стянули его, и наконец он прекратил борьбу с ними и понял, что он должен делать то, что ему предназначено.

Кел'ен госпожи, как те, в могилах на утесах.

В те невообразимо далекие дни, когда не было войны с землянами, бывало так, что мри воева-

ли против мри, Дом против Дома, одна госпожа против другой.

И последний кел'ен госпожи — единственный из всех — никогда не узнает мрака пещеры Сил'атена: именно он выложит каменную стену, защищающую мертвых, и сам останется снаружи охранять их.

Он скользнул взглядом по Мелеин, которая тоже проснулась. Ее взгляд затерялся в тенях. Ньюн понял, что это же ждет и ее, что она останется одна с Интель.

Да, скорее всего, это же ждет и ее.

9

Уже шел двадцатый день их пребывания в Номе.

Возможно, в конце концов нервы землян приспособились бы к долгому дню Кесрит. Дункан поднялся и взглянул на ванну — роскошь, немного примирившая его с этой планетой. Он был доволен, что система регенерации, действующая внутри Нома, обеспечивает его водой без отказа и ограничений.

В Номе работала такая же система жизнеобеспечения, как на космическом корабле. Это делало существование здесь если не роскошным, то хотя бы терпимым.

Отфильтрованный воздух, очищенная морская вода. Скудная жизнь планеты в основном сосредоточилась на суше и, насколько мог судить Дункан по информации регулов, только некоторые животные Кесрит были безвредны.

В самом Номе были разбиты сады, несколько увлажнявшие воздух, но непривычная глазу человека форма листьев и вездесущий запах регулов делали их гораздо менее приятными, чем

они могли бы быть.

Дункан заметил, что регулы стали чаще общаться с ним. Он научился терпеть многое, к чему, как ему прежде казалось, никогда не сможет привыкнуть. И все это за двадцать дней непосредственного контакта.

Контакт и в самом деле был непосредственным. Никто не запирал их в комнате, как на корабле, но покидать Ном категорически запрещалось. Что ж, это ненадолго, только на то время, пока регулы оставались на Кесрит. Через десять дней прилетят земляне и заменят их.

Дункану хотелось верить, что он не сойдет с ума за такой короткий срок. Теперь ему часто грезилась встреча с первыми землянами, и он пытался представить, как это произойдет. Пребывание на Кесрит очень сильно изменит их, сделает их поведение и манеры весьма причудливыми, эксцентричными. Сам Дункан уже заметно отличался от того офицера, что отправился в это путешествие.

В новом Стэне Дункане, помощнике губернатора Кесрит, почти ничего не осталось от Дункана-офицера, способного к более импульсивным, необдуманным действиям. Переняв некоторые из манер регулов, новый Стэн Дункан

стал выдержанным, терпеливым. Манеры регулов сделались для него столь же привычными, как и земное: «Да, сэр», «Нет, сэр».

Ему обещали отставку через пять лет. Но пять лет здесь сделают его совершенно неприспособленным к жизни среди землян. Через пять лет свежий воздух и дневной свет будут для него непривычными, а поведение землян после суровой борьбы за выживание на этой планете будет казаться странным и банальным. Приспосабливание к новым условиям, климату, к любым действиям во враждебном окружении были обычной работой офицера планетарной разведки. Теперь он учился чувствовать Кесрит.

Ставрос же хотел научиться не только поступать, но и думать, как регулы. Он старался постигнуть все, и делал это, как и регулы, ничего не записывая, только слушая во время редких выходов из своей комнаты в сад.

В это утро ему было предложено придти в канцелярию Хулага. Случай был очень важный.

Снаружи раздался какой-то грохот, непохожий на привычный рев взлетающих кораблей. Дункан щелкнул выключателем, чтобы сквозь затемненные окна стал проникать свет. Окна выходили на море, простирающееся до самого горизонта,

и на горы, которые высились слева и справа. Но из окон не было видно эдуна мри и порта — то, что землянам хотелось видеть больше всего. Конечно, здесь их поместили не случайно. За минувшие двадцать дней вид за окном не менялся, но сегодня над горами двигалась буря. Серые, с красными прожилками облака нависли над горами и морем. Непрерывно сверкали молнии.

— Погода, — как сказали им регулы, — здесь совершенно не поддается прогнозированию и бывает очень жестокой. После пыльных бурь бывают щелочные дожди, поэтому если попадешь под дождь, необходимо немедленно принять ванну. А в случае приближения бури следует искать укрытие. Ветры достигают ужасающей силы. Если сталкиваются ветры с моря и ветры с гор, то возникают циклоны.

Лампа на потолке вспыхнула красным светом. Проснулся Ставрос и вызывает его. Дункан быстро получил из стенного шкафа, куда доставлялась им пища, чашку соя — жидкого стимулятора регулов. У напитка был вполне приемлемый вкус, в отличие от остальной пищи регулов, а если его немного подсластить, то он становился даже вкусным. Дункан добавил две капли ароматизатора в чашку, поставил ее на поднос, забрал почту

и понес все это в комнаты Ставроса, по-прежнему расположенные рядом с комнатой Дункана.

— Доброе утро, сэр, — проговорил он. Ставрос обычно отвечал ему только кивком, что иногда раздражало Дункана. Сегодня у Ставроса было хорошее настроение. Он даже наградил Стэна улыбкой, отчего его рот вытянулся в тонкую линию.

— Сделай прозрачными окна, — сказал Ставрос. За окном опять раздался гром.

Дункан щелкнул выключателем, и угрюмый свет Кесрит проник в комнату.

Первые капли уже начали разбиваться о пыльные панели. От внезапного ужасного грохота задребезжало стекло. Ставрос подошел к окну, чтобы посмотреть, что там творится. У Дункана даже поднялось настроение — явление весьма необычное здесь, на этой суровой планете. Сейчас перед ними разворачивалось то, чем регулы не могли ни управлять, ни подвергать цензуре. Это была сама природа, дикая природа. Дункан видел, как вихри обрушивались на море, вспенивали его. Пена имела какой-то розовый оттенок. Все вокруг было окрашено в зловещий красный цвет. Непрерывно вспыхивали молнии.

— Что ж, — усмехнулся Ставрос, — пожалуй,

таков будет главный враг наших здешних поселений.

Дункан почувствовал, что мог бы поспорить с этим заявлением. Но он не знал, как начать — его ведь учили не произносить слова, а подчиняться им.

— Регулы показали нам только маленький участок планеты, — сказал он. — Только город.

— Мне говорили, что на Кесрит почти все автоматизировано. И по каким-то идиотским причинам регулы, следуя примеру мри, построили свои поселения далеко от дорог. Строения дешевые и совершенно неприспособленные к этому климату.

— Если хорошенько поработать, их можно переделать, но труд это немалый. — Ставрос задумался, прихлебывая теплую жидкость. Снова послышался раскат грома. Ветер ударил с такой силой, что задрожали стекла, и стена воды заслонила весь вид из окна. Дункан выругался, но в его голосе звучало уважение и изумление.

— Поставь защитные экраны, — посоветовал Ставрос. Это было как раз вовремя — вода и ветер неистово бились в стекла и могли разбить их.

Дункан быстро опустил экраны. В комнате стало темно, пришлось включить освещение. Затем

Дункан пошел в свою комнату и посмотрел в окна. Стекла вибрировали под бешеным напором ветра и дождя, и ему стало страшно.

Гром загремел вновь, и Дункан быстро потянулся к рубильнику. Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди; он никак не мог дождаться, когда же опустятся защитные экраны, хотя на это требовалось всего несколько секунд. Где-то вдалеке ему послышался сигнал тревоги. Тут же прекратилось поступление воздуха, и он почувствовал, как, словно при старте на космическом корабле, заложило уши.

Дункан подошел к двери, открыл ее. Регулы в панике проносились по коридору в своих тележках. Вскоре давление снизилось. И тогда Дункан почувствовал странную поющую дрожь — огромное здание начало вибрировать.

— Что случилось? — спросил он первого попавшегося регула, который бежал по коридору.

Молодой регул забормотал на своем языке — Дункан понял лишь: что-то произошло в порту.

— Вернись к себе, — прошипел регул и исчез.

Дункан вошел в комнату, закрыл дверь и вызвал информационный центр. На его вызов никто не ответил. Постепенно здание перестало дрожать, слышались лишь шум дождя и порывы

ветра. Дункан подошел к окну и поднял экраны, но по стеклу лились потоки воды, из-за которой ничего не было видно. Он снова опустил экраны.

В комнате Ставроса было тихо.

Дункан собрался с мыслями, отругал себя за панику и пошел к старику, ожидая насмешки над офицером, который боится бури.

Чашка валялась на полу. По ковру растеклось коричневое пятно. Дункан увидел, что Ставрос, по-прежнему в пижаме, лежит поперек кровати.

— Сэр? — воскликнул Дункан. Он подбежал, с ужасом тронул старика за плечо, затем перевернул его и ощутил слабое, еле заметное движение, трепет ресниц. Правый глаз оставался неподвижным. Левая сторона рта была перекошена. Ставрос попытался заговорить, но слышались только неразборчивые звуки.

В следующее мгновение Дункан выбежал из комнаты и бросился в холл, где сидел дежурный. На бегу он пытался сообразить, что же должен сказать, чтобы объяснить случившееся.

— Ставрос! — крикнул он. — Ставрос! — И отчаяние в его голосе подействовало на молодого регула. Он поднялся и пошел с Дунканом.

Регул долго стоял у постели.

— Старик, — сказал он наконец. Это было рав-

носительно пожатию плечами. Перед ним был старик. Он не мог подняться, но это естественно для стариков. Дункан схватил его руку.

— Он болен!

Удручающе медленно регул повернулся и подошел к пульту. Он нажал кнопку и вызвал старшего.

Тот ответил непонятной скороговоркой. Дункан опустился на пол, склонив голову. Отчаяние охватило его.

Когда прибыли регулы и принялись перетаскивать Ставроса на тележку, Дункан все время вертелся рядом и настаивал на том, чтобы отправиться вместе со Ставросом.

Но регулы схватили его и крепко держали до тех пор, пока Ставроса не увезли. После этого его отпустили. Теперь это не имело значения, так как проследить путь тележки в этой паутине рельсов было невозможно.

Дункан упал на стул. Гнев, ужас и отчаяние охватили его. Он был вне себя от того, что ничего не мог сделать для Ставроса.

За окном по-прежнему бесновалась буря. Она продолжалась уже больше часа. Он четыре раза бегал к дежурному регулу, требуя информации о состоянии Ставроса.

Дежурный регул быстро понял, что необязательно молчать и не отвечать на вопросы, чтобы выразить свое презрение. Достаточно отвечать очень быстро, чтобы землянин ничего не мог понять.

Наконец ему надоело.

— Иди прочь, — несколько раз повторил он.

Дункан пошел прочь, но не в свою комнату, а по лестнице на первый этаж, куда ему запрещено было выходить. Там находилась канцелярия бая Хулага. Вслед ему слышались крики регулов. Три регула окружили его и под конвоем доставили в его комнату.

— Ставрос болен, — оказал один из них.

И это было все, что он узнал до утра, проведя всю ночь без сна в страшной тревоге.

Но утром явилась группа регулов. Они перенесли на постель с тележки какой-то коричневый тюк. Дункан протолкался между ними и увидел Ставроса, живого и в сознании; вся левая сторона старика была неподвижна.

Молодые регулы внезапно зашевелились и почтительно расступились в стороны. В коридоре послышался шум, дверь открылась и в комнату въехала тележка.

Бай Хулаг.

Ставрос что-то заговорил. Речь его была искажена, неразборчива.

— Досточтимый Ставрос. Отдыхай и поправляйся. — Бай поднялся в тележке и пристально посмотрел на Дункана. — Юноша, у него расстройство нервной системы.

— Бай, — сказал Дункан, — помоги ему.

Регул пожал плечами.

— Сущность землян нам неведома. Мы очень сожалеем. Сейчас у нас произошла катастрофа. Шторм разрушил башню в порту. Потеряно много жизней. Наши возможности теперь ограничены. И мы ничего не знаем о человеческом организме.

— Я могу помочь вам, бай. Ваши врачи могут…

— Юноша, — гулким басом сказал регул. — Мы ничего не знаем о землянах. Мы не экспериментируем на живых существах. Мы можем только частично восстановить некоторые функции. Это землянин. Мы сделаем для него все, что в наших силах, не больше. Ты все понял, юноша?

Дункан подошел к Ставросу, взял его здоровую руку и почувствовал слабое пожатие. Светлые глаза Ставроса влажно блестели, жили, что-то требовали, что-то приказывали. Дункан в ответ пожал ему руку и взглянул на бая.

— Прости, бай, — сказал он. — Я в отчаянии.

Бай жестом приказал ему подойти. Дункан приблизился к баю. Тот положил свою руку на его плечо.

Затем он что-то коротко приказал молодым регулам и те бросились врассыпную. Окруженные морщинами глаза смотрели на Дункана, пальцы все крепче сжимали плечо, пока Дункан не скривился от боли.

— Юноша, мне сказали, что ты отказываешься от пищи и воды. Это от горя? Таковы ваши обычаи?

— Нет. Я буду есть.

— Хорошо. — Он все сжимал пальцы, пока Дункан, больше не в силах вытерпеть боль, шагнул в сторону. Бай тотчас же отпустил его плечо.

Затем он величественно уселся в тележке. Та зажужжала, поехала назад, развернулась и исчезла.

Дункан стоял и смотрел ей вслед. Ставрос издал какой-то звук.

— Сэр? — сразу же откликнулся Дункан, стараясь, чтобы голос его звучал естественно. Он повернулся и увидел, что Ставрос показывает на стол. Там лежали его записи. Дункан собрал все и протянул ему. Но Ставрос правой рукой взял

только лист бумаги. Дункан понял и дал старику ручку. Затем он встал на колени и поддерживал лист, пока Ставрос писал, неумело, коряво, как ребенок.

«Регулы спокойны, — прочел он, — потому что такое состояние для них в старости естественно. Я могу выздороветь, и оснований для паники нет."

Кривые строчки не помещались на странице, и Дункан перевернул лист.

«Скоро прибудут земляне, — продолжал Ставрос. — Катастрофа в порту — правда. Расписание эвакуации регулов нарушилось. „Хазан“ поврежден. Регулы в панике. Мри... необходимо выяснить, что предпринимают мри. Это самое главное. Слушай разговоры регулов, старайся узнать о мри. Но не предпринимай активных действий."

— Даже если я выйду из Нома?

«Офицер должен становиться дипломатом. Будь осторожен. Помни мои инструкции. Регулы убивают молодых без жалости. Советуйся со мной обо всем. Придвинь меня. Сейчас. Пульт."

Дункан не хотел этого делать, но Ставрос громко выругался и приказал ему. Дункан мягко, осторожно поднял тело и опустил в кресло тележки с пультом. Он обложил Ставроса со всех сторон

подушками, чтобы те поддерживали тело. Правая рука Ставроса нащупала пульт, покрутила ручки регулировки. Пульт повернулся. На маленьком экране засветились буквы.

«Обучись этому."

— Да, сэр. — В горле у Дункана запершило. Юноша внезапно ощутил, насколько он привязался к этому беспомощному старику.

Надпись сменилась. «Закажи для себя обед. Отдохни."

— А для вас, сэр?

Ставрос развернул кресло и ловкими маневрами приблизился к кровати. Ручкой на пульте он притушил свет в комнате. «Я подожду, — сказала надпись. — Пока не нужно."

10

— Брат.

Ньюн, безуспешно пытавшийся покормить дуса, оглянулся. Теперь они редко встречались с сестрой. Мелеин удивила его. Ньюн растерялся. Ведь они были так далеки друг от друга, хотя провели много времени вместе в покоях госпожи. Ньюн не хотел оставаться наедине с ней. Это причиняло ему боль, поскольку близость их давно исчезла.

Ньюн молчал, пытаясь соблазнить дуса кусочками пищи. Ему казалось, что до появления Мелеин в темных глазах зверя вспыхнули слабые искорки интереса. Но теперь дус снова стал безучастным. Ньюн уже столько раз обманывался после прихода в эдун. Он пожал плечами и подтолкнул кусочек к дусу. Теперь тот лежал между лапами зверя. Может быть, дус поест. Этого будет вполне достаточно, чтобы не умереть. А может, зверь унесет куда-нибудь пищу, чтобы съесть ее в одиночестве.

Чаша рядом с дусом была все время наполнена водой. Это было очень необычно для Кесрит.

Больные дусы сильно страдали от жажды и постоянно пили. Здоровые звери не пили вовсе. Им хватало той влаги, что содержалась в пище. Ньюн предполагал, что воду наливала Пасева. У нее был свой дус, но добрая душа женщины не могла остаться равнодушной к страданиям животного. Сам Ньюн никак не мог добиться расположения и признания дуса. Все видели, как он упорно предлагал дусу пищу, и тот отвергал ее. Но Ньюн отчаянно старался спасти животное от смерти.

— Иногда, — сказала Мелеин, — их спасти невозможно.

Она села на ступени, не думая о том, что запачкает свою золотистую мантию. Тончайшая шелковая вуаль скрывала Мелеин: сены не любили прятать лицо.

«Тело кел'ена — Тайна Народа, — гласило учение. — И, следовательно, кел обязан носить вуаль; тело сен'ена — всего лишь вуаль для того, что он носит внутри и что является Тайной Народа, и сену не нужна вуаль."

После пронесшейся бури наступила прекрасная погода. Буря засыпала песком все ущелья и учинила разгром в городе регулов. Дым от пожарищ был виден даже сквозь дождь. И когда буря закончилась, кел'ейны смотрели на город с башни

Сенов с каким-то мрачным удовлетворением.

— О, — сказал Эддан, заметив дым и огонь, — Кесрит мстит своим хозяевам.

Похоже, погибло немало регулов. Впервые мри чувствовали удовлетворение при виде страдания других. Но ведь на корабле регулов умер кел'ен, и регулы были повинны в его смерти. И, к тому же, регулы отдали Кесрит во владение землянам.

В чистом вечернем небе стали появляться звезды. Ветер больше не гнал тучи песка, и надобность в мэз отпала. Подобные вечера всегда бывали после сильных бурь. Казалось, что природа выдохлась, истратив все свои силы во время неистовства.

Ньюн сбросил вуаль. Ци-мри здесь не могло быть.

— Может быть, пройдемся? — спросила Мелеин. Ему не хотелось этого, но она очень редко просила его о чем-нибудь. Он поднялся и помог ей встать. Они пошли туда, куда повела Мелеин — по узкой тропинке, которая огибала эдун и вела к высоким камням в конце дамбы. Он вспомнил те времена, когда они бегали туда втроем. Дети без вуалей, маленькие мальчики и еще более маленькая девочка. Они бегали туда, чтобы посмотреть, как взлетают и садятся корабли.

Это были корабли с волшебными именами, корабли мри, корабли регулов — «Млерейней», «Камрив», «Хораг-но», что прилетали от дальних миров и привозили военную славу. Как и все дети, они играли в войну и представляли себя великим кел'ейнами в блеске славы, как те кел'ейны, которые гордо сходили с кораблей и, после непродолжительного отдыха в эдуне, снова исчезали в пучинах пространства. Они помнили, как однажды их отец и мать улетели на одном из кораблей, чтобы никогда не вернуться.

Сегодня они снова шли рядом. Он — кел, она — сен, и тяжкий груз кастовых одежд и обычаев давил их. Дойдя до камня, возвышающегося над долиной, он взобрался первым и втащил туда Мелеин — ведь в золотистой мантии Сена скрывалась все та же девушка Мелеин, легкая и быстрая кел'е'ен, еще не отяжелевшая, как остальные в ее теперешней касте.

Они сидели, пока красное солнце не исчезло за горизонтом. Там, где был порт, вспыхнуло море огней. В этом сияющем море виднелось одинокое темное пятно — рана, нанесенная бурей. То был поврежденный «Хазан».

— Зачем ты привела меня сюда? — спросил Ньюн.

— Нам надо поговорить.

Ему не понравился этот тон. Последние лучи солнца коснулись ее лица. Оно показалось ему совершенно незнакомым. Казалось, кто же еще, как не Ньюн, должен был знать ее, но сейчас он не узнавал Мелеин. Она была совсем не та девушка, которую он знал раньше. Рядом с ним была настоящая сен'е'ен, чьи сокровенные мысли были неведомы никому. Ньюн внезапно испугался предстоящего разговора. Он понял, что Мелеин лишит его мира, поселившегося в его душе, и он не сможет противостоять ей.

— Ты больше не смеешься, — сказала она. — Ты даже не откликаешься, когда тебя зовут.

— Я не ребенок.

— Ты не любишь госпожу.

— Я пришел. Я сидел. Я ждал. По-моему, это все, что она хотела от меня. Это ее право.

— Ты слишком мало сделал, чтобы уйти из эдуна.

— Я попытался, Мелеин.

Она взглянула вверх на звезды.

Ее рука лежала на колене и как бы указывала на звезду Элаг, что блестела и плясала над утесами.

— Там теперь земляне, — сказала она. — Но здесь все по-другому. Здесь — Кесрит. Это наша

планета. Убежище Народа. Святилище.

Он испуганно посмотрел на нее.

— Помни, я — кел'ен.

— Я знаю, что келов нельзя посвящать в тайны, так как они имеют дело с врагами. Нельзя допустить, чтобы наше знание попало в чужие руки. Но ты — кел'ен, защищающий Дом, и ты должен узнать то, что не дано знать другим келам.

Он поднялся, оперся спиной о камень и сложил руки на груди. Свежий ветер охлаждал его лицо. Наступила ночь. Ньюн не мог понять, почему Мелеин привела его сюда. Горы были полны опасности. Диким дусам нельзя было доверять. Кроме того, здесь хватало глубоких расщелин, предательских трещин, змей в камнях. Он должен был защищать сен'е'ен, и с его стороны было большой неосторожностью появление здесь ночью с Мелеин. Она представляла для эдуна гораздо большую ценность, чем он.

— Мы можем поговорить в другом месте, — сказал Ньюн. — Мне кажется, что нам следует уйти отсюда.

— Слушай меня!

Голос ее был повелительным. Он оглушил Ньюна, как удар. Мелеин была младше и никогда не говорила с ним так.

— Сегодня со мной говорила госпожа. Она возвысила меня над Сателем. И ты знаешь, что это означает.

Преемница госпожи. Ее Избранница.

Где-то в глубине души он знал об этом. Ведь не зря Интель перевела Мелеин из Келов в Сены.

Не рожать детей, но познать Пана, священные Тайны; не для продолжения Народа, но чтобы править им.

И Интель держала его при себе, чтобы он охранял, защищал его, и кел'ен госпожи должен был убить любого, кто захочет стать преемником Матери.

Ньюн не смог сдержаться и выругался. Он заметил тень страдания в глазах Мелеин.

— Мне очень жаль, что ты так это воспринял, — сказала она.

— Почему она оставила при себе меня, а не Медая?

— Она доверяет тебе, а не Медаю.

Ньюн задумался над этим.

— А тебе она доверяла, — осторожно сказал он, — лишь пока ее сон охранял я. Она знала, что пока я рядом, я могу помешать тебе.

Боль в ее глазах сменилась изумлением. Эта мысль привела ее в смятение.

— Нет, — сказала она, — я никогда не брошу ей вызов.

— Да, пока рядом я, — ответил он. — Она чувствует приближение смерти, иначе она не назвала бы тебя своей избранницей. И кроме того, кел'ен должен охранять ее гробницу…

— Это будешь не ты. Эддан, Сайрен… они будут просить этой чести. Но не ты.

— Может быть, сейчас, когда на Кесрит прибывают земляне, об этом говорить бессмысленно… Я начал думать о будущем, а это против законов моей касты. О будущем должна думать ты. Я далек от того, чтобы предугадать будущее. Я могу говорить только о том, что происходит сейчас.

— Она еще не готова оставить Дом, Ньюн. Я молода. Мой опыт — ничто по сравнению с опытом Интель. Другие Матери не вызывают ее на поединок только потому, что убить ее — это значит ограбить Народ. Ты даже не можешь представить, чего лишится Народ с ее смертью. Это будет… я даже не знаю как это назвать. Если я буду преемницей, я знаю, что придут другие Матери на Кесрит и вызовут меня на поединок. Тогда мне придется умереть. Я хочу, чтобы она жила, но она умирает.

Ньюн почувствовал, что дрожит, хотя ему сле-

довало бы успокоить девушку. Мелеин говорила то, чего ему слушать не следовало. Он понял, что девушка сказала всю правду и тем самым лишила его надежды и покоя. Он всегда знал, что Мелеин переживет его.

— Мы очень несчастны, — сказала она, — потому что родились последними в Народе: и не только на Кесрит, Ньюн, а во всем Народе. У нас нет выбора. Как бы мне хотелось, чтобы все было по другому!

Ее слова точно громом поразили Ньюна. Он смотрел на нее, забыв о холодном ветре. — Во всем Народе?

— Эдуны пали, — сказала она, — и дети умерли; и кел'е'ены заняты войной и ничем больше. Я не должна была говорить, — добавила она, — но из нашего поколения почти никого не осталось. Эти старики… не могут иметь детей. Уже слишком поздно.

Она пыталась как-то успокоить его. А он успокаивал себя тем, что их судьба определена.

— Но тогда, — сказал он, — тогда Интель не оставит тебя. Ты получишь то, что имела она. И я буду служить тебе так, как служил бы ей. Если тебя вызовут, Мелеин, я сумею защитить тебя. Меня девять лет учили сражаться, и я много достиг.

Она молчала. Потом поднялась.

— Идем, — сказала она. — Вернемся в эдун. Я замерзла.

Мелеин молчала, пока они спускались с камня на тропу. В ее глазах стояли слезы. В свете звезд Ньюн заметил это, скинул свою вуаль и предложил ей. Глубокая нежность была в его жесте.

— Нет, — с вызовом сказала она. Он кивнул и, забросив мэз на плечо, продолжал идти. — Ты прав, — наконец заговорила она. — Я не для того буду преемницей госпожи, чтобы меня убили. Если мне бросят вызов, я убью любого, чтобы остаться госпожой.

— Это большая честь для тебя.

Мелеин глубоко вздохнула.

— Какая честь? Придти в незнакомый эдун, к незнакомым келам и убить какую-то женщину, которая не сделала мне ничего плохого? Мне не нужна такая честь.

— Но Интель даст тебе необходимое оружие. Она оставит тебе могущество. Она мечтала об этом и многие годы готовилась к этому.

Мелеин взглянула на него, и ее сумрачное лицо прояснилось, стало спокойным.

— Я думаю, — сказала она, — ты не слишком ошибаешься, когда говоришь, что она держала

тебя здесь потому, что не доверяла мне. Она доверяет только тебе.

Ньюн вздрогнул, услышав горечь в ее голосе. Он всегда подозревал это, и теперь, услышав подтверждение, почувствовал, как тени, разделявшие его, госпожу и башню Сенов, исчезли. Он вспомнил, что Мелеин каждый вечер готовила питье для госпожи. Снотворное. И госпожа выпивала его, ни о чем не спрашивая. Он подумал о том, какие жуткие кошмары проносились в ее затуманенном наркотиком мозгу. Интель, вероятно, предвидела свою смерть и потому не доверяла своей преемнице.

Интель хотела оставить Мелеин одну и отослала Медая, сохранив и приблизив к себе брата девушки. Гробницу Интель должен защищать кел'ен: обычно это был Муж, но не сын. Но одно дело, если бы она умерла своей смертью, и другое — от руки Мелеин.

Вызвав Интель, Мелеин пришлось бы вызвать на поединок его. Интель. Он должен был бы умереть до того, как умрет Интель, но для этого Мелеин следовало найти кел'ена, который согласился бы выступить на ее стороне, а желающих было не найти.

Интель поступила разумно, убрав Медая.

Однако Мелеин была неспособна на то, в чем подозревала ее госпожа. Ньюн был уверен в этом. Законы новой касты, учеба и долгое затворничество не могли бы настолько изменить характер девушки.

«Я хочу, чтобы она жила. Я очень этого хочу», — говорила Мелеин.

— Долго ли она проживет? — спросил он наконец. — Или она запретила тебе говорить?

— Меньше, чем ты думаешь, — ответила Мелеин.

— Да, — сказал он, — я знаю.

Они вернулись в эдун. Она шла впереди. Ньюн взглянул на дуса, который повернул к нему голову. Тем временем девушка исчезла в тени, скрывавшей лестницу, которая вела в ее башню.

Она не оглянулась.

Ньюн пошел в башню госпожи, чтобы исполнить возложенный на него долг.

11

На Кесрит было тихо. После безумной суматохи, двухдневного хаоса в порту, с планеты взлетел последний корабль, увозящий грузы и регулов. Он полетел на орбитальную станцию, где все будет перегружено на звездолет, который увезет с планеты последние напоминания о существовавшей здесь некогда колонии регулов. Теперь оставалось только привести все в порядок. Под зловещим красным солнцем Кесрит высилась одинокая громада «Хазана». Незначительный ремонт — и он будет полностью готов к взлету. Команда не покидала корабль. «Хазан» увезет последних регулов на Нураг, родную планету регулов, где их ждут цивилизация и безопасность.

Раз десять на дню бай Хулаг, работающий в своем кабинете в Номе, выглядывал в окно, беспокоясь о состоянии «Хазана». Это был корабль достаточно мощный, приспособленный для войны, и в то же время он выглядел чересчур хрупким. Хулаг долго колебался, прежде чем совершить посадку на Кесрит, а когда разразилась буря, ругал себя за то, что решился на посадку. А

потом один чокнутый пилот решил улететь от бури и при взлете едва не разбил корабль, что поставило под угрозу всю миссию. Каждый раз, вспоминая об этом, Хулаг разражался потоками ругани. Но, к счастью, повреждения оказались незначительными: пострадал только грузовой шлюз. Да, «Хазану» повезло. На нем можно было совершить долгое путешествие домой. Хулаг рискнул очень многим, чтобы занять этот пост, сместив старых Грурана и Солгах Хольн-ни. Его возраст и образование позволили ему занять этот пост, и род Алань занял наконец то положение, которого был достоин.

Хулаг знал, что если хочешь выиграть, надо рисковать. Следовало показать себя незаурядной личностью здесь, чтобы дома приобрести влияние и вес.

Для этого ему нужно было извлечь максимальную пользу на Кесрит после того, как его потеряли Груран Хольн-ни и Солгах Хольн-ни. Он с отвращением подумал об этой весьма плодовитой женщине, которая правила зоной Кесрит до и после войны. Сейчас Солгах в полном смятении летела домой на Нураг; она была лишена власти, ее молодые помощники или оставались на Кесрит, или были убиты, или рассеяны по

отдаленным колониям. Род Хольнов был полностью рассеян. Если ей повезет и она сохранит некоторое влияние, ее помощники смогут избежать казни.

Хулаг с удовольствием вспомнил, как Солгах была ошарашена внезапным прибытием «Хазана», как она ругалась, злилась, пока он не показал ей приказ сдать полномочия, а самой срочно возвращаться домой.

Теперь Хулаг заканчивал эвакуацию регулов, начатую Солгах. Он пытался спасти все, что можно, из того богатства, что нажил тут род Хольнов, и в особенности Груран, торговавший с Элагом. От Хулага требовалось подготовить все к прибытию землян на Кесрит, эвакуировать все ценности и всех регулов, насколько возможно. Сделать так, чтобы земляне получили минимальную пользу от этой планеты, которую выиграли во время войны.

На родине Хулаг не имел дела с землянами, но, заняв этот пост несколько раз встречался с ними и даже привез с собой двоих. Он относился к землянам со спокойным презрением и отвращением, но следовало признать, что служившие регулам мри вызывали у него куда более сильное отвращение. Война с землянами, конечно, была ошибкой,

грубой ошибкой, но совершил ее не род Аланей. Теперь всем стало ясно, что за пять лет правления здесь род Хольнов потерпел поражение, и мри не смогли выручить их. Ошибку следует исправить, а в будущем сдерживать военную мощь таких, как Хольны, которые использовали наемников кел'ейнов, чтобы захватывать все новые и новые территории, и никак не хотели отказаться от своей политики.

Что ж, ошибка привела к огромным потерям жизней, территорий и собственности регулов. Империя Хольнов развалилась на куски, а жизнь самих Хольнов висела на волоске — вскоре им предстояло оказаться перед судом старейших и мудрейших людей Нурага.

Недальновидная политика Хольнов привела к тому, что теперь их империя оказалась в руках рода Аланей. Род Аланей возвысился до такой степени, что может навсегда сокрушить могущество рода Хольнов.

Хольны оставили после себя немало проблем. Бай Хулаг был очень недоволен теми условиями договора, который пришлось подписать с землянами. Но договор заключен, и Хулаг был не в силах изменить его. И тем не менее, если потеря трех колоний позволит создать твердую границу

между владениями землян и регулов — это будет самым разумным, чего достигли Хольны за время своего правления. Хулаг чувствовал: земляне вполне отдают себе отчет в том, что извлекли максимальную пользу из этой войны и что если продолжить завоевания, то регулы будут биться насмерть. Естественно, землян сейчас, в основном, волнует смена правления на границе, и они пока что не собирались нарушать договор. Кесрит была довольно богата минералами, и земляне надолго застрянут здесь, прежде чем жажда завоеваний погонит их дальше к звездам. На этом род Аланей строил свою стратегию. У регулов оставалось еще немало колоний, богатых минералами. Поэтому утрата Кесрит не слишком отразится на их благосостоянии. Экономике будет нанесен довольно сильный удар, но это нельзя было назвать катастрофой.

Ведь отрублена только одна рука экспансии регулов. Две других еще остались. И одну из них полностью контролировал род Аланей.

Навечно остаться в памяти не только рода Аланей, но и памяти всех регулов — такова была заветная мечта Хулага. Он намного пережил всех своих соперников, которые давно обратились в прах. Он долго шел к этому успеху, тщательно

готовил его. Хулаг покончил со всеми помощниками своих главных врагов. Он рискнул всем, приняв этот пост. Если дела здесь пойдут плохо, то ему наверняка припомнят это. Но с другой стороны здесь, на Кесрит, он мог добыть славу, почет, богатство, которые так страстно желал.

В договоре между землянами и регулами говорилось только о голой земле. Здесь не было ни слова о военном снаряжении, городах, минеральных ресурсы. Голую землю — вот что найдут земляне, прибывшие на Кесрит. Обживание, освоение дикой Кесрит займет у них много времени. А богатства регулов, добытые Хольнами, будут течь в склады дома Аланей.

И это все на глазах представителей землян.

Это очень нравилось Хулагу. Это дискредитировало землян, направленных для наблюдения за передачей планеты. Внезапная болезнь старшего и неопытность юноши были на руку Хулагу. Любой регул в подобных обстоятельствах потребовал бы подробных и постоянных отчетов о действиях хозяев. От его внимания не ускользнуло бы ничего. Он воспользовался бы глазами своих помощников, чтобы видеть то, чего не мог проверить лично. Но представители землян действовали иначе. Они занимались совсем другим.

Они старательно изучали язык регулов и по много раз прослушивали отчеты Хулага. Они изучали старую информацию, словно желая извлечь из нее что-то новое, или пытаясь найти там обман. Вероятно, обман широко практиковался землянами, но среди регулов такого быть не могло.

А тем временем работа в порту кипела, корабли взлетали. Когда прибудут земляне, их встретит голая планета, и они не скоро смогут освоить ее.

Узнав об этом, Совет на Нураге останется доволен.

Поначалу Хулага смущало то, что земляне не возмущаются выставленными для них ограничениями. Только однажды, и то по чистой случайности, они нарушили карантин, с которым на их месте не согласился бы ни один регул. Но все обошлось — ведь ситуация была непривычной для землян. Они даже не сумели воспользоваться своей крохотной победой. В конце концов от этого пострадал только один кел'ен — пострадал также бессмысленно, как и жил, как жила вся их раса. Этот мри занимал высокое положение в своей касте. Он, возможно, мог бы пригодиться регулам, но он предпочел погибнуть. Земляне же никак не отреагировали на сообщение о смерти своего прежнего врага.

Дел на Кесрит оставалось совсем немного. Предстояло демонтировать несколько маленьких заводов и засыпать несколько шахт, но основные ценности уже были вывезены.

Из персонала остались только самые незначительные регулы, которых должны были эвакуировать в последнюю очередь. Они улетят с ним на «Хазане».

Из записей, которые вели Хольны, следовало, что на Кесрит перед эвакуацией было восемнадцать миллионов взрослых регулов. Это была процветающая колония с университетом и советом Мудрейших (в который, правда, не входил Груран Хольн). С того момента, как он вступил в должность, у Хулага имелись точные данные о количестве регулов и список материальных ценностей. Он точно знал, что именно и сколько погружено на корабли и уже находится в пути, что он возьмет с собой как личный багаж. Все поступающие сведения он впитывал мгновенно и делал только ключевые записи для своего наследника на случай, если тому придется занять его пост. Обычно Хулаг совершенно не пользовался записями. Для нормального регула было невозможно забыть то, что он решил запомнить, или когда-нибудь — пускай даже случайно —

узнал или услышал. Хулаг был уверен в точности информации, полученной от своего врага, Солгах Хольн-ни. Вряд ли Солгах, даже будучи никудышной правительницей, могла что-либо забыть о численности регулов колонии, их состоянии и имеющихся на Кесрит материальных ценностях.

Хулаг знал, что с ним на Кесрит оставалось еще 327 регулов — минимальное количество для того, чтобы закончить все дела на планете. Трое из них были почти взрослыми. Большинство же — совсем молодые, им еще не исполнилось двадцати пяти, поэтому определить их пол было невозможно. Юные регулы отличались завидной подвижностью — не то что взрослые, которым приходилось бороться с собственным весом. Хулаг оставил здесь их для тяжелой работы, для выполнения поручений, для наблюдения за погрузкой. Но все воспоминания об этом позже будут стерты мнемологами Нурага. Впрочем, молодым регулам доставались здесь лишь случайные куски, обрывки информации, по которым нельзя было составить целостной картины, и для старших эти юнцы никакой ценности не представляли. Они жили еще очень мало и для того, чтобы соперничать со старыми регулами, им просто не хватало опыта. Они принадлежали

только своему роду, но, не имея пола, не могли производить потомство. Поэтому даже для своего рода они не представляли ценности.

Из рода Хольнов лишь некоторые юнцы, пользующиеся доверием старших, эвакуировались с Кесрит — да еще малыши, которых кормили матери, — их перелет не требовал никаких затрат.

У тех молодых регулов из рода Хольнов, которым не посчастливилось попасть в ту или иную категорию, было свое представление о том, почему они остались здесь. Они очень боялись появления землян, переживали за утраченное имущество, нервничали, беспокоились, обижались — ведь по своей глупости они считали себя самыми нужными и важными регулами в истории расы.

Один из них сейчас сидел в приемной Хулага и уже в пятый раз просил разрешения войти. Он, безусловно, собирался протестовать против запрета выходить из Нома, а может, против нудной и тяжелой работы; или он хотел говорить о страхе перед землянами, просить о том, чтобы его взяли на борт «Хазана», где он оказался бы в безопасности. Хулагу уже надоели подобные просьбы; кроме того, он был занят. Регул, который сейчас ждал в приемной, работал там, где ему не

грозила встреча с землянами, следовательно, с этой стороны никаких неприятностей не могло быть. Хулаг сейчас старался как можно быстрее устранить все повреждения, нанесенные «Хазану» во время бури — ведь это он не выяснил предварительно все капризы погоды на Кесрит. И у него не было времени успокаивать перепуганных помощников.

Молодой регул продолжал настаивать. Хулаг со вздохом нажал на кнопку, приглашая его войти.

Это был Сут Хара-ри — воспитанник местного университета. Он очень тихо и вежливо поклонился.

Хулаг ответил на приветствие. Этот Сут был ему все же более симпатичен, чем остальные молодые регулы Кесрит. Хулаг понимал, что лучших из них ему необходимо переманить на свою сторону. Таков был его долг — спасти то лучшее, что оставалось на Кесрит. Эти молодые, обученные регулы могли увеличить его штат, как губернатора колонии.

Хулаг приблизился к Суту, но оставил между ним и собой такое расстояние, чтобы тот не чувствовал неудобства. Однако юноше пришлось подождать, пока он с наслаждением выпьет чашку теплой тонизирующей жидкости. Только

после этого Хулаг сделал жест, означающий готовность выслушать.

Сут вздохнул, а затем быстро заговорил:

— Бай, со станции сообщили, что приближается корабль мри.

Это было похоже на раскат грома. Хулаг замер, глядя на Сута с нескрываемой тревогой.

Келы, наемники — на планете, куда вскоре прибудут земляне! Сердце Хулага бешено забилось. Эти мри всегда появляются не вовремя.

— Они сообщили, что собираются делать? — спросил Хулаг.

— Они сказали, что будут приземляться. Мы потребовали, чтобы они причалили к станции, но они не обратили на это никакого внимания, лишь повторили, что вернулись на родную планету и желают совершить посадку.

— Мри никогда не лгут, — сказал Хулаг. — Но они никогда не говорят правду. И в этом они схожи с регулами.

— Им можно разрешить посадку, бай? — спросил Сут. — Что им передать?

— Скажи, где сейчас наши корабли?

— Все улетели с грузом и регулами.

— Значит, мы не можем запретить им сесть. Мы не можем подкрепить силой свой запрет.

— Ясно, — произнес Сут и мгновенно исчез. Хулаг, занятый своими мыслями, не успел ему ничего сказать.

Мри.

Такие же упрямые, как и тот кел'ен, что достался ему от Грурана. Жестокие, мстительные, неспособные к логике и здравым размышлениям.

Память мгновенно подсказала ему, что на Кесрит постоянно живут несколько мри — с тех пор, как сорок три года назад под ударами землян пал Нисрен. Оставалось загадкой, почему мри облюбовали Кесрит. Обычно они просто выбирали ту или иную планету для своей базы, объявляли ее Домом и вели себя так, словно она действительно была их родиной. А сколько было эмоций и недовольства, когда регулы относились к этой планете как и к любой другой. За все время сотрудничества таких планет было три, и все они относились к колонии, которой правили Хольны. Следовательно, мри оказались целиком в ведении Хольнов. На родине регулов мри не знали. Самое интересное, что не регулы предложили службу мри — те сами напросились на службу. И с тех пор прошло уже 2202 года. Не существовало никаких разумных объяснений этому событию

кроме того, что подобная жизнь полностью отвечала характеру мри. Регулы пытались понять это, вникнуть в их характер, но безуспешно.

Никто не мог спорить с ними или убедить отказаться от древних традиций. Хулаг с огорчением вспомнил самоубийство Медая. Кровь вместо доводов разума, даже если это его собственная кровь. Медай, рожденный на Кесрит, не пошел на компромисс. Договор с регулами имеет силу только до тех пор, пока родина мри находится у регулов и туда не вторглись враги. Медай все видел, все понял и потребовал, отпустить его. Его попытались уговорить, и он решил умереть, так как считал, что он сам, его родина — преданы. Своим самоубийством он хотел заставить оскорбившего его регула испытывать угрызения совести.

И даже зная, что его смерть не подействует на регулов так, как он рассчитывал, упрямый кел'ен все равно пошел на это.

Именно жестокость и непримиримость мри привлекла регулов. Как ни странно, но эти дикари вполне уживались с регулами, а захват территорий, принадлежащих землянам, был бы без них невозможен. Мри стали просто необходимыми для изнеженных регулов. Воины по

своей сути, ограниченные древними традициями, они сделались незаменимыми охранниками торговых кораблей и отдаленных колоний. Они никогда не изменяли своему слову, подкупить их было невозможно; невозможно было даже избавиться от них — они уходили лишь когда заканчивался срок их службы или погибали. Они не умели отступать, были начисто лишены инстинкта самосохранения, и это регулировало их рождаемость и распространение рода. Если бы не их суровая жизнь, они заполнили бы всю Вселенную. Несколько десятилетий мирной жизни — и их количество бы угрожающе возросло. Но благодаря суровому образу жизни, пренебрежению медициной и невероятной страсти к дуэлям и поединкам численность мри оставалась почти неизменной. Как жили эти воины до союза с регулами — до сих пор оставалось тайной, и мри не собирались ее открывать. Мри не занимались никаким полезным трудом, даже не производили пищу. Они предпочли бы умереть с голоду, но только не обрабатывать землю. Это правило они нарушали только изредка для сооружения своих угрюмых башен и постройки кораблей, которыми пользовались только они. Все остальное за них делали регулы. Но однажды на корабле Ху-

лага, где кел'ейнов не допускали к управлению, отказала навигационная система. Команда была в панике. Вызвали кел'ена — это оказалась старая кел'е'ен. Женщина лениво подошла к пульту, поковырялась в нем, привела все в порядок и удалилась в свою каюту, ни с кем не заговорив, не приняв благодарности.

И несмотря на это, та же самая кел'е'ен не могла прочесть ни строчки в инструкциях управления кораблем, не могла посадить его на планету.

Понять характер келов мри было невозможно. Они кончали с собой, если их оскорбляли регулы, и сражались не на жизнь, а на смерть, если их оскорбил другой мри. Хулаг был уверен, что он понимал землян и не понимал мри, хотя с землянами он имел дело всего три года, а с мри — уже 2202 года. Земляне были во многом похожи на регулов — они жаждали собственности. И хотя у них была недолгая память, они создали индустрию, машины, компенсировавшие их недостатки.

Несмотря на сорокатрехлетнюю войну с землянами, регулы доверяли им больше, чем мри. Регулам постоянно приходилось наблюдать за мри, чтобы те не расширяли военные действия за пределы локального конфликта, когда промышленность регулов окажется не в состоянии

обеспечить военные действия и надежную защиту своей территории. Мри неспособны были понять это и могли довести регулов до полного экономического истощения. Мри без особых сожалений могли уступать один мир за другим, одну планету за другой. Но ведь они были кочевниками. Регулы, в отличие от мри, очень переживали потери планет, особенно тех, в которые было вложено немало их собственного труда.

Но в конце концов самые серьезные потери понесли сами мри. В начале войны у мри было миллион девятьсот пятьдесят семь кел'ейнов; эта цифра была огромной по сравнению с тем количеством мри, которое начинало службу у регулов 2202 года назад. Их было всего сто тысяч, когда их предводители пришли к регулам и предложили свои услуги. А сейчас, согласно последним данным, во все кастах в живых осталось всего 533 мри.

Было трудно представить, что такое малое количество мри, учитывая их свирепые нравы, смогут выжить после такого опустошения в их рядах. И, к тому же, без покровительства регулов. Алани, конечно, сохранят несколько мри, если те согласятся быть разумными. Хулаг видел некоторую пользу, которую можно было извлечь из

союза с ними. Но следовало убрать с глаз землян, иначе мри, словно обезумевшие роботы, будут бессмысленно гибнуть в борьбе с неизбежным.

И вот в разгар всей этой сумятицы прибывает корабль мри. Прибывает, когда вовсю идет эвакуация их родной планеты. Это, по всей вероятности, боевой корабль. Собственные корабли мри были обычно маленькими, но мри нигде не появлялись безоружными.

И земляне, которые прибудут, чтобы вступить во владение Кесрит, тоже будут вооружены.

У Хулага на мгновение мелькнула безумная мысль бросить все дела на Кесрит, погрузить молодых регулов на «Хазан» и сегодня же вечером улететь, предоставив землянам и мри самим разбираться между собой.

Но «Хазан» был по-прежнему не готов к отлету. Самые ценные грузы еще не были погружены — это невозможно сделать, пока не будет отремонтирован грузовой шлюз «Хазана».

И к тому же нельзя было так улетать отсюда. В Совете этого не одобрят.

Он потянулся влево и нажал кнопку, вызывая юного Хаду Сураг-ги, своего личного секретаря. Хаде было всего двадцать лет, но он отличался умом и по праву занимал свой пост.

— Хада, — сказал он, — мне нужна информация о мри, живущих на Кесрит.

— Пожалуйста, — послышался голос Хады. — Записи ведутся уже более 2202 лет. Кесрит — одна из первых планет, заселенных мри. Считается, что они жили здесь еще до первого контакта с нами. Какая информация интересует бая? Возможно, я сам смогу вспомнить все необходимое.

Невероятно! Молодой регул считает, что его знаний окажется достаточно, чтобы быть полезным старшему регулу:

— О, самонадеянность юных! — ядовито заметил Хулаг, вспомнив, что он единственный старший регул на Кесрит. Однако он понимал, что Хада, несмотря на молодость и неопытность, пытается помочь ему из самых лучших намерений, желая сэкономить время и силы бая. Это ведь не Нураг, здесь вечно не хватает ни времени, ни терпения. — Хада, как ты думаешь, что привело корабль мри на Кесрит?

— Эта планета сейчас является прародиной мри, — оказал Хада. — Вполне возможно, они собираются защищать ее. Они не привыкли уступать.

Это были не те слова, которые могли успокоить Хулага, но он и сам думал об этом. И все же мри

согласились с договором, который регулы заключили с землянами. Им все время говорили, что дальнейшая война с землянами недопустима.

— Хада, какова сейчас численность мри на Кесрит?

— Тринадцать, бай; в основном, старики, которые уже не могут сражаться.

Хулаг был очень удивлен. Зная количество мри, он не интересовался этим маленьким эдуном и даже не потрудился выяснить подробности.

— Мне нужны все записи о лидерах и истории здешней колонии мри. «Впрочем, это бесполезно, — подумал Хулаг. — Мри находятся на Кесрит очень давно и просмотреть все записи мне просто не удастся. У меня просто не хватит времени. Здесь должны быть горы записей».

— Хада!

— Да?

— Свяжись с их кел'антом. Попроси, чтобы он немедленно встретился со мной.

Последовала долгая пауза.

— Хорошо, бай, — отозвался Хада. — На Кесрит эдуном правит госпожа, Интель. Кел'ант, следовательно, подчиняется госпоже. Он не является предводителем мри на Кесрит.

Ругательство Хулага прервало молодого регу-

ла. Наступила тишина. Хулаг обдумывал новую для себя информацию, несколько смущенный тем, что знания молодого регула превосходили его собственные. Его бесило то, что когда дело касается мри, очень трудно разобраться, кто из них кому подчиняется. Но, похоже, Хада во всем этом неплохо разбирается. Скорее всего, он получил эти знания от старших Хольнов, правивших здесь в течение многих лет. «Чума и погибель, — подумал Хулаг. — И нет времени, нет времени. Пропади они все пропадом, эти мри!» Он хорошо знал, что никто не может вызвать к себе госпожу. Никто, кроме касты Келов, не мог встречаться с представителями чужой расы. Оставалось только игнорировать прибытие корабля мри со всеми возможными последствиями.

Или же ему следовало оставить свою канцелярию и все важные дела своим неопытным помощникам и нанести визит предводителю мри, который санкционировал все отношения между регулами и мри. Только в разговоре с ним Хулаг мог достичь какого-то приемлемого для себя результата.

— Хада, — решительно заговорил Хулаг. — Вызови мою машину с самым лучшим водителем, который не дрожит при виде мри.

Он уже не раз испытал унижение, когда разговаривал с землянами-победителями, когда вынужден был согласиться на присутствие двух нежелательных наблюдателей, из-за которого теперь возникло столько осложнений в его отношениях с мри. Ему довольно легко удалось нейтрализовать этих землян, хотя он считал, что это будет непростая задача. Он просто убрал их со своего пути, и теперь Совет останется доволен. И вот теперь это. Он должен прекратить свою работу по спасению жизней регулов и их имущества и начать переговоры с неблагодарными мри, которые вряд ли поддержат его усилия.

Внезапная мысль пришла ему в голову.

— Хада! — сказал он. — Знают ли мри о прибытии корабля?

— Эта информация не покидала стен Нома, — ответил Хада. — Но мри, вероятно, уже знают об этом. У них есть свои каналы получения сообщений.

— Разумеется, — сказал Хулаг. Он выключил связь и приступил к самому трудному — он начал вставать. С тех пор, как он стал взрослым, прошло уже 290 лет. Ноги его укоротились, чувства притупились, вес стал во много раз больше. От холодного воздуха Кесрит его бурая кожа огрубела

и трескалась. Два его сердца работали с огромной нагрузкой, мышцы сводило судорогой. Он был очень старым регулом, и его основным занятием было мышление.

А теперь он опустился до визита к мри.

12

Показался эдун мри. Сооружение выглядело зловеще и располагалось в очень неудобном для жизни месте. Хулаг беспокойно заворочался на подушках, глядя на вырастающий перед ним эдун, построенный из глины и каменных блоков; поверхность камней была грубо обработана и сливалась с окружающей почвой. Наклонные стены ограничивали жизненное пространство — мри во всем старались не походить на окружающих. Структура башен, бессмысленная, изолированная от окружающего, отражала все особенности мышления мри, такого же бесполезного, стиснутого рамками предрассудков, недоступного другим… Машина с трудом пробиралась по дамбе, где дожди растворили соленые глыбы, образовав огромные рытвины и трещины. По обеим сторонам дамбы простиралась плоская равнина, усеянная нарывами кратеров, многие из которых дымились. Изредка ввысь устремлялась струя горячего пара — это просыпался один из гейзеров. Пока машина пробиралась по дамбе, объезжая разъедающие дорогу глубокие трещи-

ны, Хулаг старался не думать о тех чудовищных силах, что клокотали под ним.

Ремонтировать дорогу мри не собирались. Конечно, они были стары, но даже будь у них достаточно сил, они не стали бы делать это, пока на планете есть хоть один регул. Эта дорога исчезнет, разрушится прежде, чем мри решат заняться ею, и Хулаг вовсе не желал помогать им в этом — все равно это достанется землянам, которые придут на планету.

Он надеялся, что дорога выдержит одну его поездку туда и обратно.

Машина преодолела подъем и остановилась у главного входа в эдун. Строение тоже было в плачевном состоянии.

Хулаг видел множество фотографий эдунов, но так близко, да еще в таком состоянии не видел еще ни одного. Это строение было очень древним. Грязь покрывала даже центральную дорожку, и бай Хулаг смотрел на нее с отвращением. Ему предстоял по ней очень долгий и трудный путь. Вход охранял дус. Хулаг с ужасом взглянул на зверя. Дусы всегда сопровождали кел'ейнов в полетах. Но на кораблях они постоянно находились в каютах, бродить по коридорам им не разрешалось. Хулаг знал о дусах только общеизвестные

факты: если мри были разумными существами второго класса по шкале, где регулы считались существами первого класса, то дусы относились к десятому классу, хотя одни из имевших с ними дело относили их к более высокому, а другие — к более низкому классу. Кесрит был их родиной. Они жили в диких горах и долинах и были очень хитрыми и опасными охотниками. Регулы с удовольствием оставляли их землянам.

Мри делили с приручеными дусами пищу и жилье. Но дусы ничего не делали для мри, решительно ничего. Даже дрались они тогда, когда не было иного выхода. Единственная польза от них заключалась в том, что кел, содержащий такое бесполезное животное, занимал более высокое положение.

А этот дус выглядел совсем больным. Слабый и беспомощный, он не мог даже поднять голову.

Вид этого безобразного существа подействовал на Хулага больше, чем вид развалившегося эдуна. Он поневоле смотрел на дуса, ожидая, когда водитель, Чул Наг-ги, поможет ему выйти из машины. Чул шел со стороны дуса, не спуская глаз со зверя. Когда они стали подниматься по ступеням, дус поднял голову, чтобы осмотреть их. Слезящиеся глаза с дрожащими веками привели

Хулага в ужас.

«Он же умирает, — подумал он. — Он умирает на самом пороге. Почему они не убьют его? Если не из жалости, то хотя бы из соображения гигиены».

Дус осмотрел их, фыркнул и издал какой-то утробный звук, который не выражал удовольствия, но и не содержал угрозы.

— Прочь! — крикнул Чул, охваченный паникой. Хулаг отскочил назад так быстро, насколько это было возможно при его размерах. А Чул яростными пинками старался отогнать дуса. Затем он помог Хулагу подняться и войти в ворота.

Мри заметили их и мгновенно исчезли. Их черные тени неслышно бесшумно исчезли в темных проемах дверей башен. Никто не предложил им помощи. Но Хулаг не нуждался в проводнике. Он еще в Номе изучил план эдуна, знал расположение помещений первого этажа, знал, в какой башне находятся покои госпожи. И он пошел туда медленно, с ужасом думая о винтовой лестнице, ведущей в башню.

Они начали трудный подъем. Сверху послышался шум, но Хулаг никого не увидел и продолжал подниматься по лестнице вдоль заляпанных грязью стен, разукрашенных рисунками и сим-

волами. В этих изображениях не было никакого порядка и казалось, что из них ничего нельзя понять. Черно-голубые и золотистые рисунки вились по стенам и потолку коридора. Вероятно, мри очень религиозны — еще один факт, который мри скрывали от посторонних. По-видимому, эти рисунки должны были отгонять духов, а может быть, мри считали, что это просто красиво. Двери в холл, где принимала госпожа, были стальными, как и все двери эдуна — их делали регулы. На этих дверях и держалось рассыпающееся здание эдуна.

— Они никак не хотели использовать прекрасный металл регулов в своих земляных норах, — негромко заметил Чул, но тут же осекся под строгим взглядом Хулага, который помнил об исключительном слухе мри.

— Открой дверь, — сказал Хулаг.

И когда Чул распахнул дверь, у него перехватило дыхание. Прямо перед ними стоял кел'ен в черной вуали. Молодой кел'ен. Хулаг определил это по гладкому лбу и чистой золотистой коже. Это был суровый воин, закутанный в черную мантию, увешанный оружием, готовый к бою. Даже древнее оружие, длинный нож, — и тот висел у него на поясе. Хулаг с внезапным содроганием

вспомнил Медая, который был точной копией этого мри. Ему показалось, что он встретился с привидением.

Юный регул и юный мри стояли друг против друга, и регул не выдержал, отступил на шаг. Эта слабость вызвала гнев у Хулага.

— Где госпожа? — сурово спросил он. — Молодой мри, отойди от двери и вызови кого-нибудь из старших. Я хочу видеть госпожу.

Мри величественно повернулся и ушел. Воин мри. Хулаг ненавидел эту расу. Они существовали неизвестно зачем. В их юношах это проявлялось особенно отчетливо.

Юноша, как и весь эдун, пропах ладаном. И Хулаг едва сдержался, чтобы не чихнуть. Ноги его дрожали от долгого и трудного подъема. Он вошел в холл, опустился на колени и устроил свое огромное тяжелое тело на ковре. Из мебели в холле были лишь кресло госпожи и две скамьи у входа. Но эти скамьи были слишком высокими и хрупкими для взрослого регула, который не мог слишком долго оставаться на ногах.

Вообще-то можно было потребовать, чтобы мри принес подходящее кресло, но, видимо, этот эдун был беден и здесь не было мебели для гостей-регулов. Ковер, по крайней мере, был чистым.

В глубине холла, за перегородкой, отделявшей часть помещения, послышались шаги. Хулаг мысленно выругался, чувствуя себя довольно неловко а Чул беспокойно заворочался. Вскоре в холле начали появляться воины, закутанные в черные мантии и вуали.

— Бай, — пробормотал Чул. В голосе его слышался страх. Хулаг бросил на него строгий взгляд. Этот молодой регул слишком труслив. Мри, несмотря на свою надменность, были слугами регулов, и их к этому никто не принуждал. Да, мри были непонятным народом, но регулам их бояться не следовало.

Вошли дусы. Их огромные головы были наклонены к полу, словно звери что-то выискивали. Они забрались в угол и улеглись, положив головы между мохнатыми лапами. Они смотрели на регулов, и их маленькие, едва заметные глазки поблескивали в полутьме. Один из них глухо зарычал, но, повинуясь жесту кел'ена, успокоился.

Тут Хулаг не выдержал и оглушительно чихнул. Ни один из мри, казалось, не заметил такого вопиющего нарушения этикета. Хулаг пересчитал мри. Их было одиннадцать. И девять из них были в вуалях — очевидно, мужчины и женщины Келы. Молодая женщина в золотистой мантии

была без вуали. Рядом с ней стоял старик в такой же золотистой мантии. Хулаг видел лица только двух мри. И он не мог отвести глаз от прекрасного лица молодой женщины.

«Странно, — подумал Хулаг, — что особи этой расы уже с рождения имеют пол, и только к старости различие между полами теряется». — И Хулаг поспешил избавиться от этой мысли, решив вернуться к ней позже — если, конечно, мри переживут это смутное время.

Послышался легкий шелест одежды — появилась госпожа, опираясь на руку юного кел'ена. Она прошла между воинами и опустилась в свое кресло. На ней не было вуали, и она была очень стара.

Юный воин опустился на колени рядом с ней. Его холодные глаза с недоверием и враждебностью смотрели на регулов. Взгляд госпожи выражал покой и мудрость, которые пришли к ней с прожитыми годами. Эти качества Хулаг высоко ценил, и он внезапно понял, что ему лучше разговаривать с этой мудрой женщиной, а не с келами.

Ее не удивила встреча с регулами. Взгляд ее был быстр и ясен. Перед ними было мыслящее существо.

— Госпожа, — сказал Хулаг с тем почтением, которого требовал ее возраст, хотя она и была мри.

— Хулаг, — сказала она, отбросив все его титулы.

Ноздри его сжались и шумно выпустили воздух. Жаркая волна гнева охватила его.

— Госпожа, — сказа Хулаг. — На нашем корабле найдется место для мри. — Это была почти правда: он отвел место для молодых мри. Он надеялся, что они под руководством рода Аланей примут цивилизацию, станут ее частью. Но перед ним было только двое молодых. Теперь он мгновенно изменил решение. Эти старики, подумал он, будут контролировать молодых мри, сделают их более уступчивыми и, как знать, может, они создадут новую колонию. Он опять вспомнил кел'ена, покончившего с собой, и подумал, что этого могло не произойти, окажись рядом старый мри, который объяснил бы юнцу всю бессмысленность его поступка.

Если же в этих стариках не осталось ни крупицы здравого смысла, то вся цивилизация мри исчезнет. Им не освободиться от самих себя.

— Нам бы хотелось, чтобы вы поднялись на борт сегодня вечером, — сказал он.

Госпожа смотрела на него без радости, но и без

негодования.

— Да, бай?

— Как можно скорее. Мы уже заканчиваем погрузку.

— А наши дусы? — спросила она.

— И дусы. По одному на каждого. — Хулаг мысленно выругался, прикинув, что расходы возрастут вдвое против того, на что он рассчитывал. Про дусов он не подумал. Но он понимал, что эти животные необходимы для душевного здоровья мри.

— Мы подумаем над этим, — сказала госпожа, положив руки на плечи молодого воина и молодой женщины.

— Для долгих консультаций нет времени, — возразил Хулаг.

— А, — сказала госпожа. — Значит вы уже знаете о корабле.

Кровь отхлынула от лица Хулага и только спустя некоторое время восстановила свой обычный бег. Он не смотрел на молодого Чула, надеясь, что у того хватит ума не пересказывать все, что случилось тут, в компании молодых регулов и не повторять тех оскорблений, которым подвергся здесь Хулаг.

— Да, — сказал он, — конечно, знаем. И тем не

менее, нам хотелось бы ускорить наш отлет. Мы не знаем, что это за корабль, но без сомнения… — Он внутренне содрогнулся при мысли о том, что сейчас ему придется лгать. Лгать во имя регулов, которые находятся под его покровительством. Во имя своих амбиций. Но это было не так просто. — Когда вы будете на борту, мы сможем перехватить ваш корабль и увести его в наши внутренние зоны, туда, где земляне не смогут его достать.

— И вы пойдете на это? — раздался старческий голос. — Неужели мри наконец попадут на родину регулов? Ведь нам даже не разрешалось знать ее местонахождение, бай.

— И тем не менее… — Он не мог настроиться на ложь. Он учился этому у других рас. Он смотрел на их ложь с ужасом и изумлением, он знал, что ложь — самое обычное явление среди землян. Хулаг чувствовал, как кожа покрывается потом, как горло сжимают судороги. Но он знал, что если ему не удастся солгать, то все окончится ужасной катастрофой для мри и для регулов, находящихся у него под началом. Катастрофой его будущего.

Если бы все стало известно на Нураге…

Но это же всего лишь мри, низшая раса. Их память коротка. Значит, ложь не будет долго жить

среди них.

— И тем не менее, госпожа, — сказал он, тщательно взвешивая слова, — это так. Теперь многое изменилось. Мы не можем задержаться здесь так долго, как нам бы хотелось. Мы заканчиваем погрузку и улетаем.

— Ты боишься столкновения между нами и землянами?

Вопрос попал в цель. Хулаг сидел спокойно, глядя на госпожу и стараясь найти правильный ответ. Мри, как и регулы, говорили только правду. Хулаг знал это из записей предков. В этих записях была лишь правда, которая описывала прошлое и предсказывала будущее.

Неужели его предки никогда не лгали? Никогда не испытывали искушения исказить крохотную, ничего не значащую истину во имя большой настоящей правды?

Неужели они так строго и педантично придерживались правды? Эти сомнения будоражили оба его измученных сердца, выбивали почву из-под самых твердых его убеждений, вселяли в него неуверенность. И несмотря на все традиции предков, бай сейчас должен солгать, придав лжи форму правды. Он должен был сделать это во имя спасения двух рас.

— Мы очень хотим, — забормотал Хулаг, стараясь вжиться в свою роль, — обезопасить вас от землян, мы хотим побыстрее отбыть отсюда, как для вашей, так и для нашей безопасности. На карту поставлены наши жизни, жизни молодых регулов, моя репутация. А я представляю большую ценность для своего народа. Если вы хотите улететь с нами, то я советую, госпожа, готовьтесь побыстрее.

— Мы служили регулам 2000 лет, — сказала госпожа. — Это очень большой срок, а вознаграждение не соответствовало нашим заслугам.

— Мы предлагали вам все. Мы предлагали вам нашу технику, чтобы вы воспользовались всеми благами нашей цивилизации. Мы предлагали вам наши знания, нашу историю, нашу технологию…

— Нам не нужны ваши знания, — сказала госпожа.

— В этом ваше несчастье, — сказал бай. Ему уже приходилось сталкиваться с этим тупым упрямством мри, когда он общался с Медаем.

— Госпожа, вы летаете в кораблях, построенных регулами, ваше оружие, ваша пища сделаны регулами. Без нас вы бы умерли от голода. И все же вы презираете наши знания.

— Мы не презираем их, — сказала госпожа. — Они нам не нужны.

Хулаг, не скрывая пренебрежения, окинул взглядом совершенно пустую комнату, стены которой украшали уродливые символы, не приносящими никакой радости глазу. Хулаг сомневался, что сами мри помнят значения этих символов. Мри были очень религиозны. Если они заболевали или получали рану в бою, они не принимали медицинской помощи от регулов и предпочитали умереть. Во время болезни им нужно было только присутствие другого мри или дуса. Такова была их религия.

И обычно они умирали, не пытаясь бороться с недугами. «Мы воины, — говорили они, — а не рабочие, не торговцы, не артисты. Нам не нужны те выгоды, которые приносят ваши знания.» Медицина, техника, литература, сельское хозяйство, физический труд — всем этим мри пренебрегали, все это они оставляли регулам.

«Животные, — думал Хулаг. — Это же настоящие животные. Убийства, насилие вызывают у них наслаждение. Они готовы воевать всю жизнь ради собственного удовольствия. Нам никогда не отучить их от войны. Они любят ее слишком сильно."

Хулаг обратился к надменному молодому кел'ену, который сидел у колен госпожи:

— Юноша, ты не хочешь учиться? Ты не хочешь иметь то, чем наслаждаются регулы? Знать прошлое, видеть будущее, делать машины?

Золотистые глаза кела прищурились, что означало высшую степень изумления.

— Я кел, — сказал молодой воин. — И моей касте не нужно образование. Спроси лучше сена.

Молодая женщина в золотом, в свою очередь, взглянула на Хулага. Ее прекрасное лицо, не закрытое вуалью, напоминало маску — совершенно бесстрастное, ничего не выражающее.

— Сены подчиняются госпоже. Спроси госпожу, бай, может, ей все это нужно. Если она прикажет мне учиться, я буду изучать все, что ты предложишь.

Они издевались над ним. Таков был юмор мри. Хулаг взглянул в глаза госпожи, которые не изменили своего выражения во время разговора.

— Мы знаем, — наконец сказала она, — что это всегда было доступно нам. Нам нужна не та плата за службу, что предлагаете вы.

Загадки. Мри лелеют свои тайны, свою непостижимость. Такому народу нельзя помочь.

— Если один из вас, — сказал Хулаг, собрав все

свое терпение, — сможет сформулировать, чего же вы хотите, то, возможно, мы найдем способ дать вам это.

Но госпожа молчала. И остальные молчали.

«Мы служим за плату», — надменно сказал как-то один из предков госпожи. Но он ничего не сказал о том, какая плата нужна ему. И госпожа, как и ее предок, тоже не говорила ничего.

— Это будет очень удобно для моего народа, — сказал Хулаг. Он решил прибегнуть к старым формулировкам и воззвал к совести мри. Что ж, по крайней мере, это было правдой: — Мы привыкли к тому, что мри защищают нас. Мы не воины. Если несколько мри будут на нашем корабле, мы будем чувствовать себя в безопасности во время путешествия.

— Если вы просите одного мри для защиты, то я пошлю его с вами, — сказала госпожа.

— Госпожа, — сказал Хулаг, снова пытаясь воздействовать на здравый смысл и совершенно забыв о своем достоинстве и о том, что все это происходит на глазах у Чула. — Неужели ты пошлешь одного из своих людей в такое далекое путешествие безо всякой надежды на возвращение? И почему вы хотите остаться здесь после того, как уйдем мы?

— А почему мы должны лететь с вами на вашем корабле на Нураг? Ведь у нас есть свой корабль. Зачем ты этого добиваешься? — спросила госпожа.

— У нас есть перед вами обязательства, — сказал Хулаг, и сердца его бешено заколотились. — Там вы будете в большей безопасности, чем здесь.

— Здесь будут земляне, — заметила госпожа. — Ты знаешь, что это означает?

Хулаг ничего не нашел в своей обширной памяти, чтобы ответить на этот вопрос. В его голове зашевелились тяжелые смутные подозрения.

— Может, вы решили изменить нашему союзу и перейти на службу к землянам? — наконец прямо спросил он.

Госпожа сделала какой-то жест, смысл которого был непонятен Хулагу.

— Я должна посоветоваться со своими Мужьями, — сказала она. — Если вы хотите, я пошлю одного из моего Народа с вами. Мы служим регулам. Я не могу отказать тебе в просьбе, о, Хулаг, бай Кесрит.

Теперь, когда наступило время обмена любезностями, Хулаг сам перестал доверять мри. Хоть они не могут лгать, но он был уверен, что тоже не сумеет солгать. Однако пришло время, и он

солгал. И это оказалось бесполезным. Мри и в самом деле не лгали, но госпожа, скорее всего, смеялась над ним под вуалью вежливости. А черные вуали келов были непроницаемы.

— Что это за корабль, госпожа? — спросил он.

— Что именно тебя интересует?

— Что за мри прилетели на нем? Они из этого эдуна?

— Корабль называется «Аханал». Тебе действительно нужен сопровождающий на корабле?

— Я отвечу тебе, когда ты переговоришь со своими Мужьями и дашь ответ на остальные вопросы, — ответил Хулаг, заметив, что госпожа ускользнула от прямого ответа. Гнев закипал в нем.

Таковы были мри. Они ничего не знают, почти ничего не помнят, и все же решили одурачить его, регула.

Он был на их территории и по законам этого забытого мира считался единственным представителем регулов.

Впервые мри предстали перед ним не как дополнительное удобство, любопытные зверюшки, а как тупая сила, как дусы, опасные и зловещие. Он смотрел на воинов в черном, с надменным безразличием стоявших перед регулом, который

долгие годы командовал ими.

И чтобы мри не подчинялись регулам… Такого никогда не случалось за долгие годы их службы разным родам регулов, разным губернаторам. Хулаг порылся в своей памяти и не нашел ни единого случая открытого мятежа, неповиновения. Это было самым плохим во всей ситуации: регул оказался в ситуации, которая прежде никогда не возникала, когда его огромная память была также бесполезна, как чистая незагруженная память молодого регула.

Регулы в состоянии высшего напряжения изредка проявляли способности ясновидения, они могли видеть то, что еще не случилось и о чем у них не могло быть никакой информации. Иногда такие предсказания были очень точными. Однако такой всплеск умственной активности не проходил даром. У предсказателя все смешивалось в памяти — то, что было, то, чего еще не было, то, чего никогда не будет, — и они нередко сходили с ума. Внезапно Хулаг почувствовал, что видит, как все произойдет дальше. Он видел, что эти воинственные существа набросятся на него и Чула и моментально прикончат их, восстав в кровавой безумной злобе против регулов, против рода Аланей. Два его сердца бешено колотились

не только от ужаса, но и от того, что ему удалось заглянуть в будущее. Ему было всего 310 лет. Он уже достиг пика своих возможностей и хотел продержаться на нем еще несколько десятков лет. Хулаг пришел в ужас от того, что из-за страшного напряжения он истощил себя, и теперь его разум начнет угасать. Старому регулу очень вредно подвергать себя такому напряжению.

— Госпожа, — сказал он, решив еще раз воззвать к ее разуму. — Я должен сказать, что твои консультации могут вызвать задержку, в результате которой твои люди могут не успеть на корабль и остаться здесь.

— Мы посоветуемся, — сказала она — и это было ни «да», ни «нет», но он воспринял ее слова как абсолютный отказ, рассудив, что это просто отговорка.

У этих мри была какая-то тайна, которая удерживала их на Кесрит, и они не посвящали в эту тайну регулов. Хулаг вспомнил слова молодого кел'ена, который покончил с собой, когда ему отказали в просьбе покинуть корабль. Он, вероятно, хотел доставить госпоже известие о том, что на Кесрит летят земляне. От этих мри можно было ожидать чего угодно, в том числе и коллективного самоубийства всей расы: они начали

бы защищать Кесрит от землян, и земляне бы не поверили, что мри действовали самостоятельно, а не по приказу. Они покончили бы с мри и двинулись дальше на регулов. Опять предвидение будущего, ужасное предвидение.

Мри отступают лишь после того, как им приказали это сделать, а стоит хоть на миг ослабить контроль — и они не отступят никогда. Хулаг мысленно выругал себя за то, что слишком много внимания уделял погрузке ценностей на «Хазан», когда ему следовало в первую очередь заняться мри.

Хулаг с трудом поднялся. Его мускулы не успели отдохнуть после такого напряжения, и он не отказался от помощи, которую предложил ему Чул. Молодому регулу пришлось напрячь все свои силы, чтобы удержать огромное тело Хулага. Госпожа щелкнула пальцами, и молодой кел'ен легко вскочил на ноги и поддержал Хулага с другой стороны.

— Это очень утомительно для бая, — сказал Чул, и Хулаг мысленно выругал не в меру разговорчивого юнца. — Он очень стар, госпожа, долгое путешествие утомило его и этот воздух ему не очень подходит.

— Ньюн, — обратилась госпожа к кел'ену. —

Проводи бая до его машины. — Она легко поднялась, как ни в чем не бывало глядя на Хулага, с трудом передвигающего ноги. Хулаг никогда не жалел о своей утраченной молодости и легкости движений. Ведь взамен он обрел громадную память и почет, и свободу от страха, который обычно мучает всех молодых регулов. Но у мри все было иначе. Он с негодованием ощутил, что госпожа устроила спектакль для своих людей, которые могли сравнивать старого мри и старого регула, совершенно беспомощного без своих машин.

Для мри, легких и подвижных даже в старости, такая беспомощность была смешной. Хулаг подумал, что мри издеваются над физической немощью регулов так же, как регулы между собой смеются над умственной ограниченностью мри. Но за 2202 года никто не видел смеющегося мри. Хулаг боялся, что сейчас под черными вуалями прячутся улыбки.

Он взглянул на Чула, чтобы увидеть, понимает ли тот хоть что-нибудь. Молодой регул казался очень испуганным. Он пыхтел под тяжестью Хулага. Юноша мри не смотрел ни на того, ни на другого. Взгляд его где-то блуждал, а скрытого под вуалью лица не было видно.

Они прошли через двери, оказавшись в головокружительных зигзагах расписанных стен, и снова стали спускаться по проклятой лестнице. От этого воздуха, от диких сочетаний цветов на стенах у Хулага кружилась голова; он боялся упасть, и наконец вздохнул с облегчением, когда они добрались до площадки. Там он немного отдохнул, и затем они снова, шаг за шагом, стали спускаться. Они вышли на улицу — здесь их поджидал едкий воздух. Хулаг приободрился. Он остановился снова и, опираясь на плечи спутников, щурился на свету и старался восстановить дыхание.

— Ньюн, — сказал он, припомнив имя молодого кел'ена.

— Да? — отозвался юноша мри.

— А что, если я попрошу тебя лететь со мной?

Золотистые глаза встретились с глазами регула. Они были расширенными и, казалось, в них мелькнул испуг. Хулаг прежде никогда не видел, чтобы мри не могли скрывать своих эмоций. Это удивило его.

— Бай, — сказал юноша мри. — Я служу госпоже, и я ее сын. Я не могу покинуть ее.

— И вы все ее сыновья?

— Нет, бай. Они — ее Мужья. Я — ее сын.

— Я надеюсь, не в физическом смысле?

Мри посмотрел на него так, словно был одновременно удивлен и оскорблен.

— Нет, бай. Моей настоящей матери больше нет.

— Ты полетишь со мной на «Хазане»?

— Если госпожа отпустит меня.

Он был молод, бесхитростен, и, в отличие от госпожи, свободен от предрассудков. Молодой, самоуверенный, надменный; но такого, как он, еще можно научить, сделать из него цивилизованное существо. Хулаг смотрел на юное лицо, до самых глаз закрытое вуалью, и находил, что этот мри куда приятнее остальных, однако он обратился к нему, как обращаются старые регулы к молодым — резко и повелительно.

— А если я прикажу тебе, чтобы ты сел со мной в машину?

Несколько мгновений юноша мри не мог ответить, а может, он обдумывал предложение. Глаза над вуалью казались испуганными и недоумевающими.

— Ты должен понять, что я предлагаю тебе безопасность, — добавил Хулаг.

— Только госпожа может приказать мне, — сказал молодой кел'ен. — А я знаю, что она не

пошлет меня.

— Она обещала мне одного мри.

— Кого послать, а кто останется, решает эдун. Это его привилегия. Я полагаю, что госпожа не отпустит меня, бай.

Сказано было достаточно ясно, и для того, чтобы получить разрешение госпожи, нужно снова совершить подъем, снова разговаривать с госпожой, снова испытывать унижение — и все это без какой-либо надежды на успех. Хулаг обдумал все это и отказался от мысли снова говорить с мри. Он взглянул на юношу мри, стараясь понять, чем тот отличается от остальных.

— Как твое имя, твое полное имя, кел'ен?

— Ньюн с'Интель Зайн-Абрин, бай.

— Помоги мне сесть в машину, Ньюн.

Поняв, что это все, чего требует от него Хулаг, мри не смог скрыть облегчения. Напрягаясь изо всех сил, он вместе с Чулом медленно и аккуратно опустил Хулага на подушки. Хулаг глубоко вздохнул, взгляд на миг затуманился, кровь бросилась в голову. Затем он нетерпеливым жестом отпустил мри и смотрел, как тот идет обратно и скрывается за дверью, вырубленной в полуразрушенной стене. Дус у двери поднял голову, чтобы посмотреть, кто идет мимо, затем отвернулся и

положил голову между лапами. От его дыхания с земли поднялось облачко пыли. Юноша мри на миг задержался рядом с ним, а потом исчез в темном дверном проеме.

— Едем, — сказал Хулаг Чулу, который сел на место водителя. И затем добавил: — Юноша, свяжись с моей канцелярией и спроси, нет ли новых сообщений.

Он с беспокойством подумал о прибывающем корабле, и о том, каким безоблачным казалось все еще сегодня утром, когда о нем не было известно. Он с удовольствием вдохнул теплый очищенный воздух внутри машины и попытался собраться с мыслями. Вот-вот на Кесрит прибудут земляне. И, обнаружив поблизости корабль мри, они заподозрят предательство. Это произойдет совсем скоро, а может даже раньше, чем он думает.

И тогда, без всякого сомнения, между мри и землянами произойдет столкновение, если он к тому времени не очистит от мри Кесрит и его окрестности — тем или иным способом. А теперь, после разговора с госпожой, Хулаг уже не знал, как ему действовать, как договориться регулам и мри.

Или землянам и мри.

— Бай, — послышался в приемнике голос Хады

Сураг-ги, — мы связались с кораблем мри. Это «Аханал».

— Говори мне только то, чего я еще не знаю, юноша.

На некоторое время воцарилась тишина. Хулаг успел овладеть собой. Хада пытался все сделать как можно лучше. Его положение было сложным — приходилось находить компромисс между надменностью мри и нетерпением Хулага.

— Бай, — послышался извиняющийся голос Хады. — Этот корабль не с Кесрит, но они собираются совершить здесь посадку. Они говорят, бай…

— Продолжай, юноша.

— Что они на закате солнца будут в городе. Они уже близко, очень близко, бай. Наша станция выдает им координаты для посадки, но они не обращают внимания на передаваемую информацию.

Хулаг выдохнул воздух и выругался.

— Ты слушаешь, бай?

— Что еще, юноша?

— Они отвергли наше предложение пристыковаться к станции. Они хотят совершить посадку в порту. Мы пытались объяснить им, что это противоречит договору и что порт сильно по-

страдал во время бури. Они не стали слушать. Они сказали, что им нужно продовольствие. Мы предложили им получить его на станции. Они не стали слушать. Они требуют, чтобы их корабль был переоборудован в военный, с полным перевооружением. Мы заявили, что не можем этого сделать. Но они требуют, бай. Они сказали, что у них на борту четыреста мри.

Дрожь пробежала по телу Хулага.

— Юноша, — сказал Хулаг. — Во всей освоенной Вселенной осталось в живых всего 533 мри и тринадцать из них здесь, на Кесрит.

— Но, бай, — умоляющим тоном произнес Хада. — Бай, я слышал их слова совершенно отчетливо. Я попросил их повторить цифру. Возможно… что это последние мри во всей Вселенной.

— Чума и погибель! — Хулаг снова выругался и тронул Чула за плечо: — Порт.

— Бай? — переспросил Чул, глуповато моргая.

— Порт, — повторил Хулаг. — О, юное невежество! Порт. И побыстрее.

Машина резко повернула влево и покатила по дороге, подпрыгивая на ухабах. Хулаг смотрел на розоватое небо и отдаленные горы, на дикие долины и белые песчаные пустыни Кесрит.

Все это достанется землянам.

Он снова с содроганием вспомнил о мри, который покончил с собой, и о тех мри, что сейчас приближаются к Кесрит — последних мри, уцелевших в войне, стремящихся к своему Дому, который скоро перейдет в руки землян.

Они хотят умереть тут?

О, если бы все было так просто! Но они вдохнут новую жизнь в войну, разрушат достигнутый мир и затем, погибнув в бою, оставят регулов один на один с разгневанными землянами: это было так похоже на мри!

Он начал размышлять. Оба его сердца сжимались от страха. Он никогда не лгал до своего визита к мри, и он никогда не убивал — за него это делали наемники мри.

Машина сделала крутой поворот к порту и запрыгала на ухабах. Разруха пришла даже сюда.

С внезапно сжавшимся сердцем он увидел, что в горах за городом вновь собираются тучи.

13

Дождь барабанил по стенам эдуна. Ветер обрушивался вниз, но горы и высокие скалы преграждали ему путь, направляли на город регулов и порт. Ни один порыв ветра не обрушился на эдун за 2000 лет.

В такой вечер было приятно собраться всем мри за общим столом в башне госпожи. В этот вечер воздух был пронизан предчувствием чего-то приятного, каким-то странным удовольствием, таким же сильным, как ветер. Дусы, которые остро чувствовали настроение, не на шутку развоевались, и их всех выпроводили из эдуна. Звери исчезли во мраке. Все, кроме мьюк'ко, который лежал у ворот и не обращал внимания на разыгравшуюся бурю.

Все кел'ейны пребывали в приподнятом настроении. Глаза стариков сверкали. Никто не говорил о прибывающем корабле, но он был центром всего.

Ньюн, как и все остальные, связывал все свои надежды с прибытием «Аханала». Перед ним открывались радужные перспективы. Братья.

Соперники. Жизнь.

Пускай у него не было военного опыта, но это был его Дом, он был келом этого Дома, и кроме того, он был кел'еном госпожи. Это было очень приятное, но непривычное чувство — ведь он теперь был не самым низшим из них; он был среди первых.

— Мы связались с кораблем мри, — только и сказала им госпожа. И это было все, что им было известно о корабле. Утром госпожа собрала их и говорила с ними спокойно и торжественно. Это было трудно для нее — ведь последнее время она зачастую плохо себя чувствовала. Но сегодня утром Интель была такой, какой Ньюн ее прежде не видел — она приводила его в трепет своим мягким голосом и необыкновенной ясностью мысли. Она говорила о тайных тропах Кесрит, о которых регулы ничего не знали.

— Скоро, — сказала она. — Следите за регулами, кел'ейны, не спускайте с них глаз.

И очень скоро, скорее, чем они ожидали, прибыл для переговоров бай.

Регулы волновались. Они столкнулись с тем, чего никогда раньше не случалось, и они очень беспокоились и были в смятении.

— Интель, — сказал Эддан, старший из ее Му-

жей, когда Ньюн вернулся с кухни, куда относил посуду и остатки пищи. Только кухня и часть башни Катов оставались открытыми, — Интель, будет ли дозволено келу задать вопрос?

Ньюн быстро сел на свое место. Он был благодарен Эддану за то, что тот подождал его возвращения. Ньюн смотрел в лицо Матери, надеясь, что она не откажет Эддану.

Она нахмурилась.

— Кел хочет спросить о корабле?

— Да, — ответил Эддан. — А разве есть сейчас что-нибудь более важное?

Госпожа опустила руки. Разрешение было получено.

— Когда он прилетит, — спросил Эддан, — мы улетим на нем или останемся?

— Кел'ейны, я скажу вам, что вижу конец Кесрит. Да, мы улетим, но я скажу вам и другое: я должна дать баю регулов одного кел'ена, не больше. Но я сомневаюсь, что бай еще раз придет за ним.

Старый Лирен — без вуали, поскольку при совместной трапезе никто не закрывал своего лица — ухмыльнулся и поднял украшенную боевыми шрамами руку.

— О госпожа, Матушка, если он придет, пошли

меня. Мне бы хотелось увидеть Нураг: действительно ли он таков, как о нем говорят. А кроме того, от меня мало пользы при строительстве нового эдуна. Этот наш дом совсем разваливается, и если нам не суждено остаться в нем, то я лучше снова пойду на службу.

— Ты хочешь снова служить Народу, Лирен?

— Да, Матушка, — ответил Лирен и его глаза обратились к Эддану: «спрашивай, старейший».

Остальные Келы сидели тихо. Но госпожа больше не разрешила задавать вопросы.

— Сатель, — позвала Интель.

— Да, госпожа?

— Напомни келам условия договора, который обязывает нас служить регулам.

Сатель склонил голову, затем поднял ее снова.

— Договор между Хольнами и мри, который заставляет мри служить регулам, так говорит о сроках службы: «До тех пор, пока регулы и мри не окажутся вместе на планете, где расположен эдун Народа… или до тех пор, пока мри одни остаются на планете, которую оставили регулы, но на которой находится эдун Народа…» В этом случае мри прекращают свою службу у регулов. И я скажу, госпожа, что если следовать договору, то регулы уже нарушили его условия.

— Да, — сказала госпожа. — Я тоже так думаю. Мы заключили договор с Хольнами. Род Хольнов знал, как обращаться с нами, но этот бай Хулаг прибыл аж с самого Нурага, и он совсем не знает Народа. Он совершил ошибку, не подумав о нашей эвакуации заранее.

— Хольны знали нас лучше, чем он, — сказал Сатель.

— Но они не сообщили своему преемнику то, что ему непременно следовало знать о нас. — Старая Солгах промолчала. — А может, Хулаг поленился просмотреть записи. Регулы плохие воины, но они умеют мстить по-своему.

И Интель улыбнулась. В этой улыбке было удовлетворение.

— Будет ли дозволено келу, — спросил Эддан, — задать вопрос?

— Спрашивай.

— Ты думаешь, что Солгах специально утаила от Хулага информацию о нас?

— Да, я думаю, что такова месть рода Хольнов, так они удовлетворили свою гордость. Бай Хулаг потерял мри. Я в этом уверена, — сказала она твердо. — Медай был последним из моих детей, кто погиб, служа регулам. И теперь… теперь, кел'ейны, не думайте, что мри будут сражаться

против мри. Нет. Такого больше не будет.

Волна разочарования прокатилась среди Келов.

— Будет ли дозволено келу… — снова начал Эддан.

— Нет, — сказала госпожа. — Кел не может спросить. Но я скажу все, что вам нужно знать. Мри осталось слишком мало. Было время, когда междоусобные войны служили Народу, но это время прошло, кел'ейны. Я скажу вам то, о чем вы не можете спросить: на корабле «Аханал» находятся остатки нашего Народа; и мы последние. Больше никого нет.

Словно холодный ветер пробежал но комнате. Никто не шевельнулся. Ньюн стиснул руки между колен, пытаясь осознать сказанное Матерью, лелея слабую надежду, что это всего лишь аллегория — ведь Мать часто говорила загадками; но в данном случае это была правда.

— На Элаге, — голос Интель звенел, — регулы удрали, спасая свое потомство и добро, и бросив всех кел'ейнов, которые служили им. Затем регулы собрали кел'ейнов из эдунов Млассула и Селета и погубили их всех. Но это не имеет никакого значения для нового бая Хулага, для нового хозяина, присланного с Нурага.

Послышался неожиданный звук — хлопок в ладоши. Это всегда сдержанный Эддан не выдержал и выругался.

— Госпожа, — спросил он, — будет ли дозволено келу задать вопрос?

— Нечего спрашивать, Эддан, — оказала Интель. — Случилось так, что погибли 10000 мри и много кораблей, числа которых я не знаю. Все корабли принадлежали регулам, но на них не было ни одного регула, потому что регулы боятся воевать. Они убили 10000 мри. И я проклинаю тех Матерей, которые послали своих сыновей на гибель.

Пот тек по лицу Интель. Кожа ее стала бледной. Воздух с хрипом вырывался изо рта. Никогда ласковая Мать не ругала никого, но теперь она ругалась так, что кровь стыла в жилах кел'ейнов. Ньюн почти не дышал, мускулы его напряглись до предела, руки дрожали. Он стиснул их крепче, чтобы остальные не заметили его слабости. Но сейчас никто не думал об этом, сердца всех сжимали печаль и тревога. Жуткая тишина стояла в комнате.

— Матушка, — взмолился Сатель. — Достаточно, хватит.

— Келы, — сказала она, — хотят задавать во-

просы. Они имеют право получить ответы. — Она помолчала, переводя дыхание, словно собираясь сказать что-то очень важное. — Кел'ейны, — сказала она. — Спойте мне Шон'джир.

Среди кел'ейнов пробежала волна беспокойства, почти паники.

«Она умирает, — была первая мысль Ньюна. — О боги, как все ужасно!» — И он не мог произнести ни слова из тех, что она ждала от них.

— Дети мои, — обратилась госпожа к своим Мужьям, — исполните для меня Песнь Преходящего.

Все посмотрели на Эддана, который склонил голову в знак согласия и негромко запел. Немного погодя к нему присоединился Ньюн, не совсем уверенный в том, что они делают то, что нужно.

Во Мраке начало
Во Мраке конец,
А меж ними Солнце,
Но затем придет Мрак.
И в Мраке том
Конец каждого.
Из Мрака во Мрак
Путь каждого.
Из Мрака во Мрак
Наш путь.

И после Мрака
О братья, о сестры,
Придем мы домой.

Интель слушала с закрытыми глазами. Когда песня закончилась, наступила полная тишина. Затем глаза госпожи открылись, она посмотрела на всех так, словно вернулась откуда-то издалека.

— Я расскажу вам то, — сказала она, — о чем когда-то давно знали кел'ейны, но после забыли об этом. Я просто напомню. Кесрит — лишь одна из многих планет, и Арайн — всего лишь одно из множества солнц, и конец мри совсем близко. В истории Народа, кел'ейны, было много подобных Мраков, и регулы дали нам лишь последний из наших многих Домов. И поэтому мы сегодня исполняем Шон'джир. Этот обряд мы исполняем в начале каждой жизни Народа и в конце каждой жизни, в начале нового периода и в конце его. И пока другая госпожа не расскажет этого детям твоих детей, Ньюн, забудь это; остальные келы могут помнить.

— Мать, — сказал Ньюн, протянув к ней руку, — ты говоришь о смене Дома?

Она была его Матерью и, задав вопрос, Ньюн понял, что грубо нарушил этикет. Он замер с

бьющимся сердцем, ожидая суровой отповеди, но Мать лишь спросила Эддана, есть ли у келов какие-либо вопросы.

Но все же она ответила ему:

— Ньюн, я скажу тебе правду. Регулы считают себя старыми, но Народ старше. Те 2000 лет, о которых вы знаете, это только малая часть. Мы кочевники. Я сказала, что Келы не будут больше воевать, что у них будут другие дела. Последние из моих сыновей — Келы Мрака — будут совсем иными, чем Келы Перехода. У последних из моих дочерей, Матерей Мрака, будут другие обязанности, о которых я вам не скажу.

Все Келы — внимательные, удивленные, испуганные — слушали госпожу.

Ньюн взглянул на своих братьев и увидел их изумление, неуверенность, посмотрел на Мелеин и заметил на лице девушки бледность и растерянность. Быстро накинув вуаль, она отвернулась от всех. Ньюн внезапно почувствовал себя одиноким, хотя вокруг были его братья. Он опустил голову и сидел так, пока не услышал голос Эддана, который просил разрешения задать вопрос, и отказ госпожи.

— Сен спрашивает… — послышался голос Сателя, задавший вопрос, на который она не могла

не ответить. — Госпожа, мы не можем строить планы, не спрашивая ничьи советов.

— Это вопрос, сен? — сухо спросила госпожа. И в наступившей тишине столкнулись две непреклонные воли. Ньюн переводил взгляд с одного лица на другое, пытаясь решить, кто же распоряжается его жизнью.

— Это вопрос, — сказал Сатель.

Госпожа прикусила губу и кивнула.

— Да, — сказала она, — мы будем планировать, не спрашивая ничьих советов. Я обходилась без советов, когда вызвала «Аханал», уцелевший в безумии Элага, когда приняла решение основать нашу базу на Кесрит, хотя многие были против. Я и дальше буду руководить, не советуясь ни с кем — я не оставлю Народу выбора.

— Мы потеряли много наших катов и келов, когда устроили Дом на Кесрит, а не на Люшейне, где были вода, чистый воздух, мягкий климат, где мы могли бы создать богатый дом, госпожа.

— Старые споры, — спокойно сказала госпожа. — Но я сама решаю, где быть Дому, потому что госпожа, а не сен'ант руководит Народом. Не забывай об этом.

— Сен спрашивает, — сказал Сатель, — почему? Почему это должен быть Кесрит?

— Сравнимы ли твои знания с моими? Тебе известны высшие из Священных Таинств, сен'ант?

— Нет, — срывающимся голосом ответил Сатель.

— Кесрит — наилучшее место.

— Я этому не верю.

— Кесрит сурова, она убивает слабых.

— Эта кузница Народа, как ты назвала ее, слишком хорошо выполняет свои функции. Нас осталось совсем немного. Элаг не оставил нам никого.

— Зато мы все прошли через огонь.

— Горстка.

— Мы дали Народу Дом, — сказала она, — и он останется здесь до тех пор, пока не придут земляне. И затем Мрак. А дальше будут решать другие, Сатель; не ты и не я.

Наступила тишина. Сатель внезапно поднялся и оперся о стену, выдав свою слабость.

— Оставь сейчас решение другим, — сказал он и вышел.

Было слышно, как он спускается по лестнице.

Эддан поклонился, подошел к Матери и взял ее руку.

— Матушка, — мягко сказал он, — келы поддерживают тебя.

— Келы слишком мало знают, — ответила она. — Даже теперь.

— Келы знают госпожу, — тихо ответил Эддан. Затем его взгляд скользнул по остальным и остановился на Мелеин. — Сен Мелеин, приготовь питье для госпожи.

— Я сегодня не буду пить, Эддан, — прошептала Интель.

Но взгляд Эддана сказал совсем другое, и Мелеин кивнула. Она поднялась, налила воду и комал в чашку, приготовив наркотик, который принесет Интель облегчение.

— Идем, — сказал Эддан Келам.

— Ньюн останется, — сказала Интель, и Ньюн, который поднялся вместе со всеми, остановился.

Внизу с грохотом открылась и захлопнулась дверь главного входа.

— Боги, — выдохнула Пасева и бросила взгляд на Интель. — Он ушел из эдуна.

— Пусть идет, — ответила Интель.

— Госпожа, — послышался чистый и прозрачный голос Мелеин. — Нельзя оставаться на улице в такую погоду.

— Я пойду за ним, — сказал Дебас.

— Нет, — сказала госпожа. — Пусть уходит.

Было ясно, что ничто не изменит ее решение.

Заставить же ее было невозможно. Опустив глаза, Мелеин стояла рядом с Интель, закутанная вуалью.

— Келы могут идти, — сказала Интель, — кроме Ньюна. Спите спокойно, кел'ейны.

Эддан не хотел уходить. Он остался, но Интель жестом отослала его.

— Иди, — сказала она. — Сегодня вечером я ничего больше не скажу, Эддан. Но утром пошли одного из кел'ейнов на утес, чтобы наблюдать за портом. Эта буря помешает регулам что-нибудь предпринять сегодня ночью, но завтра все будет по-другому.

— Нет, — сказал Эддан. — Я пойду за своим братом.

— Без моего благословения.

— Все равно, — сказал Эддан и повернулся, чтобы выйти.

— Эддан, — позвала она.

Он обернулся к ней.

— Нас осталось слишком мало, — сказал он, — чтобы совершать паломничество в Сил'атен. Сатель не хотел покидать Нисрен. Я тоже. Теперь мы не хотим покидать Кесрит. Мы вместе пойдем в Сил'атен, он и я. Пойдем с легким сердцем.

— Я благословляю вас, — помолчав, сказала

она.

— Благодарю, госпожа, — ответил он.

И это было все. Он ушел; Ньюн смотрел, как скрывается его высокая фигура во мраке холла, и каждая мышца юноши дрожала.

Они умерли, Эддан и Сатель. Они сами выбрали это: Сатель — по обычаю своей касты, и Эддан, которому было тесно в своей касте, пошел за ним в долгий путь. Ньюн видел лицо Эддана и не находил в нем ни горя, ни страдания. Он слышал, как легко и быстро сбегает кел'ант по винтовой лестнице, как открылась и затем захлопнулась дверь, и ему стало ясно, что эдун лишился двух своих братьев, двух великих братьев.

— Сядь со мной, — сказала Интель.

— Госпожа, я приготовила питье, — сказала Мелеин звенящим голосом. — Пожалуйста, выпей.

Она протянула поднос, который дрожал в ее руках. Интель взяла чашку, выпила и затем поставила обратно, откинувшись на подушки. Ньюн и Мелеин сели рядом, справа и слева от госпожи.

Так они провели много ночей со дня смерти Медая: сон Интель был очень беспокойным, и она не могла уснуть, если в комнате никого не было.

В этот вечер Ньюн не смотрел на нее, пока она ждала, когда подействует наркотик. Он опустил

голову, глядя на свои руки, лежащие на коленях. Эти руки дрожали от напряжения.

Эддан и Сатель. Они были частью его жизни. Он плакал и слезы катились по его не скрытому вуалью лицу. Он не мог поднять руки и вытереть слезы: ему было стыдно от того, что он плачет — ведь келы не могут плакать.

— Сатель был очень болен, — мягко сказала Интель. — Он хорошо знал, что делает. Не думай, что мы расстались со злобой. Мелеин знает. И Эддан знает. Сатель хороший старик, у нас с ним старые разногласия. Он часто не соглашался со мной, но все сорок три года давал мне мудрые советы. Я не сержусь. Мы были друзьями. И я не думаю плохо об Эддане. Я бы удивилась, если бы он поступил по-другому.

— Ты жестока, — сказал Ньюн.

— Да, — ответила она. И ее легкая рука скользнула по его плечу под укрывающую голову зейдх. Ньюн движением плеча сбросил руку и плотнее запахнулся в мантию. Голова его была опущена, в глазах стояли слезы.

— Мой последний сын, — сказала Интель. — Ты любишь меня?

Этот прямой вопрос как молотком ударил Ньюна. Он не мог ответить просто: «Да, Мать». На это

ему не хватало смелости.

— Мать, — с горечью произнес он один из многих титулов, самый дорогой для Келов.

— Ты любишь меня, Ньюн? — ее мягкие пальцы пробежали по волосам, коснулись его уха — так ласкает родная женщина и возлюбленная. «Здесь тайна, — говорили эти прикосновения, — здесь кроется тайна: будь внимателен."

Ньюн не был готов к тайнам. Он смотрел на нее, пытаясь найти слова для ответа. Спокойное лицо было обращено к нему.

— Я знаю, — сказала она. — Ты здесь. Ты выполняешь свой долг. Ты очень послушен, сын мой. Я знаю, что лишила тебя многого.

— У тебя были свои причины для этого.

— Нет, — оказала она. — Ты кел'ен. Ты не знаешь, ты веришь. Но ты прав, когда говоришь так. Завтра… завтра ты убедишься в этом, когда увидишь «Аханал». Мелеин…

— Да, госпожа?

— Ты оплакиваешь Сателя?

— Да, госпожа.

— Ты не осуждаешь меня?

— Нет, госпожа.

— На «Аханале» прибудет госпожа, — сказала Интель. — Эта госпожа может распорядиться не

так, как я.

— Мне двадцать два года, — запротестовала Мелеин. — Госпожа, ты должна подчинить «Аханал» своей воле. Но если они пришлют вызов, если они посмеют прислать вызов…

— Ньюн защитит меня. И он защитит тебя, когда придет время.

— Ты передашь его мне? — спросила Мелеин.

— В свое время, — ответила Интель. — Я сделаю это. В свое время.

— Я не знаю все, что я должна знать, госпожа.

— Ты убьешь любого, кто захочет отобрать у тебя Пана. Я старейшая из всех Матерей, и я сама подготовлю себе преемницу.

— По совести говоря… — запротестовала Мелеин.

— По совести говоря, — сказала госпожа, — ты должна повиноваться мне и не задавать вопросов.

Наркотик начал действовать. Глаза ее затуманились, она опустилась на подушки и затихла.

Вскоре она уже спала.

Среди келов говорили, что во время разрушения Нисрена земляне полностью уничтожили эдун, и они не обращали внимания на все попытки мри вызвать их на а'ани. Это была самая первая

и горькая ошибка мри, которую они совершили в войне с землянами. Земляне проникли в эдун, и каты в ужасе пытались спастись бегством. И тогда Интель встала между землянами и катами. Ее руки исторгли огонь, и холл запылал. Сама ли Интель, или огонь вынудили землян остановиться — этого никто не знал, но, во всяком случае, земляне не пошли против нее. Она стояла так до тех пор, пока не спаслось большинство катов, а подоспевшие келы не увели ее в безопасное место, на корабль регулов.

Ньюн знал это, но до сегодняшнего вечера не мог себе представить, как мягкая Интель могла быть такой стойкой и непреклонной.

14

Дункан услышал шум машин. Он тут же проснулся, решив, что его вызывает Ставрос. Он вскочил с дивана и стоял, пытаясь собраться с мыслями. Он спал не раздеваясь. Ставрос тоже не пожелал ложиться в постель. Ночью разыгралась буря и по системе сообщений все время передавали штормовые предупреждения.

Он услышал, как в комнате Ставроса откинулись штормовые экраны. Дункан вошел к нему в комнату, освещенную проникающим сквозь окно хмурым светом.

Ставрос сидел в своем подвижном кресле, стоящем в центре комнаты. Он с любопытством взглянул в лицо Дункана. Засветился переговорный экран.

«Посмотри в окно."

Дункан подошел к покрытому брызгами окну и стал осматривать пустынное пространство, где не было ничего, кроме песка и камней, моря и башни завода для опреснения соленой морской воды. В очертаниях башен было что-то неправильное, чего-то не хватало. Там появилось пустое про-

странство.

Экран Ставроса снова ожил.

«Регулы только что передали предупреждение: воду использовать только для питья и пищи. „Небольшие повреждения на станции очистки воды“. Они просят проявить терпение."

— Но ведь скоро здесь будут земляне, — запротестовал Дункан.

«Похоже, что есть повреждения и в порту. Регулы очень встревожены. Бай никого не принимает."

Дождь почти прекратился, лишь редкие капли постукивали по стеклу. Хмурый серый цвет на мгновение стал красным: это сквозь просвет в тучах показался Арайн.

А на горном хребте, который возвышался далеко за городом, замаячили движущиеся тени. Дункан вгляделся в них.

— Там что-то есть, — сказал он.

«Да, — отозвался экран. — Много. Много. Может быть, буря выгнала зверей из нор."

Все новые и новые тени появлялись на хребте. Дункан обежал глазами горы. И повсюду появлялись и исчезали тени.

«Мри», — с ужасом подумал он.

Но нет, не мри. Звери. Дункан вспомнил тех

чудовищ, которых находили возле убитых мри — жуткие создания, которые, если судить по их размерам, были чрезвычайно опасны.

— Это звери мри, — сказал он Ставросу. — Они окружили весь город.

«Регулы называют их дусами. Кесрит — их родина. Прочти записи."

— Они обычно сопровождают мри. Сколько же здесь мри? Мне казалось, что совсем немного.

«Так говорил нам бай."

Дункан посмотрел вдаль. Облака по-прежнему сгущались.

А дусы уже образовали сплошную темную линию вдоль всего горизонта.

Дункан в ужасе отвернулся, вздрогнул и снова припал к окну. Он посмотрел на землю, по которой текли ручьи воды, вытер вспотевшие руки и взглянул на Ставроса:

— Сэр, пожалуй, мне нужно уйти отсюда.

— Нет, — пробормотал Ставрос.

— Выслушайте меня, — Дункану было трудно говорить это, и он опустился на колени, чтобы видеть лицо старика. — Ведь о том, что регулы не могут лгать, рассказали нам сами регулы. Всего через несколько дней здесь будут земляне. Отпустите меня. Там я смогу принести вам ку-

да больше пользы. Я выйду отсюда и смогу все увидеть своими глазами. Вы сможете меня долго прикрывать. Кого волнует юнец? Отпустите меня, я сам разберусь, что происходит на Кесрит, когда сюда прибывает корабль мри; насколько плохо обстоят дела с водой; каковы разрушения в порту. Неужели вы думаете, что они говорят нам правду?

«Погода ужасная. И возможен конфликт с регулами."

— Этого я могу избежать. Это моя работа. Это мне знакомо.

«Аргумент убедительный. Ты можешь гарантировать, что все обойдется без осложнений?"

— Своей жизнью.

«Весьма точная оценка. Если столкновение произойдет, то с тобой поступят по законам регулов. Ты это понимаешь? Осмотри станцию очистки воды, порт и возвращайся. Буду прикрывать тебя до темноты."

— Да, сэр.

У Дункана отлегло от сердца. Ему чаще приходилось встречаться с опасностью, чем Ставросу, и впервые их взгляды совпали. Он знал, что лучше идти навстречу опасности, чем игнорировать ее.

Он поднялся, выглянул в окно и увидел, что

дусы за это время исчезли. Он поморгал, стараясь разглядеть что-либо через завесу водяной пыли.

— Сэр, — пробормотал он, желая попрощаться. Ставрос кивком головы отпустил его. Экран оставался темным.

Дункан вернулся в свою комнату и переоделся: непромокаемый плащ, высокие сапоги. Он был уверен, что регулы даже не заметят перемены в его одежде. Он рассовал по карманам моток веревки, нож, концентраты, фонарик — все, что было трудно заметить, что не выпячивалось наружу. Затем прикрепил капюшон и застегнул молнии.

После этого он вышел в холл той небрежной походкой, какой он выходил по несколько раз на дню, чтобы взглянуть на обзорный экран пульта. В холле было пусто. Он открыл дверь и вышел на улицу. Он оглянулся, сзади никого не было.

Он просто сел на край стены, спустился на руках и прыгнул. Стены регулов были гораздо ниже, чем у землян. Он упал на цемент, а цемент не оставлял следов. Вскоре он уже добрался до края бетонированной площадки и ступил на девственную почву Кесрит. Он был уверен, что остался незамеченным.

Он направился к станции очистки воды. Он

шел, плотно закутавшись в плащ и надвинув капюшон, чтобы опасный дождь планеты не попадал на кожу. Он хорошо помнил предупреждения.

Он шел по сырому песку, на котором оставались его следы, но не боялся преследования. Он знал, что ни одному регулу даже в голову не придет, что он прыгнул со стены — ведь сами они не способны на такое, а к тому же здесь, по бездорожью, им не пройти.

Но здесь могли пройти мри.

Подумав об этом, он стал более осторожным, чем он мог бы быть, если бы имел дело только с регулами; перед путешествием он хотел вооружиться, но дипломаты запретили ему: мол, это совершенно излишне и может вызвать осложнения. Теперь из оружия у него в кармане был лишь маленький нож, и любой воин мри уничтожит его до того, как Дункан сможет подойти, чтобы пустить нож в ход.

Что ж, если регулы пустят мри по его следу, Дункана ждет смерть, но он успокоил себя, что решись они на это, значит договор для них ничего не значит, и они со Ставросом давно бы знали это.

Конечно, мри могли выйти из-под контроля

регулов, и это следовало выяснить прежде всего.

Поэтому Дункан вел себя осторожно. Он осматривал все камни, где можно было укрыться. Он помнил тени, которые двигались в горах. Дусы могли встретиться везде. Он уже не раз пересекал следы дусов — и отпечатки длинных острых когтей напоминали ему о том, что на Кесрит следует бояться не только регулов и мри.

Из записей было известно, что дусы не приближаются к жилищам регулов.

Но те же записи говорили, что ходить по долинам Кесрит вне дорог не рекомендуется.

Выбросы горячего пара гейзеров подтвердили справедливость этого предупреждения. Дункан осторожно выбирал путь между горячих зон, постепенно приближаясь к берегу моря и заводу, на котором опресняли соленую морскую воду.

Здесь вдоль побережья уже шла дорога. Часть ее скрывалась под водой. Одна из машин регулов валялась под откосом.

Дункан сел, обдуваемый ледяным ветром, у него болела голова и желудок. Он наблюдал, как возле машины возились регулы, стараясь вытащить ее. Отсюда он мог хорошо видеть завод. Там за забором тоже царил хаос. Вокруг башен вскипала вода, некоторые из башен были разрушены.

Из того, что он видел, следовало, что эти повреждения невозможно исправить за оставшиеся до прибытия землян несколько дней. Особенно при такой погоде. Здесь даже не было тяжелых машин, с помощью которых можно было хотя бы попытаться все восстановить.

По правде говоря, здесь вообще ничего нельзя было сделать. Так что землянам придется рассчитывать только на корабельные системы жизнеобеспечения: это неудобно, но возможно, если, конечно, корабли смогут совершить здесь посадку.

Дункан посмотрел вправо, на город; взгляд невольно задержался на Номе — единственном здесь высоком здании. Теперь ничего не мешало ему видеть порт. Он сразу узнал чуждый силуэт «Хазана» в паутине стальных ферм.

На Кесрит посадить корабль можно было только в порту, поскольку всю поверхность планеты покрывали гейзеры и вулканы. И если порт пострадал так же, как завод, то при посадке не избежать катастрофы.

А регулы ничего не сказали им о размерах повреждений. Нет, они не лгали, но и не говорили правды.

Он вдохнул обжигающий легкие воздух и, по-

няв внезапно, что совсем забыл о собственной безопасности, резко оглянулся.

Горизонт был чист. Он увидел только облака. А ведь человек в его положении редко не расплачивается за свои ошибки.

Он медленно выдохнул, собрался с силами, чувствуя, как бешено колотится сердце. Он наметил путь между невысокими утесами и злополучным шельфом, чтобы пройти между городом и морем поближе к порту. Записи утверждали, что у регулов слабое зрение. Дункан очень надеялся на это.

Ставрос, пребывающий в объятиях механизированного кресла регулов, обещал прикрыть его отсутствие. Дункан не сомневался, что искушенному в уловках старику удастся это сделать.

Теперь Дункан оказался в своей стихии, делал свою работу. И внезапно он понял, почему Ставрос выбрал себе в помощники его, офицера тактической службы. Ставрос не приказывал ему, он только отпустил его — и теперь спокойно ждал, уверенный, что человек, обученный действовать на чужой земле, сам знает, что ему делать.

Дункан не может ошибиться. До сих пор он всегда действовал в одиночку, распоряжаясь своей жизнью и смертью. Он не привык отвечать за

жизнь и смерть других, не привык принимать решения. Он боялся взять на себя ответственность и сказать, безопасна ли эта планета для посадки кораблей с сотнями землян. Ведь это решение будет определять политику, которая касается не только Кесрит.

Ему это не нравилось. Очень не нравилось. Следовало переложить тяжесть решения на более высокопоставленного человека, но Ставрос был привязан к своему креслу и ему оставалось лишь верить регулам — или своему помощнику; поэтому Дункан очень хотел выяснить, что же на самом деле происходит на планете.

15

Эдун просыпался. Все принимались за свои обычные дела. Ньюн вернулся на половину Келов, которая теперь казалась пустой; и келы сидели в трауре. Эддан не вернулся.

И глаза Пасевы были красными, она, наверное, не спала всю ночь; но она сидела спокойно, хорошо владея собой. Ньюн принес ей завтрак, но чувствовал, что она есть не будет.

После завтрака братья Лирен и Дебас, переговорив между собой, поднялись, накинули мэз и зейдх, и стали прощаться.

— Вы уходите? — с ужасом спросил Ньюн. И взглянул на Пасеву, у которой было гораздо больше оснований уйти.

— Вы можете понадобиться, — сказала Пасева.

— Мы только пройдемся, — сказал Лирен. — Может, мы найдем Эддана и Сателя.

— Что ж, скажите Эддану, — мягко сказала она, — что я пойду за ним, как только выполню свой долг, который он возложил на мои плечи. Прощайте, братья.

— Прощайте, — эхом отозвались остальные

Келы.

— Прощайте, — и братья спустились из башни и пошли по дороге.

Ньюн стоял на пороге и смотрел им вслед. Глубокая печаль стиснула сердце. Они шли к горизонту — две черные тени — и небо угрожающе хмурилось над ними, и не было с ними их дусов — ни один из зверей еще не вернулся домой. Сидевший у двери мьюк'ко тоже исчез куда-то. Может быть, ушел умирать. Дусы, как и кел'ейны, чувствуя приближение смерти, уходят умирать в одиночестве.

Верны Интель, — подумал он, — и верны Кесрит; и предчувствуя свою смерть, зная, что от них мало пользы, они решили уйти сами и не отягощать своими похоронами юного кел'ена, у которого и без того хватало забот.

Прошлой ночью они исполняли Погребальный обряд; они исполняли его самой Кесрит, и Ньюн внезапно понял, что мало стариков взойдет на борт корабля.

Они не хотели тех перемен, о которых говорила Интель. Она сказала им, какая жизнь ожидает их впереди, но они не хотели такой жизни, они хотели жить по-старому.

А он был другим; руки Интель, ее желания

вылепили его. Он был предан Мелеин, и эта преданность привязывала его к тем переменам, о которых говорила Интель. Ньюн взглянул на утесы, за которыми исчезли братья, и зарыдал. Он знал, что следом за ними скоро уйдет Пасева. Она тоже предпочтет смерть всем грядущим переменам. А за ней последуют и другие. Ему уж никогда не стать таким, как они: он создан для другого. «Кел Мрака, — сказала Интель, — совсем иной кел."

Это он был келом Мрака, а они покидали Мрак, оставаясь в своем прошлом.

Он повернулся к эдуну, чтобы найти покой в Святилище, и внезапно его сердце похолодело. Он увидел на склонах гор движущиеся рядами черные тени.

Дусы.

Они окружили город регулов плотным кольцом. Хаа-дусы, дикие дусы, самые опасные.

И их было много, очень много.

Небо над головой кипело, покрываясь красными и мрачными серыми пятнами. В те дни, когда еще не был построен эдун, дусы жили внизу, в долине. Она так и называлась: Долина Дусов. Звери вернулись, словно чувствуя перемену погоды и то, что регулы уходят, оставляя Долину Дусов ее

прежним хозяевам.

Они ждали.

Мри сразу предупредили регулов, что те строили город где-нибудь в другом месте, ведь эдун недаром был выстроен подальше от долины. Но регулам нужна была свободная от скал долина, где могли бы садиться корабли. Они осмотрели всю планету и не нашли лучшего места, чем Долина Дусов. Регулы принялись за строительство, и здесь вырос город, и хаа-дусы ушли отсюда.

Но сейчас дусы вернулись вместе с дождем и сильным ветром. Они сидели и ждали.

И даже прирученные мри дусы не вернулись домой.

Ньюн вздрогнул, вошел в эдун и остановился, решив не говорить об этом келам или госпоже. Келы были в трауре, госпожа была все еще погружена в свой сон; и Мелеин, ее Избранница, сидела одна в башне Сенов.

Ньюн бросил взгляд на небо, на мрачный круговорот туч, за которыми летел «Аханал». Юноше казалось, что ему не выдержать этих бесконечных часов ожидания до вечера.

И все, что он собирался делать сегодня днем, было бессмысленно: ведь этот Дом покинут, и они никогда не вернутся сюда; а грозный ветер

все завывал; мрачно клубились тучи; сверкали молнии, пронзая зловещий мрак неба; слышались раскаты грома.

Он сидел у дверей, глядя вниз, в долину, где, словно по расписанию, извергались гейзеры. Облака пара взмывали вверх, свирепый ветер мгновенно разрывал их в клочья. Сегодня был холодный день. Ньюн задрожал и посмотрел на большие лужи, по которым ударяли тяжелые капли дождя.

Послышались тяжелые шаги по мокрому песку и шумное дыхание. Из-за угла появился дус с опущенной головой. За ним шли другие. Ньюн в ужасе сжался, не зная, чего ждать от зверей. Но мокрые дусы, тяжело ступая грязными лапами и поводя носами, прошли мимо него в эдун, вздрагивая всякий раз, когда гром разрывал небеса, и рыча от голода. Ньюн принялся считать их: один, два, три, четыре, пять, шесть. И последним, шатаясь, к большой луже у стены приблизился седьмой — мьюк'ко, больной дус, и стал жадно лакать воду. Ньюн видел опущенную меж лап огромную голову и мелькающий серый язык.

Три дуса так и не пришли. Ньюн ждал. Облегчение и беспокойство зрели в нем одновременно. Облегчение — потому что лишившиеся хозяев

дусы были опасны, а беспокойство — потому что он не знал, где они. Может быть, эти три дуса так и не смогли встретиться со своими хозяевами.

А быть может, встретились по дороге в Сил'атен и проводили кел'ейнов в последний путь.

Ньюн очень надеялся на это. Ведь так было лучше всего — и для кел'ейнов, и для дусов.

Он пошел в кладовую, помещавшуюся в башне Катов. О дусах нужно было позаботиться.

Прежде всего, он хотел накормить мьюк'ко, который впервые покинул свое место у порога и вернулся в эдун. Может, теперь у него изменилось настроение.

Но дус снова отказался от пищи. Возможно, он что-нибудь перехватил по дороге. Но Ньюн не верил в это. Он оставил пищу рядом со зверем и начал раздавать порции другим дусам.

Весь эдун погрузился в молчание, лишь рычали и чавкали дусы, да Мелеин скорбела в своей башне: ощущение близкого конца висело в воздухе. Дус у ворот, старики и старухи — все молчали. Ньюн бродил по эдуну, занимаясь какими-то мелочами, и ему казалось, что он бродит по погребальным пещерам Сил'атена.

И вечером прибыл корабль.

Госпожа спала, когда они услышали, как тот

спускается. И они поспешно выскочили из башни Келов, чтобы увидеть его; на усталых измученных лицах сияли улыбки, сердце трепетало в груди Ньюна. Дахача схватил его руку и порывисто сжал ее. Его окруженные морщинами глаза сияли, и какая-то необъяснимая близость возникла между стариком и юношей.

— Дахача, — прошептал Ньюн. — Ты-то полетишь?

— Те, кто остался — полетят, — ответил старик. — Мы не покинем тебя, Ньюн Зайн-Абрин. Мы сделали свой выбор. Если бы мы не хотели лететь, мы ушли бы с Эдданом, как это сделали Лирен и Дебас.

Приземлившийся корабль был со всех сторон освещен прожекторами. Так обычно делали регулы — их глаза не могли видеть в темноте.

— Идем, — сказала Пасева, и они последовали за ней в башню госпожи.

Мелеин была уже здесь. Она попыталась легким прикосновением разбудить Интель. Но Пасева твердо взяла госпожу за руку и разбудила ее.

— Госпожа, — сказала она. — Госпожа, корабль прибыл.

— А что регулы? — сон исчез из золотистых глазах госпожи, они снова стали ясными. — Как

это восприняли регулы?

— Мы пока не знаем, — ответила Пасева. — В городе суета, это все, что мы видели.

Интель кивнула.

— Никаких контактов по радио. Регулы наверняка все прослушивают. Я думаю, что и «Аханал» воздержится от связи. — Она откинулась назад, гримаса боли исказила ее лицо. Мелеин поправила подушки. Госпожа облегченно вздохнула.

— Может, нам отнести тебя на корабль, госпожа? — спросил Дахача.

— Нет, — сказала она с печальной улыбкой. — Госпожа должна охранять Пана. Для меня нет корабля, пока на мне лежит этот долг.

— Но, может быть, мы вынесем тебя на дорогу, чтобы ты могла видеть порт?

— Нет, — твердо ответила Интель. И она коснулась руки Дахачи и улыбнулась. — Не бойся, пока что я правлю этим эдуном и планетой, и так будет до тех пор, пока я уверена, что имею на это право. Ты слышишь меня?

— Да, — сказала Пасева.

Интель отыскала ее глазами и удовлетворенно кивнула. Затем взгляд ее пробежал по комнате, пересчитал людей, и взор госпожи затуманился.

— Лирен и Дебас ушли недавно, — сказала Па-

сева. — Мы попрощались с ними.

— Я благословляю их, — пробормотала Интель.

Пасева опустила голову.

— Пока госпожа не освободит меня, — сказала она, — я буду служить ей. Нас еще достаточно много, чтобы сделать все, что может потребоваться.

— Нам осталось недолго, — ответила Интель. — Ньюн, дитя… — сказала она и протянула ему руку.

Он опустился на колено, взял ее руку в свою и опустил голову, чтобы госпожа могла коснуться его. Он почувствовал, как ее пальцы скользнули по волосам. Госпожа благословила его.

— Иди в долину, — сказала она. — Иди к кораблю, поговори с прилетевшими и выслушай, что они скажут. Будь мудр. Ты можешь сам принять решение, юный кел'ен. Будь осторожен. Мы уже почти прекратили службу у регулов.

Что-то скользнуло по его голове. Он ощутил какую-то тяжесть на шее. Он протянул руку, и его пальцы нащупали холодный металл. Ньюн повернул его и увидел в ладони пластинку с изображением Эдуна Кесритуна. Пластинка висела на цепочке, надетой на его шею. Нежные пальцы Интель взяли его за подбородок и подняли голову

так, чтобы она могла видеть его глаза.

— Всего один джи'тэл, — мягко сказала она. — Но он стоит всех остальных. Ты узнаешь его, сын мой?

— Это огромная честь, — ответил он, задыхаясь. — Это джи'тэл кел'ена госпожи.

— Будь достоин этой чести, — сказала она. — Не теряй времени. Время сейчас дорого для нас.

Пальцы госпожи легонько толкнули его, и он поднялся. Он боялся взглянуть на остальных, которые были куда более достойны этой чести, чем он, самый юный и неопытный. Но кел'ейны не знали зависти. В их лицах была лишь радость за него. Видимо, они все были согласны с тем, что эта честь принадлежит ему.

Он скинул свою домашнюю одежду, и Келы стали готовить его в путь. Они надели на него сайг, и мэз, и зейдх; дали ему новое оружие — и ин'ейн, и захен'ейн. Палази с улыбкой отстегнул от своего пояса амулет и вручил Ньюну.

— Жизни и чести, — сказал Палази.

Он обнял старика, и остальных, и вернулся к госпоже. Сердце его бешено колотилось от возбуждения. Она поцеловала его в лоб, но не разрешила сразу же уйти. Она долго смотрела ему в лицо, и от этого взгляда кровь застыла в

жилах Ньюна.

— Ты прекрасен, — сказала госпожа. В ее золотистых глазах стояли слезы. — Я очень боюсь за тебя. Будь осторожен, сын мой.

Народ не слишком-то верил в предвидение будущего, как и в амулеты, приносящие счастье. В это верили регулы, но не мри. И тем не менее Ньюн вздрогнул, услышав слова Матери.

Тот, кто прожил столько лет, сколько Интель, вероятно, мог заглянуть в будущее. Вся жизнь Ньюна прошла в атмосфере непознаваемого и непостижимого, и всем этим владела Интель — госпожа, Мать, хранительница тайн.

— Я буду осторожен, — сказал он. И госпожа отпустила его. Ньюн старался не смотреть в глаза Мелеин. Если госпожа и Избранница тревожились о нем, ему не нужна была эта тревога, пускай даже они и предчувствовали что-то.

— Не доверяй регулам, — сказала кел'ант. — Не упускай из виду ничего.

— Хорошо, — ответил он, взял Пасеву за руки и, прощаясь, пожал их, как это делали уходившие братья и сестры его касты.

Он повернулся и вышел. Огромными прыжками пронесся по винтовой лестнице мимо написанных на стенах истории и подвигов Наро-

да, мимо всего тайного и важного, о котором так туманно говорила Интель. Ньюн не мог прочесть надписей, но сейчас он всем своим существом ощущал эти слова, эти заветы его предков.

Все, что хотела вложить в него Интель, стало наконец его частью, и теперь госпожа могла выпустить его из рук, ибо он сделался таким же опасным, смертоносным, неумолимым, как ас'сей в шон'ай. И при всем этом Ньюн оставался с ней. Эти старики вложили в него столько любви, что он просто не мог не выполнить свой долг, не мог не оправдать доверия Эддана, Интель, Пасевы, и Дебаса, и Лирена. Они были уверены, что он выполнит миссию, возложенную на него госпожой.

Ньюн прошел через главные ворота и закрыл их за собой. У дверей он увидел гигантскую тень мьюк'ко. Огромная голова поднялась и невидимые во мраке глаза взглянули на него.

«Возможно, — подумал Ньюн, в душе которого вспыхнула надежда, — возможно, пришло время. Это было бы очень кстати. Он нужен мне, я нужен ему."

Но зверь что-то проворчал, отвернулся и снова опустил голову в грязь. Самец или самка — никто не мог определить пол дуса, как никто не мог сказать, почему дусы идут к одному мри и не идут

к другому. И этот дус, скорее всего, все еще не понял, что Медай никогда не вернется; возможно, зверь тоскует, дожидаясь, что Медай вернется и накормит его. Ньюн этого не знал.

Печально пожав плечами, Ньюн продолжал свой путь. Но ему стало ясно, что дус не чувствовал перемен, которые произошли или вот-вот произойдут.

Земляне, скорее всего, истребят дусов. Регулы бы так и сделали, если бы не вступились мри. Регулы не могли приспособиться, как мри, к яду когтей, к немудреному образу жизни этих зверей. И поэтому ненавидели дусов.

Тревога, поселившаяся в Ньюне после встречи с дусом, не покидала его, пока он шел к долине, к призрачным облакам пара над гейзерами. Ньюн чувствовал запах ветра, чувствовал его мощь, словно это было живое существо.

Он поймал себя на том, что смотрит на знакомые места и думает: «я вижу все это в последний раз». Он был возбужден, неуверен — какие уж тут героизм и радость! Он ощущал весь этот мир: кислый влажный запах земли; горячий пар извергающихся гейзеров, у каждого из которых были свое имя и свои особенности.

Его мир.

Его родина.

Свободный, как ветер, кел все же любил землю. Он вдруг вспомнил, что не знает, куда они полетят; а ведь Интель говорила о Мраке так, словно это какое-то определенное место. Ньюн внезапно подумал, что, покинув Кесрит, он никогда не ощутит больше землю под ногами; ему был обещан Мрак, но юноша не мог его себе представить.

И, к тому же, ему предстояло встретиться с другими кел'ейнами — не со стариками, а с кел'ейнами, которые знали только войну и были подлинными представителями своей касты — гордыми, не прощающими обид. С такими неопытный кел с Кесрит еще никогда не встречался.

Ему предстояло жить среди чужих келов; там могут оказаться и кат'ейны, и кто-нибудь из них станет его женой, и тогда у них будут дети. Он сын одной госпожи, брат другой. Он наверняка будет Мужем новой госпожи, чтобы его дети стали ее детьми. Если, конечно, он останется жив после возможной битвы.

Всевозможные перспективы будущей жизни мелькали в его воспаленном мозгу. И ни одной нельзя было отдать предпочтение, ни в одной нельзя было быть уверенным.

Он шел быстро, обходя потоки серы и вырывающиеся из расщелин облака горячего пара. Дорога была ему хорошо знакома. Под тонкой корочкой грунта бурлила горячая вода. Она могла выдержать только вес мри. Ни дус, ни регул не могли здесь пройти. Осваивая дикие долины Кесрит, регулы получили немало горьких уроков. Теперь они пользовались только машинами и самолетами и никогда не съезжали с проложенных ими дорог. Землянам придется потратить немало времени и сил, прежде чем они освоят планету, если, конечно, они рискнут выйти из города регулов.

Многие погибнут на Кесрит. Как гибли мри.

Впрочем, какое ему дело до землян? Живущие здесь сольются с Народом и улетят. Дахача, Палази, и остальные; и Интель — тоже. Они ее уговорят. Ничего, что она стара и устала от борьбы. Она полетит с ними.

Тогда они смогут покинуть Кесрит без сожаления, не оглядываясь назад.

Ньюн взглянул на белый хребет, который возвышался над портом, и увидел громаду «Хазана», а рядом с ним — темный силуэт только что прибывшего корабля.

«Аханал» — «Быстрый».

Подняв клубы белой пыли, Ньюн соскользнул с

холма и по пологому склону направился вниз.

Между камней внезапно мелькнула огромная тень. Ньюн резко повернулся, держа руку у кобуры пистолета, и увидел огромную тушу, взбирающуюся на холм.

Хаа-дус. Ньюн застыл, затаив дыхание. Показались еще трое. Безмолвные огромные звери, смертельно опасные, реши они напасть на него. Но он их не интересовал. Он лишь вспугнул их.

Ньюн стоял неподвижно, уважая их право находиться здесь. Звери принюхивались, рассматривая юношу своими маленькими глазками. Затем один из них издал утробный звук, означавший, что звери настроены мирно.

«Простите, братья», — мысленно проговорил он — лучший способ общаться с этими странными животными. Ньюн отступил на несколько шагов назад, прежде чем двинулся дальше в нужном ему направлении. Дусы пропустили его.

Рука Ньюна скользнула от пистолета к амулету на груди. И с этого момента он пошел медленнее, помня предостережения Пасевы.

Его не тронули и, отойдя немного, он обернулся. Звери исчезли.

Ньюн пересек небольшую белую площадку и уперся в забор. Это была проволочная изгородь,

которая не могла остановить того, кто решил пройти через нее. Ньюн прожег в заборе проход, чувствуя приятное удовлетворение от того, что не подчиняется запрету регулов. Любой из мри поступил бы так же. Никто из них не стал бы обходить забор. Регулы, конечно, пришли бы в ярость. Но таковы были мри, и они не желали стеснять свою свободу и подчиняться регулам.

«Кровожадный дикарь», — так назвал его один молодой регул, когда Ньюн пришел в город.

Регулы не убивали, но они строили заборы и машины, которые уродовали землю, они хотели разделить вселенную на куски, которые можно было продавать, как пищу, как машины, как одежду. Ньюн считал это чудовищным.

Он обошел свалку старых машин и других железных конструкций. Они были так переплетены друг с другом и сжаты, что казалось, будто здесь развлекался какой-то гигант. Сюда, вероятно, свезли и бросили машины и тележки со всех поселений регулов на Кесрит.

Рядом на огромной выжженной площадке на фоне огней порта вырисовывались уродливые очертания разрушенной башни. Искореженные балки и металлические решетки создавали ужасное впечатление. Ураган и огонь здорово

повредили оборудование порта. Ньюн все время смотрел по сторонам, с изумлением разглядывая сооружения, которые еще недавно видел целыми и невредимыми. Теперь все было разрушено. Он начал понимать, почему регулы так встревожены и подавлены.

«Хазан» стоял в кольце подъемных кранов. Ньюн и здесь увидел следы бури. Корабль был освещен прожекторами и по нему, словно насекомые, ползали темные фигурки. То и дело подъезжали машины — очевидно, подвозили материалы для ремонта.

Ньюн прошел мимо, стараясь оставаться незамеченным; «Хазан» остался позади. Перед юношей, словно огромная башня, возник «Аханал». Он угрюмой тенью вырисовывался на темном небе, одинокий прожектор освещал его верхнюю часть.

Ньюн подошел ближе и увидел, что корабль стар. Металлические плиты обшивки его были изъедены космической пылью. Там, где защитные экраны были сорваны, виднелись глубокие царапины. Надпись на борту почти стерлась.

Он позвал, опасаясь привлечь внимание регулов-охранников. Но одна из тележек все же двинулась к нему.

— На «Аханале»! — крикнул он. — Откройте люк!

Но они либо не ждали появления мри, либо опасались регулов. Во всяком случае, Ньюну никто не ответил. Подкатила тележка. Молодой регул заговорил с ним.

— Мри, тебе не разрешено.

— Это приказ бая? — спросил он.

— Иди прочь! — настаивал регул. — Мри Кесрит, иди прочь!

Послышался скрежет металла. Открылся люк. Ньюн, не обращая внимания на регула, взглянул на корабль, откуда опускался трап. Потом он пошел вперед, по-прежнему не замечая регула.

Тележка двинулась за ним. Затем она описала круг и встала впереди, загородив дорогу.

Люк по-прежнему был открыт. Молодой регул тяжело дышал, ноздри его расширялись и сжимались, выражая крайнюю степень возбуждения.

— Назад, — прошипел он.

Ньюн начал обходить тележку. Затем, стукнувшись о тупой нос машины плечом, бросился вперед и побежал. Ему было страшно и стыдно: мри смотрели на него сверху и видели его постыдное бегство. Ноги у него сделались ватными — ведь он сделал то, что мри еще никогда но

делали — ослушался прямого приказа. Но он был посланцем госпожи и не хотел задерживаться из-за спора с молодым регулом. Тогда прибыл бы кто-нибудь из старших, а ослушаться старшего означало открытый бунт.

Ньюн буквально взлетел по трапу навстречу мри, но те уже скрылись в люке, не дождавшись его. Ньюн нырнул следом. Ослепительный свет ударил в глаза. Люк закрылся.

Десять кел'ейнов — Мужья, судя по возрасту и манере держаться. Ньюн ощутил чистый прохладный воздух, так не похожий на едкий воздух Кесрит. У люка послышался щелчок, и трап пополз вверх. Наступила тишина.

— Сэры, — пробормотал Ньюн и замолчал, глядя на них, на их оружие, на незнакомые суровые лица. Затем он коснулся рукой лба в знак приветствия. Они ответили ему тем же.

— Я Ньюн с'Интель Зайн-Абрин, — сказал он на ритуальном языке мри. — Я служу Интель, Госпоже Эдуна Кесритуна.

— Я — Сун с'Хара Сун-Лир — ответил самый старший из них, кел'ен с гривой седых волос. Он был ровесником Эддана и Пасевы. Его спутники были моложе. — Как себя чувствует госпожа?

— Эдун в безопасности.

— Приедет ли госпожа сама сюда?

— Возможно, но не раньше, чем я принесу ей ответ вашей госпожи.

Он понимал их, любивших и защищавших свою госпожу. Госпожу, которая должна была подчиниться госпоже Интель, — и они вместе с ней. Естественно, что они смотрели на посланца с неприязнью.

— Мы проводим тебя к ней, — сказал Сун с'Хара. — Идем. — И потом заботливо спросил: — Ты не ранен?

— Нет, сэр, — сказал Ньюн и внезапно понял, что он должен преклоняться перед этим мри, ведь он посланец госпожи. А он выдал свою неопытность, незрелость. — У регулов и мри на Кесрит сложные отношения, — добавил он, чтобы скрыть свое замешательство.

— Нас встретили с оружием, — отозвался Сун, — но столкновения не было.

Ньюн пошел с ним по металлическим коридорам и холлам, приспособленным для регулов. Он видел молодых кел'енов и кел'е'ен, закутанных в вуали — своих ровесников. Сердце его забилось — ведь они были покрыты славой и заслужили почет. Он старался не смотреть на них, хотя чувствовал на себе их взгляды: ведь он был чужим

для них. Некоторые по-братски приветствовали его, и он шел, окруженный большой толпой. Наконец они оказались в большой кающе, где размещалась госпожа.

Она была средних лет. Ньюн приблизился, склонив голову для благословения. Он чувствовал смутную тревогу, когда его приветствовала чужая госпожа, чьи покои находились не в башне эдуна, а в металлической клетке, чей род был другим, а на белой мантии красовалась чужая эмблема.

Этой госпоже предстояло умереть самой или вызвать на дуэль Интель. И тогда Ньюн должен был убить кела-защитника. Он про себя молился богам, чтобы у этой госпожи хватило смелости самой вызвать Интель на поединок.

Взгляд госпожи был твердым. Со всех сторон лился ослепительный свет сотен ламп. Все вокруг было холодным, металлическим. Множество мри стояли вокруг него. Это была их госпожа, их Мать, а он был чужим, пришельцем, угрозой для ее жизни.

Ньюн чувствовал, что его осматривают с головы до ног, пытаясь понять его и тех, кто его послал. Рядом с госпожой стояли сен'ейны в золотистых мантиях, кел'ейны в черных мантиях, и где-то в

глубине холла Ньюн увидел шаловливых катов в голубых мантиях без вуалей. Они казались испуганными.

А за ними во всех коридорах висели гамаки, похожие на паутину. Прочные белые нити, словно кружева, свисали с потолков. Как много здесь мри, — поразился Ньюн, но вдруг его пронзила мысль, что это последние представители его Народа, оставшиеся во Вселенной. И они все помещались на этом маленьком корабле. И ими командовала эта женщина, их госпожа.

— Посланец, я — Эсайн Эдуна Элагун. Как поживает Интель?

Голос ее был мягче, чем выражение лица. Сердце юноши растаяло, словно его коснулся луч солнца. Ему было приятно, что госпожа ласково говорит с ним и дружелюбно отзывается об Интель.

— Госпожа, — сказал он, — Интель чувствует себя хорошо. — Он старался говорить мягко, но она все поняла, так как тень страха промелькнула в ее глазах. Но она была сильной женщиной и быстро взяла себя в руки.

— Что Интель хочет сказать мне? — спросила Эсайн.

— Госпожа послала меня приветствовать тебя

и выслушать, что скажешь ты.

Она еле заметно кивнула и движением руки подозвала своих приближенных подойти поближе.

Ньюн остался возле нее на коленях. Он аккуратно снял зейдх и положил на нее ав-кел — Меч келов — то был подарок Сайрена. Меч был в ножнах и лежал рукояткой к госпоже — предложение мира. Руки Ньюн сложил на коленях. Ее кел'ейны сделали то же самое. Рукоятки их мечей повернулись к нему, чужаку, приглашенному на Совет.

— Мы приветствуем Интель, — спокойно сказала Эсайн. — Мы слышали о ее мудрости тогда, когда «Аханал» начал служить Народу. Это благодаря ей «Аханал» стал служить Народу. Она сделала так, что «Аханал» перешел к нам, и мы смогли отказаться от помощи регулов. Это было очень мудрое решение. Мы все понимаем это и благодарим за то, что это сделано вовремя, так как мы смогли улететь от землян. Это правда, что она собирается прекратить службу мри у регулов?

Она взглянула на кел'анта, и тот жестом выразил согласие.

— Я видел нечто такое, чего мне никогда прежде видеть не доводилось, — сказал старик. — Регул напал на этого посланца. Не оружием, правда, а своей машиной. Регул был в отчаянии.

— А эдун? — спросила госпожа. Ее лоб пересекла глубокая морщина. — Как держится эдун Народа, если с регулами творится подобное?

— Пока в безопасности, — сказал он. А потом он понял, что интересует ее больше всего и о чем она не хочет спрашивать простого кел'ена. И он пришел к ней на помощь.

— Госпожа, Тайны Народа у нас. А регулы заняты исправлениями повреждений, что принес ураган. Земляне скоро будут здесь, и регулы боятся, что могут задержать их посадку. Я полагаю, что молодой регул у корабля действовал без четкого приказа.

— И все же, — спросила госпожа, — что будет, если мы покинем корабль?

— Мы — мри, — сказал с твердой уверенностью Ньюн, — и регулы пропустят нас, они не рискнут ничего сделать.

— Если ты так рассуждаешь, то почему молодой регул напал на тебя?

— Госпожа, — сказал он, злясь на свою молодость и неопытность. — Мне кажется, что это нельзя считать серьезной угрозой.

Она задумалась, посмотрела на Сенов и на остальных. Затем вздохнула и нахмурилась:

— Боюсь, что риск слишком велик. Мы подо-

ждем, пока Интель вынесет свое решение. Мы прибыли сюда по ее вызову. Я сделаю все, что она скажет. Посланец, заверь ее в нашем полном почтении и уважении к ней.

Он был подавлен и в то же время почувствовал облегчение. Он низко поклонился и услышал шепот, прошелестевший по комнате. Ньюн боялся встретиться глазами с мри, но, подняв голову, увидел, что в их взглядах нет обвинения.

— Я скажу ей, — заговорил он с достоинством, которое было вложено в него с детства и пронизывало кровь и плоть, — что госпожа Эдуна Элагун — мужественная и благородная женщина, и что она заслуживает всяческого уважения Народа.

— Скажи ей, — мягко проговорила госпожа, — что я и мои дети желаем ей всего наилучшего.

— Я передам ей, — сказал он.

— Ты не останешься у нас на ночь?

Он сам думал об этом, так как его не прельщала ночная прогулка в эдун, тем более, что спать ему там вряд ли придется, так как он будет докладывать обо всем Интель, а затем выполнять ее приказания. А кроме того, он вспомнил о регулах, которые будут его поджидать, о непогоде, и его охватили сомнения.

Но он сказал:

— Госпожа, я должен вернуться как можно быстрее, прежде чем регулы обдумают, что им теперь делать.

— Хорошо, — сказала она. — Так будет лучше всего. Иди.

И когда Ньюн, взяв ав-кел и одев зейдх, склонился к ее руке, госпожа вложила в его руку золотой перстень. Его сердце стиснуло смутное беспокойство: этот дар означал, что он чем-то угодил ей. Перед тем, как встать, он поцеловал ей руку, потом подвесил перстень к одному из шнуров и, прощаясь, поклонился.

— Благополучного возвращения, кел'ен, — сказала она.

Он хотел пожелать ей долгих лет жизни и не смог, ограничившись пожеланиями благополучия. Она с улыбкой кивнула.

Келы накинули вуали и проводили его к двери, чтобы выпустить в темноту.

Он услышал рычание дуса, которого тут же успокоил один из келов. Затем они вошли в шлюзовую камеру, где находился внешний люк. Свет погас, чтобы, когда откроется люк, они не превратились в мишени.

Стало совсем темно. Затем открылся люк, опустился трап и в камеру проникли слабые отсветы

прожекторов порта. Едкий воздух коснулся их.

Они расстались молча. Никакие слова сейчас были не нужны. Теперь все зависело от мужества их Матерей. Им решать, прольется ли кровь кого-нибудь из них.

Когда на Кесрит останется только одна госпожа, придет время церемоний и поклонов.

16

Ньюн ожидал нападения, но, когда он спустился, ничего не произошло. Никто не ждал его внизу. Ньюн побежал. Его мягкие сапоги делали его бег совершенно бесшумным.

Он пробежал мимо груды лома и увидел кишевших около изгороди регулов с фонарями. Ньюн затаил дыхание и замер, оценивая положение. Затем он побежал в другую сторону, поняв, что через старый проход в изгороди ему уже не выйти. Ньюн прожег новое отверстие, отшвырнул проволоку в сторону и снова побежал. Легкие горели от частого дыхания. Где-то завыл дус, и этот звук заглушил рев машин.

Ньюн добрался наконец до долины и побежал по песку. Впереди, испугав его, ударил луч света. Ньюн вдохнул побольше воздуха и побежал изо всех сил, что у него оставались.

Через некоторое время он почувствовал себя в сравнительной безопасности и решил перевести дыхание. Он закашлялся — что ж, таков обычный результат сумасшедшего бега. Ему вдруг пришла в голову мысль, что регулы не собираются ловить

его или задерживать, а просто хотят убить.

Он лежал у края дюны, прижав руку к колющему боку и стараясь восстановить дыхание. Вдруг он что-то услышал. «Дус», — подумал он, зная, что долина полна ими, и регулы не рискнут сунуться за ним в долину. Дусы эдуна не повредили бы регулам, но эти были дикими, и регулы не смогли бы отличить их от прирученных, пока не стало бы уже слишком поздно.

Он наконец собрался с силами и снова двинулся в путь, когда услышал быстрые шаги, легкие, как у мри, и такие же быстрые. Кто-то преследовал его в дюнах. Сначала Ньюн решил, что это один из кел'ейнов Эсайн, и, увидев тень, преградившую ему путь, юноша застыл. Он с уважением смотрел на этого кел'ена.

Нет, не кел'ена.

Затаив дыхание они смотрели друг на друга, землянин и мри. Ньюн выхватил пистолет, а землянин попытался скрыться, хотя это было бесполезно на таком открытом месте.

И вдруг Ньюн подумал, что мертвый землянин не сможет ответить на его вопросы. Юноша не стал стрелять. Он побежал следом и, догнав, замахал рукой: сюда, сюда. Землянин в отчаянии оглянулся на Ньюна. Сейчас он был великолеп-

ной мишенью.

И, увидев пистолет, решил, что лучше попасть к регулам. Он рванулся и побежал снова.

Чужак, которому было не место на Кесрит.

Ньюн нырнул в ложбину, убрал пистолет в кобуру и побежал через дюну туда, где его не могли увидеть регулы. Потом он распластался на песке и стал осматривать окрестности, отыскивая засаду, которую регулы приготовили для него. Землянин и вправду бежал прямо в руки регулов. Один из них прятался за гребнем дюны, и человек легко мог бы добраться до него, если бы у него хватило ума обогнуть дюну. Но человек обезумел от страха и лишь изо всех сил карабкался вверх, спасая свою шкуру. А регул, привстав на одно колено, безжалостно спихивал его вниз.

Ньюна регул пока не заметил. Мри отполз назад, спустился с гребня, обежал дюну кругом и зашел с тыла. Приблизившись к регулу, он ударил его ногой. Регул повернулся. Изумление явно читалось на его лице. И тут регул совершил свою роковую ошибку: он направил на кел'ена оружие. Ньюн, не думая, инстинктивно швырнул ас'сеи; лезвия сверкнули в воздухе и вонзились в горло и грудь молодого регула. Действие у тренированных келов, постоянно готовых к бою, всегда

опережало мысль.

Землянин, поднявшийся наконец наверх, бросился к оружию регула… Ньюн кинулся на него, и, будь у него нож, землянин был бы убит в то же мгновение.

Землянин яростно сопротивлялся: Ньюн чувствовал его железные объятия. Но землянин выдохся. Из носа у него текла кровь, воздух с хрипом вырывалось из груди. Ньюн с трудом разорвал захват и с силой оттолкнул его голову назад так, что у землянина щелкнули зубы.

Но землянин все еще сопротивлялся, и Ньюн с силой ударил его в живот, а удар по голове заставил землянина скорчиться от боли. Ньюн на всякий случай ударил его еще раз.

Потом Ньюн связал обмякшее тело противника, освободил ас'сеи и вложил их в ножны. Нужно было торопиться — послышался шум машин, двигавшихся в этом направлении. А они вдвоем оставят такие следы, что их заметит даже полуслепой регул.

Землянин начал подавать признаки жизни. Ньюн ткнул его коленом и стал трясти, чтобы побыстрее привести в чувство. Затем Ньюн попытался поставить его на ноги.

— Тихо, — прошипел он.

И чтобы землянин не вздумал кричать, Ньюн подкрепил свои слова, приблизив острие ав'тлена к самому его лицу. Землянин, с трудом держась на ногах, пошел туда, куда толкал его Ньюн. Он захлебывался кашлем. В слабых отсветах прожекторов порта его лицо казалось маской из песка и крови. Ноги его подгибались.

Они выбрались на край долины, и медлительные зловещие силуэты дусов, которые прятались за дюнами, пропустили их. Ньюн не заметил никаких признаков преследования. Регулы, скорее всего, были в шоке от того, что кел'ен осмелился поднять руку на повелителей.

Ньюн понимал всю чудовищность того, что он совершил. У него было время осознать это. Он знал регулов, знал, что теперь им нужно посоветоваться со старшими. О дальнейшем Ньюн пока не думал. Еще ни один мри не поднимал руку на своего повелителя. Еще ни один регул не имел дела с мри, убившим его собрата.

Ньюн схватил землянина за локоть, заставляя его идти быстрее, хотя тот временами оступался, а однажды под ним провалилась корочка грунта и он провалился в кипящую воду. Теперь они шли по краю долины, где не могли появиться ни регулы, ни их машины. Облака пара гейзеров

спрятали их. Землянин задыхался в этой ядовитой атмосфере и кашлял кровью. Ньюн подумал, что у него, должно быть, поражены легкие.

Он нашел укромное место и толкнул землянина на землю, давая ему возможность перевести дыхание. Однако он и сам был рад возможности отдохнуть.

Некоторое время землянин лежал неподвижно лицом вниз. Тело его содрогалось от безуспешных попыток сдержать кашель, вызывавший невыносимую боль. Затем спазмы прекратились, и он повернулся на бок, весь измученный. Он смотрел на Ньюна.

Не вооружен. Ньюн отметил про себя этот любопытный факт, решив, что землянин потерял свое оружие. Тот по-прежнему смотрел на юношу. Из глаз, запорошенных песком, текли слезы; в них застыли лишь страдание и боль. Он, беззащитный, вышел в ядовитую атмосферу Кесрит, рискуя остаться без легких, и к тому же ему пришлось бегать.

Но он почему-то бежал от регулов, с которыми земляне заключили договор.

— Я Стэн Дункан, — наконец прошептал землянин на своем языке. — Я помощник представителя землян. Кел'ен, мы находимся здесь согласно

договору.

Ньюн обдумал эту добровольно выданную информацию: представитель землян… представитель землян — эти слова крутились у него в голове, напоминая о зловещем предательстве.

— Я кел Ньюн, — сказал он, потому что землянин назвал свое имя.

— Ты из эдуна?

Ньюн не ответил. В этом не было необходимости.

— Ты меня ведешь туда, не так ли? — и землянин, вновь не услышавший ответа на свой вопрос, забеспокоился. — Я сам пойду с тобой. Тебе не нужно применять силу.

Ньюн обдумал эти слова. Земляне лгали. Он знал это. У него не было достаточного опыта, чтобы судить о том, лжет ли этот землянин.

— Я не освобожу тебя, — сказал он.

Земляне не носили вуалей, но Ньюн чувствовал себя очень неловко из-за того, что он посягнул на достоинство кел'ена-землянина, если, конечно, тот кел'ен. Ньюн решил, что не ошибся, ведь он на себе испытал силу его рук.

— Мы идем в эдун, — сказал он Дункану. Он встал, поднял Дункана — не слишком, правда, помогая ему: ведь это не один из его братьев. Но

Ньюн поддерживал его, пока не убедился, что тот относительно твердо держится на ногах. Ньюн заметил, что походка у землянина нетвердая и неуверенная и что он идет почти вслепую, не видя препятствий на земле.

Он, оказывается, плохо слышит!

Ньюн слышал самолет, взлетевший в порту, слышал, что тот повернул в их направлении, а землянин даже не заметил его до тех пор, пока тот не очутился над их головами. Ньюн, не раздумывая, схватил землянина и толкнул его прямо к кипящей воде Джик, извергающего пар в ночную тьму. Их легкие едва не взорвались от запаха серы; они спрятались за глиняным гребнем.

Моторы регулов ревели. Мощные прожекторы выхватывали из темноты облака пара, тщетно отыскивая какое-нибудь движение. Здесь, в вулканической долине, они не могли использовать приемники теплового излучения. Кипящая вода и облака горячего пара сводили на нет всю науку регулов.

— Кел'ен, — спросил Дункан, — кого они ищут: тебя или меня?

— Как ты поссорился с регулами? — спросил Ньюн, понимая, что лучше получать информацию, чем давать ее.

А прожектора все шарили по долине, высвечивая клубы пара.

— Они держали тебя в заключении?

— Помощник и представитель прибыли… — в их лица ударил ослепительный свет. Но едва луч задержался на них, земля вздрогнула, и рядом с ним взметнулась к небу струя раскаленного пара. Жар был сильный, но терпеть было можно.

— Ци'мри! — выругался сквозь зубы Ньюн. Ньюн забыл, кто прячется рядом с ним. И едва извержение прекратилось, он почувствовал, что тело землянина сотрясают судороги: похоже, тот совсем обессилел.

— …прибыли раньше, — продолжал землянин дрожащим голосом, — чтобы проследить за тем, что мы получим все обещанное по договору. Но я не думаю, что…

Рядом с ними обрушился столб воды, обдав их горячими брызгами. Землянин вскрикнул.

— Сколько вас здесь? — спросил Ньюн.

— Я и представитель. Двое. Мы прибыли сюда на «Хазане».

Ньюн схватил Дункана за ворот и повернул его лицо к свету прожекторов. Но он не смог определить, правду ли говорит землянин. Ньюн увидел, что тот молод. Они прятались от одного

врага — кел'ен мри и кел'ен-землянин. Ньюну очень не хотелось использовать это почетное имя для чужака, но он не знал, как называть его по-другому.

— На «Хазане» был кел'ен, который умер здесь, — сказал Ньюн.

Впервые тень сомнения скользнула по лицу землянина. Он задержался с ответом.

— Я видел его. Однажды. Я не знал, что он умер.

Ньюн отшвырнул его. Ци'мри, напомнил он себе, враг — сейчас, правда, менее опасный, чем регулы.

«Я видел его. Я не знал, что он умер."

Он отвернулся и невидящими глазами смотрел на долину, на облака пара, на огни прожекторов, рыщущих по долине.

«Прости нас, Медай, — думал он. — Наши чувства очень грубы и мы слишком привыкли служить регулам, иначе мы приняли бы то сообщение, которое хотел передать нам ты."

Он с ненавистью взглянул на неприкрытое вуалью лицо землянина. Может, он убивал кел'ейнов Народа. «Животное, — подумал он. — Ци'мри — животное.» Договор регулов и мри был разорван с того момента, как нога землянина ступила на

Кесрит. Это случилось очень давно, много-много дней назад. Мри уже столько времени были свободны и не знали об этом.

— Война закончилась, — запротестовал Дункан. Рука Ньюна напряглась, ему хотелось ударить Дункана, но это было бесчестно.

— Почему регулы охотятся за нами? — спросил он у Дункана, задав ему тот же вопрос, что задавал сам Дункан. — Ты не понимаешь, землянин, что покинув «Хазан», ты сделал самую большую ошибку?

— Я иду с тобой, — сказал Дункан, впервые проявив гордость и чувство собственного достоинства. — Я иду с тобой, чтобы переговорить с твоими старшими и доказать им, что мне лучше вернуться к своему народу.

— А, — сказал Ньюн с презрением. — Но мы мри, а не регулы. И у нас нет ничего общего с вашим договором.

Землянин оставался спокойным и, казалось, не обратил внимания не неприкрытую угрозу.

— Я знаю, — сказал он. И через мгновение добавил спокойным уверенным тоном: — Я оставил представителя, старика, в городе, одного, среди регулов и в такое время. Я должен вернуться к нему.

Ньюн понял его. Это была та же преданность, которую он испытывал к сена'анту. Он даже почувствовал уважение к землянину; забота о старике тронула его сердце.

— Я доставлю тебя в эдун живым, — сказал он, а затем добавил угрюмо: — У нас нет обычая держать пленников.

— Я знаю это, — сказал Дункан.

Выходит, они поняли друг друга. Ньюн осмотрел долину, раскинувшуюся перед ними. Он отмечал новые препятствия, появившиеся на изменчивой почве. Он искал взглядом возможные убежища, которые понадобятся им, когда регулы снова вернутся.

Это хорошо, что он и землянин поняли друг друга, что Дункан согласился — сейчас им лучше всего держаться вместе. Самое правильное было бы отправиться в путь утром, но регулы будут охотиться за ними по всем дорогам, а днем беглецам не скрыться от них. Так что если они и смогут попасть в эдун, избежав встречи с регулами, то только к вечеру.

Какое-то сомнение шевельнулось в Ньюне: самое простое было бы убить землянина и бежать в эдун изо всех сил.

Он выругал себя за свою мягкость, которая ста-

вила его перед выбором — бессмысленное хладнокровное убийство или опасное путешествие с неприспособленным к Кесрит землянином. Он схватил руку Дункана.

— Слушай меня. Если ты не будешь успевать за мной, я не ручаюсь за твою жизнь, я убью тебя. А кроме того, вполне возможно, что регулы тоже убьют тебя, чтобы не дать тебе вернуться к представителю.

Затем он выскользнул из укрытия, таща за собой Дункана. Тот не сопротивлялся.

Но самолеты регулов вернулись, и не успели оба беглеца сделать по несколько шагов, как им пришлось снова искать убежище.

Долина по-прежнему бурлила. Их непрерывно обдавало кипящей водой и грязью.

В эдуне, наверное, обеспокоены происходящим. Они несомненно что-то предпринимают. Возможно, подумал Ньюн, сен'ант Дункана тоже не сидит, сложа руки. И еще оставался «Аханал», не подчиняющийся Интель.

Ньюн понимал беспомощное отчаяние землянина. Ведь из всех, кто обладал какой-либо властью на Кесрит, оба они были самыми незначительными. И регулы, которые обычно не убивали, сейчас пошли на это. Гнев, страх или

что-то еще заставило их перейти границу между врожденной трусостью и необходимостью защищать свои интересы.

17

Слышалась стрельба — землянин, проведший большую часть жизни на войне, не мог ошибиться.

Ставрос развернул тележку, чтобы посмотреть в окно, и увидел огни самолетов, кружащих в небе.

Пальцы нащупали клавиатуру пульта. Управление было очень простым: элементарная серия кодированных сигналов, заложенных в память пульта. Регулы, которые приспосабливали пульт для Ставроса, не скрывали своего презрения к существу с такой короткой памятью.

Ставрос не был типичным представителем человеческой расы, он не был типичным с самого своего детства на Килуве, во время службы в Ксенологическом Бюро на Галлее, когда произошел первый контакт. Языки для него не представляли трудности, как и чужие обычаи, и он не стеснялся своей провинциальной недальновидности, одинаково присущей и землянам, и всем остальным.

Он был подлинным сыном Килувы — и ни

земляне, ни регулы не замечали его отличия от подлинных землян: удаленная колония, населенная религиозными традиционалистами, считавших письменность грехом, а образование и обучение — навязчивой идеей. Он родился на Килуве за сотню лет до того, как планета погибла в войне с мри.

Множество килуванцев пошли на службу к землянам, и за сорок лет многие из них умерли или были убиты. Ставрос остался жив. И именно то, что он был родом с Килувы, привело к тому, что он начал изучать расу, которая приказала уничтожить планету. Это сделали регулы руками мри. И он начал изучать регулов, мышление которых был именно таким, к какому стремились жители Килувы. И регулы уничтожили все, что было создано на Килуве. Его университетские преподаватели называли это «ритмом справедливости»: подобное уничтожает себе подобное. И теперь уроженец Килувы пришел сюда, чтобы сменить регулов — ритм повторился, снова столкнув две расы.

Он изучал жизнь и природу регулов, наблюдал их обычаи, манеры поведения, холодность, амбиции, преклонение перед разумом. И постепенно его страх перед ними сменился пониманием

и даже возвышением над регулами. Он начал понимать их биологию, общественный строй, взаимоотношения между старыми и молодыми, между родами, ему стали понятны вражда и соперничество родов.

Земляне заключили договор с Хольнами, но Хольнов внезапно сменили Алани, которые однако подтвердили, что договор остается в силе.

Во всяком случае, на словах.

Теперь пришло время узнать правду. Долгие часы, весь день и вечер, он отсиживался, прикрывая всяческими отговорками отсутствие Дункана. Время шло, и Ставрос все более убеждался, что Дункан что-то обнаружил, иначе тот бы уже вернулся. Но когда пришла ночь, а Дункан не вернулся, Ставрос понял: что-то произошло.

Регулов уже было невозможно обманывать. Они могут убить офицера планетарной разведки и не сообщить об этом в утреннем рапорте. И земляне не смогут сесть на Кесрит без разрешения Ставроса. А он не мог быть уверен в мире, не мог быть уверен, что сопротивления не будет.

Регулы хорошо знали это.

Ставрос сидел и слушал стрельбу, зная, что пока она продолжается, Дункан скорее всего жив.

Ставрос всегда был политиком, он управлял

новыми мирами, основывал университеты, разрабатывал стратегии войн и мира, он был дипломатом, он направлял тысячи таких, как Дункан, на сотнях кораблей в самые горячие места Вселенной, где те гибли, добывая землянам славу и новые колонии.

Но сейчас он слушал стрельбу, и правая рука его сжималась в беспомощном отчаянии — левая по-прежнему не слушалась его. Он был привязан к креслу. Ему оставалось только терпеливо ждать.

В порту произошла новая катастрофа. Перехватив несколько сообщений регулов, он понял, что там приземлился какой-то корабль, очевидно не дружественный регулам.

Земляне, соперники регулов или мри. Он мог предположить, что задержало Дункана. Не ввязывайся в столкновения, сказал он Дункану, хорошо зная, что тот мало что мог сделать. Однако Ставрос ощущал, что атмосфера в Номе продолжает сгущаться. Очевидно что-то произошло.

Регулы сделали что-то недозволенное. Интересы землян в опасности. И он ничего не может сообщить землянам, когда те прибудут.

Ставрос никогда не поступал опрометчиво, но когда требовали обстоятельства, он мог быть быстрым и решительным. Он решил, что пришло

время действовать самому и не рассчитывать на регулов; пришло время узнать правду.

Он пробежал пальцами по клавиатуре пульта, развернул тележку и открыл дверь. Он проехал через комнату Дункана, выехал в коридор и повернул направо.

Молодой регул увидел его и забормотал, что выезжать не положено. Но Ставрос даже не взглянул на него. Он четко управлял тележкой и ехал по коридору в ту часть здания, из окон которой был виден порт. Здесь он остановился, открыл защитные экраны. В окна хлынул свет.

Действительно, новый корабль.

Где-то вдали виднелись облака белого пара, освещенные прожекторами летающих на низкой высоте самолетов.

«Эх, Дункан», — подумал он с облегчением.

Молодой регул, пыхтя, приблизился к нему.

— Старший землянин, — проговорил он, — мы очень сожалеем, но…

«Бай Хулаг. Где?» — спросил он с помощью экрана. Молодой регул почтительно отступил. — «Юноша, найди мне бая!"

Тот сорвался с места так быстро, как только могли регулы. Ставрос снова развернулся и поехал по коридору, затем по трапу — вниз, на первый

этаж, куда их обычно не пускали.

Здесь он перешел на ручное управление и двинулся через испуганную толпу молодых регулов. «Мри», — слышал он, и: «корабль мри»... — и: «осторожно»...

Они уступали ему дорогу, вернее, не ему, а тележке, символу старших регулов, пока один из них не заметил, что в тележке землянин.

— Вернись! — вскрикнул он. — Вернись, старший!

«Бай Хулаг. Быстро», — требовал он, не двигаясь с места. Регулы не знали, как поступить, они боялись применить силу. Затем они стали перешептываться, а Ставрос медленно поехал между ними и принялся ездить по первому этажу, словно без всякой цели. Ставрос мысленно отмечал, где расположены двери, и где он может проехать на своей тележке.

Экран вспыхнул.

Это были позывные Хулага. Затем появился он сам.

— Уважаемый старший землянин, — сказал Хулаг. — Пожалуйста, вернись в свои комнаты.

«Мне кажется, там небезопасно, — нетерпеливо ответил Ставрос. — Где мой помощник?"

— Он не слушал наших советов и теперь попал

в опасную ситуацию. — Хулаг говорил с такой явной тревогой, что у Ставроса появилась надежда. — Я с сожалением должен признать, что совершил посадку корабль мри. Эти мри вне закона и могут вызвать множество неприятностей. Твой помощник, несмотря на все наши предупреждения, ускользнул и оказался в самой гуще событий. Пожалуйста, вернись к себе, нам будет легче выполнять свои задачи.

«Я отказываюсь, — Ставрос открыл защитный экран на окне. — Я буду наблюдать отсюда."

Ноздри Хулага расширились и сжались.

— Ты отказываешься сотрудничать с нами. Это прискорбно, но пока здесь правим мы. И будем править до прибытия землян. А ты, согласно нашему договору, всего лишь наблюдатель.

«Следовательно, мое дело — наблюдать."

Новая вспышка гнева.

— Делай, что хочешь. Я передам твоему помощнику, если мы найдем его, что он тебе нужен и что ты требуешь его возвращения к тебе.

«Буду очень признателен, — ответил Ставрос с облегчением. — Я передам землянам, когда они прибудут, что ты не виноват в задержке с отлетом регулов. Но только в случае, если я и мой помощник будут в безопасности и не будет

никаких повреждений в городе, порту и на заводе питьевой воды. Если же эти условия не будут выполнены, мои выводы будут другими."

Наступила тишина. Лицо бая на экране, когда тот выслушал это заявление, осталось спокойным. Ставрос ожидал вспышки гнева, угроз, но никакие эмоции не проявились на лице, похожем на маску. Только легкий трепет ноздрей выдал чувства бая.

— Если представитель землян требует, то мы сделаем все, чтобы оборудование было в порядке, и приложим все силы, чтобы твой помощник остался жив. Но я должен предупредить представителя, что в порту следует произвести большой объем работ, и для безопасности Нома и всего, что в нем находится, необходимо, чтобы представитель землян наблюдал за работами с помощью телевидения, а не через окна. Подумайте, сэр.

«Я понял. Пока я удовлетворен твоими словами, бай.» — Конечно, ему не хотелось отказываться от наблюдения через окна, ведь на экране он увидит лишь то, что регулы сочтут нужным показать ему. Однако он понимал, что регул прав: его предупреждение было честным. Окна угрожающе дребезжали от дальних взрывов, от постоянного рева летающих на малой высоте самолетов.

Оставалось только выяснить, какова причина стрельбы и бомбардировки. Регулы не лгут, напомнил он себе, закрывая штормовые экраны на окнах.

Значит, корабль мри действительно совершил посадку, а Стэн Дункан где-то в долине. Но когда имеешь дело с регулами, ни в чем нельзя быть уверенным полностью.

Вдруг пол зашатался, где-то в глубине здания завыли сирены.

Ставрос поехал по коридору и свернул в главный проход. Там группа встревоженных молодых регулов отчаянно замахала на него руками. Они все сразу закричали, перебивая друг друга.

— Прячься, старший, прячься! — кричали они, указывая на соседний холл, из которого уходила лестница вниз. Ставрос подумал и решил, что сейчас самое мудрое — это послушаться их совета.

18

Дункан повис на нем, как мешок. Ньюн обхватил его руками и толкнул вниз по склону, в небольшую пещеру рядом с кипящим озерцом. Ньюн запихнул его туда и сам скользнул следом.

И вовремя. Возле них полыхнул огонь и раздался взрыв, разнесший огромный камень на куски. Ньюн, не целясь, выстрелил. Прожектора по-прежнему обшаривали долину. Ньюн увидел лицо Дункана в отраженном свете. Выпученные, налитые кровью глаза, на которых не было защитной перепонки, как у Ньюна. Верхняя губа превратилась в кровавую рану, кровь текла непрерывно. Это было уже совсем плохо. Землянин зашелся в мучительном, разрывающем грудь кашле. Ньюн заворочался в их тесном убежище, ему было противно притрагиваться к потному и окровавленному землянину. Они лежали в узком пространстве, которое, скорее всего, станет их общей могилой. Кости мри и землянина перемешаются — чем не загадка для будущих хозяев Кесрит?

Это был кошмар. Разум отказывался воспри-

нимать непрерывно обрушивающиеся удары. Ньюн решил, что регулы наслаждаются своей жестокостью и безнаказанностью. Беглецов уже тысячу раз могли бы убить, если бы регулы хоть немного знали местность. Но долина для регулов была так же незнакома, как морское дно, и они вслепую перепахивали бомбами клубящуюся паром почву. Вся долина была в белых и красных вспышках; повсюду поднимались столбы белого и желтого пара, клубы пыли и дыма. Это было похоже на Ад, каким представляют его земляне — или Мрак, как называют его мри.

Вода бурлила, урчала, вздувалась пузырями. Ньюн прикрыл глаза зейдх, откатился подальше и загородил землянина своим телом: ирония судьбы, — подумал он. — Как только представится возможность, нужно поменяться местами.

Взрывы потрясали землю, оглушали, ослепляли, лишали разума. В мозгу уже не осталось ничего, кроме страха.

Ослепительный белый свет вспыхнул в скалах. Он непрерывно разрастался, поглотил их, поглотил весь мир; и давление стало невыносимым, и оно все росло. Ньюн понял, что это конец. Он попытался выкатиться на открытое пространство, пока их не засыпало, но не смог даже пошеве-

литься. Тяжесть вдруг обрушилась на него, и все вокруг стало красным.

…ветер, очень сильный ветер, прогоняющий туман и дым, от этого ветра все вокруг кружилось в бешеном водовороте. Ньюн пошевелился и понял, что может двигаться — значит, он жив.

И все вокруг затопил свет — мрачный, зловещий красный свет.

Ньюн собрался с силами — свет шел сзади, и повернулся к свету, и увидел порт.

Там ничего не было.

Он встал — ноги его дрожали. Он едва удержался, чтобы не крикнуть — так велика была боль. Он закрыл глаза, затем открыл, стараясь рассмотреть хоть что-нибудь сквозь пламя. Он смотрел до тех пор, пока из глаз не потекли слезы. Но он не смог увидеть ни «Аханала», ни «Хазана». В самом городе тоже бушевало пламя, вверх взмывали клубы дыма.

Пока он смотрел, на горизонте появился самолет. Он сделал круг над морем и вернулся обратно. Сигнальные огни его лениво мигали.

Глаза Ньюна следили за ним. Над городом самолет развернулся, временами исчезая в дыму, и полетел в сторону гор.

К эдуну.

Ньюн хотел отвернуться. Он знал, чем все это кончится. Но он не мог не смотреть; в горле его застрял ком, тело словно окаменело. Все его существо знало, что сейчас будет.

Первая башня эдуна, башня Келов, вспыхнула пламенем и начала медленно падать, разваливаясь на куски. До него донесся грохот, ужасающий грохот, а потом ветер. Башни рушились одна за другой, и вот весь эдун превратился в руины.

А самолет снова развернулся, поднявшись над дымом и пылью, и полетел над ними обратно, лениво мигая огнями.

Рука Ньюна сжала пистолет. Юноша поднял его и в отчаянии стрелял в эти удаляющиеся огни, единственные в небе. Огни расплывались — должно быть, из-за слез. Он вытер слезы и выстрелил еще раз.

Огни были видны еще некоторое время, а затем вспыхнуло пламя, и обломки полетели в разные стороны. Удачный выстрел или вихри, которые свирепствовали над портом.

Слишком поздно. Он повернулся к эдуну, от которого не осталось ничего, даже пламени. Спазмы стиснули его желудок, ноги ослабли, он едва не упал. Как хотелось ему сейчас потерять сознание, ничего не видеть, не слышать, упасть

— только бы не стоять в полном отчаянии.

Мертвы. Все мертвы.

Он стоял, не зная, что делать: то ли идти на развалины порта, то ли туда, куда шел, или, может быть, лучше остаться здесь и ждать утра, пока регулы не явятся, чтобы завершить начатое. Он обнаружил, что несмотря на все ужасы, еще не потерял способности чувствовать. Он стоял, обдуваемый стонавшим в ночи сильным ветром, что трепал его одежду — единственные звуки в тишине, которая царила повсюду.

Народа больше не было.

Он уцелел. Тот, кто выжил, должен выполнить свой долг перед умершими. Ньюн не обладал темпераментом Медая.

Он убрал пистолет в кобуру, и ледяными руками стиснул оружие, и начал готовиться к жизни.

Рука Народа, кел'ен. Сначала он должен похоронить своих родственников, если, конечно, регулы не похоронили их под обломками эдуна. А потом — война… война, которой регулы не ждали.

Он оглянулся на карниз, увидел своего пленника-землянина и встретился с ним взглядом. Этот землянин тоже ждал смерти, и он тоже знал, что такое одиночество.

Он мог убить его и остаться один, совсем один в

звенящей тишине — крошечный акт жестокости после того ада, который обрушился на Кесрит с небес, который уничтожил мир.

— Вставай, — спокойно сказал Ньюн. И Дункан с трудом поднялся на ноги и стоял, держась за камень, не сводя глаз с Ньюна.

— Мы пойдем в горы, — сказал Ньюн Дункану. — Дом моего народа. Я думаю, что самолетов больше не будет.

Дункан повернулся и спокойно посмотрел на путь, по которому им предстояло идти.

Вокруг них все изменилось. Долина, где веками обитали дусы, исчезла. Земля была изрыта воронками, в которых булькала кипящая вода. Дункан шел вперед, связанный, полуослепший. Он оступался, изредка падал, но ни слова не слетало с его окровавленных губ, только сдавленные стоны. Ньюн поднимал его, ставил на ноги и поддерживал, пока землянин пытался отдышаться.

Потом он взял Дункана за руку и повел его. Он знал этот путь и оберегал своего пленника от падений.

Пришел свет, красный свет Арайна, ненавистный и мрачный. Ньюн оглянулся назад, на порт, и впервые увидел при свете то, о чем лишь подозревал: они не спаслись.

Ни «Аханал», ни «Хазан».

А когда он взглянул в горы, где прежде был эдун, то не увидел ничего, кроме песка и камней — словно там никогда ничего и не было.

Затем он взглянул при свете на свой трофей: еле передвигавшее ноги измученное существо, лицо и грудь которого были вымазаны кровью. Кровь теперь текла из носа. Ньюн не знал, что было причиной — рана или ядовитая атмосфера Кесрит. Глаза были едва приоткрыты, из них текли слезы. Ньюн не мог понять, почему землянин, несмотря на неимоверные мучения, идет вперед, где его ничто не ждет. Легче было бы умереть здесь, в долине, как умирали в сорокалетней жестокой войне тысячи мри и землян.

Но этот землянин жил и продолжал жить независимо от того, что думает по этому поводу Ньюн.

Он никогда не думал, что сильное потрясение помешает ему принять решение. Никогда не думал, что в критический момент он застынет. И тем не менее холод, который охватил Ньюна, когда погиб его Народ, все еще сковывал его разум и его сердце; и казалось, что этот холод никогда не отпустит его, пускай даже Ньюн будет мстить, будет убивать всех уцелевших регулов и оставит

землянам опустошенную планету.

В этот момент обе их жизни — и жизнь землянина, и жизнь мри — не стоили ничего.

Он толкал землянина вперед, не испытывая ни ненависти, ни жалости. Что для него этот землянин, когда перед ним впереди лежали развалины эдуна. Он подумал, что Дункан, возможно, тоже думает о том, что ему не удалось выполнить свой долг здесь, на опаленной огнем Кесрит, тоже переживает свое поражение, провал своей миссии.

Но у Дункана еще остались миры, где жили его родственники, его друзья, его раса. И Ньюн ненавидел его за это. Он решил не дать Дункану вернуться к землянам: пока будет жить Ньюн, будет жить Дункан. Пока Ньюн борется с тем, что произойдет с Кесрит, землянин Дункан будет делать то же самое.

Они пришли в эдун уже днем. Самолеты не тревожили их — небо было пустынным. Может, жизнь еще сохранилась в городе. Этого они не знали. Когда Ньюн думал об этом, его тянуло спуститься вниз и уничтожить их — методично и безжалостно — регулов, которые не умели воевать и которые убили его Народ.

Ньюн смотрел на груду камней, что была когда-то эдуном, и ему хотелось плакать. Дункан,

которого больше не заставляли двигаться, упал на колени и прислонился плечом к камню. Ньюн услышал его хриплый кашель и легонько ткнул его, заставляя лечь на землю, а когда приступ кашля прошел, наклонился и поднял его.

Здесь на обломках эдуна можно было попытаться что-либо сделать. Ньюн не хотел, чтобы ци'мри прикасался к этим священным для него обломкам, но у него не было выбора — он был один. Он вынул ав'тлен и осторожно разрезал узлы на руках Дункана, размотал веревку, впившуюся в распухшие руки землянина, закрепив свободный конец на своем поясе.

Дункан, разминая руки, смотрел на эдун, а затем вопросительно посмотрел на Ньюна. Тот кивнул головой, и Дункан все понял. Они стали осторожно пробираться между обломками стен. Сюда были сброшены обыкновенные бомбы, так что радиации здесь не было. А на город, скорее всего, обрушились атомные бомбы, и теперь жить в нем было нельзя. Ньюн пролез мимо большой плиты и увидел под ней кела. Сдвинуть эту плиту не было никакой возможности, поэтому юноша стал собирать большие камни, выкладывая гробницу. Поняв, что он собирается делать, Дункан стал помогать ему, подтаскивая камни

подходящего размера и формы.

Это очень оскорбило Ньюна, но он нуждался в помощи землянина и принял ее, хотя и не позволил притрагиваться к самой могиле. И когда Дункан сильно ударился головой об один из камней, он довольно ухмыльнулся. Ньюн даже не повернул головы на вскрик и продолжал работать.

Они закончили могилу и стали пробираться в глубину развалин. Камни громоздились над их головами, а Святилище эдуна, которое Ньюн хотел отыскать, находилось в самых глубинах.

Все было надежно захоронено.

Если удастся, он должен отыскать все реликвии Народа и отнести их к Святыням Сил'атена, где похоронены все его сородичи. Но, может быть, земляне окажутся не настолько любопытны: не осквернят руины эдуна своими машинами и не извлекут останки мри, последних мри во всей Вселенной.

Ньюн разбирал проход, и чем глубже он забирался в развалины эдуна, тем большее отчаяние охватывало его. Он весь дрожал, чувства покинули его. Он споткнулся и, чтобы удержаться, схватился за шатающийся камень. Камень рухнул и вызвал целую лавину, которая обрушилась

на них. Последнее, что увидел Ньюн, было лицо Дункана: ужаса застыл в его глазах, — а затем на них посыпалась земля, мелкие камни, пыль. Это продолжалось довольно долго, но постепенно все успокоилось и наступила тишина.

Где-то упал камень, затем другой и снова все стихло. Тишина нарушалась только редкими звуками падения камней.

И в этой тишине послышался слабый далекий крик.

Дункан услышал его и тревожно оглянулся. Ньюн тоже слышал его, но подумал, что это всего лишь иллюзия. Но крики исходили с той стороны, где стояла башня Катов, в которой были самые глубокие подвалы.

Он повернулся и пошел туда, осторожно пробираясь через развалины. Он знал, что его жизнь нужна тому, кто звал на помощь, кто кричал во мраке.

— Мелеин! — крикнул он и прислушался. И снова до него донесся тот же самый крик.

Он подошел к месту, откуда слышался крик. Здесь обрушилась стена, лежала груда обломков, но стальная дверь, сделанная регулами, мешала разобрать завал.

Теперь на их пути была тяжелая дверь, кото-

рую невозможно было сдвинуть: у них не было ни инструментов, ни машин. Ньюн ухватился за плиту, напрягая все свои силы. К нему присоединился Дункан, но все было тщетно. Наконец они сели, тяжело дыша и кашляя. У Дункана снова потекла кровь из носа. Он вытер ее рукавом. Руки его дрожали от напряжения.

— Туда поступает воздух? — спросил Дункан.

Там не было вентиляции. Это привело их в еще большее отчаяние.

— Мелеин! — крикнул Ньюн. — Мелеин, ты слышишь меня?

Он услышал голос — женский голос, молодой, высокий и чистый — это была Мелеин. Он услышал внизу его, под ними и наметил точное место, очертив круг.

Затем он выбрал из груды обломков железный прут и начал долбить. Он долбил и выбирал обломки пальцами. Дункан понял его намерение и стал помогать ему. Они все глубже погружались в толстый, с локоть, пол, изредка останавливаясь, чтобы отдохнуть и подождать, пока уляжется пыль. Солнце уже поднялось высоко и стало жарко. Удары стали о твердую, как цемент, землю были единственными звуками, разрывавшими полуденную тишину. Он уже давно не слышал

голоса Мелеин. Ньюна мучил страх. Он знал, какое маленькое помещение внизу, как там мало воздуха. Он очень боялся, что их усилия разрушат убежище, спасшее Мелеин.

Наконец они пробились через пол. Ветер устремился в черную глубину, вытесняя холодный спертый воздух подземелья.

— Мелеин! — крикнул Ньюн, но ответа не было.

Он стал работать еще быстрее, обламывая камни с краев отверстия, расширяя его, чтобы туда могло поступать больше воздуха, больше солнечного света. Они принялись долбить железные прутьями в разных направлениях, все больше расширяя отверстие. Время от времени они звали ее, но ответа не было.

Наконец отверстие стало таким большим, что через него можно было пролезть. Ньюн подумал, что лезть придется ему, и тогда землянин должен будет остаться наверху. У него даже мелькнула отчаянная мысль убить его, но вылезти без помощи сверху было невозможно: ведь ему придется нести на руках Мелеин. Под руками не было ни веревок, ни шнуров, способных выдержать их вес.

— Я пойду вниз, — сказал Дункан, доставая из

кармана моток веревки и небольшой фонарик. Он так запросто расстался с этими драгоценными вещами, что Ньюн на мгновение растерялся.

— Глубина здесь, — сказал Ньюн, дрожа при мысли, что Мелеин совсем рядом, — мой рост и еще половина. — Он ничего не сказал о том, какая кара ждет Дункана, если он не будет осторожен и чем-нибудь повредит Мелеин, если не доставит ее живой. В этом не было необходимости. Усевшись, Ньюн смотрел, как Дункан втискивает свое тело в отверстие: землянин был немного массивнее его. Затем он услышал глухой стук внизу. Это Дункан упал на пол.

Ньюн слушал, как Дункан возится внизу, обыскивая подвал, как гремят откатываемые камни. Он склонился над отверстием, пытаясь что-нибудь увидеть в свете фонарика.

— Я нашел ее, — послышался из тьмы голос Дункана. И затем: — Она жива.

Ньюн не выдержал и заплакал: ведь его никто не видел. Затем он успокоился и сел, сжав руки между коленями. Он знал, что землянин может схватить ее, как заложника; может отомстить Ньюну, жестоко отомстить; может даже взять с него клятву, что тот отпустит Дункана. Ньюн так устал, что не успел обдумать все последствия

своего решения, а к тому же ему нельзя было терять времени: ведь Мелеин была в смертельной опасности. Но теперь, сидя в ожидании, он мог подумать. И эти мысли привели его в ужас, он вскочил и бросился к отверстию.

— Мри! Ньюн! — Дункан стоял внизу с чем-то светлым в руках. Складки золотистой мантии свисали с его рук. — Опускай веревку. Я постараюсь закрепить ее.

Ньюн стоял, как столб. Мелеин шевельнулась, глаза ее открылись, но на фоне яркого света Ньюн казался ей темным пятном.

— Мелеин, — позвал он. — Мелеин, мы вытащим тебя наверх. Это землянин, Мелеин. Не бойся его.

Услышав его слова, она стала вырываться и Дункан поставил ее на ноги. Ньюн смотрел на ее лицо, белеющее в полутьме, и видел, как ужас появляется на нем.

Но она вытерпела прикосновение Дункана, когда тот взял ее за талию и поднял вверх. Это было самое простое решение, приносящее девушке наименьшую боль. Но Мелеин не могла даже поднять руки, чтобы Ньюн мог схватить ее.

— Подожди, — сказал Ньюн. Он схватил веревку, сделал петлю, спустил ее вниз и, зацепив руки

Мелеин, начал осторожно поднимать девушку. Дункан помогал ему, но вскоре Ньюну пришлось тащить одному. Он поднимал ее очень осторожно, стараясь не зацепить за острые края отверстия и не обращая внимания на жгучую боль в руках и ногах. Наконец она полностью выбралась из отверстия и в изнеможении повалилась прямо в освещенную солнечными лучами пыль. Девушка пыталась подняться. Это ее Ньюн, она была в безопасности. Он обнял ее, как обнимал, когда они были детьми. Веревка связывала их. Он вытирал слезы и грязь с ее лица, она с жадностью глотала воздух.

— Корабль уничтожен, — сказал он, решив сказать все сразу. — Все мертвы, если конечно, здесь еще кто-нибудь не уцелел.

— Нет. Никто. Они не успели. Они слишком стары, чтобы бежать. Они остались с госпожой. А затем и Дом…

Она начала дрожать, как будто на нее повеяло холодом. Однако она когда-то была Келом и потому не разрыдалась. Она взяла себя в руки и через мгновение начала распутывать веревку.

— Никто, — сказал Ньюн, чтобы Мелеин знала все самое худшее. — Никто не выжил и на корабле.

Мелеин присела на обломок стены, рукой отвела назад волосы, опустила голову. Она сняла с шеи шарф и накинула его на голову вместо вуали. Мелеин казалась спокойной, но по-прежнему не смотрела на Ньюна.

Наконец она вздохнула, выпрямилась, показала пальцем на отверстие в плите, где ждал Дункан.

— А кто он? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Не важно. Землянин. Гость регулов. Они пытались убить его, когда мы встретились с ним. А затем…

Страшная догадка мелькнула у него в голове: ведь он сам вызвал все это, из-за него погиб эдун, погиб его Народ, он остался сиротой. Он замолчал. Мелеин поднялась и отошла в сторону, чтобы посмотреть на развалины. Она стояла спиной к Ньюну, руки были безвольно опущены. Ему было мучительно больно видеть ее страдания.

— Мелеин, — сказал он, — Мелеин, что мне делать?

Она повернулась к нему и безнадежно махнула рукой.

— Что мне делать? — снова спросил он.

Сен и кел. Сен должен руководить. Но теперь

она стала больше, чем сен, и это накладывало на нее дополнительную тяжесть, которой она не хотела. Он стоял и ждал. Наконец Мелеин медленно закрыла глаза и снова открыла их.

— Сюда придут враги, — сказала она, начиная исполнять ту роль, к которой готовилась всю жизнь. Она должна была командовать и планировать. Теперь она вела себя так, как должна вести себя госпожа Народа — госпожа без Народа. — Собери пока то, что может понадобиться нам в горах. Пока мы побудем здесь. Дай мне немного времени, брат, — я теперь не должна называть тебя так, — дай мне время, я должна подумать, что нам делать дальше.

— Отдохни, — сказал Ньюн. — Я все сделаю. — И когда он увидел, что Мелеин отошла в тень и опустилась на камень, подошел к отверстию и бросил веревку вниз. — Дункан!

Белое лицо землянина, испуганное, взволнованное, появилось в круге света.

— Подними меня, — сказал он, дергая веревку, которую опустил Ньюн. — Мри, я помог тебе. Вытащи меня отсюда.

— Поищи то, что я скажу тебе, и привяжи к веревке. Я вытащу вещи, а потом и тебя.

Дункан колебался. Но, вспомнив, что мри не

лгут, согласился, и с помощью своего фонарика нашел нужные вещи. Он привязал все найденное к веревке: пищу, фляги с водой, одежду. Ньюн четырежды поднимал веревку с грузом, а затем спустил ее для Дункана.

Тащить землянина оказалось гораздо легче, чем безвольно повисшее тело Мелеин. Дункан помог ему, ухватившись руками за края отверстия. Вскоре он уже был наверху. Он согнулся, стонал, кашлял и пытался остановить кровь.

Кашель не утихал, и Мелеин подошла к нему и взглянула на него со смешанным чувством жалости и презрения.

— Это воздух, — сказал Ньюн. — Он еще не привык к нему и много бегал.

— Он что-то вроде кел'ена? — спросила Мелеин.

— Да, — ответил Ньюн. — Он не опасен. Регулы охотились за ним. Похоже, что он им больше не нужен, если, конечно, его старший еще жив. Что мы будем делать с ним?

Дункан, казалось, понимал, что речь идет о нем. Возможно, он знал несколько слов языка Народа, но они сейчас говорили на Высшем Языке, и землянин не мог понять их разговора.

Мелеин пожала плечами. Отвернулась.

— Что хочешь, — сказала она. — Сейчас мы уходим.

И она, очень медленно и осторожно выбирая путь, пошла по развалинам.

— Дункан, — сказал Ньюн. — Бери вещи и пошли.

В землянине вспыхнуло негодование, казалось, он хотел взорваться, но Ньюн ожидал этого. Но, подумав, Дункан опустился на колени, взял мешок и взгромоздил себе его на спину.

Ньюн показал ему куда идти, и землянин побрел вперед. Походка его была неуверенной. Он шатался, как и Мелеин.

В горах не было следов бомбежки. Они пришли в пещеру, убежище, которое было построено задолго до ссоры между регулами и мри, задолго до войны с землянами. Оно была надежной защитой от нападения с воздуха.

Мелеин со вздохом опустилась на холодный песок в тени и в полном изнеможении уронила голову на колени. Вероятно, она уже израсходовала все силы и не могла больше сделать ни шагу. Ньюн наблюдал за ней всю дорогу и знал, каких мучений стоило ей сюда дойти. Он быстро достал из мешка подстилку и одеяло для Мелеин, дал ей воды и кусок сушеного мяса, а сам сел на корточ-

ки и смотрел, как она ест и пьет. Закончив, она привалилась спиной к стене и закрыла глаза.

— А мне можно попить?

Спокойная просьба землянина напомнила Ньюну, что на его попечении находится еще один. Ньюн налил чашку воды и вложил ее в дрожащие руки Дункана.

— Возможно, завтра мы найдем воду, — сказал Ньюн, — и ее будет вдоволь. — Он рассматривал землянина, который пил воду капля за каплей. Грязное голодное существо, которое, по всей вероятности, долго не протянет. Дункан сидел весь в грязи, в поту, крови. Ньюн взглянул на себя и убедился, что сам он немногим лучше.

— Ты можешь... — начал Ньюн, обратившись к Мелеин и совсем забыв, что он теперь не может называть ее по имени. Он протянул ей пистолет. — Ты можешь не спать, чтобы последить за землянином?

— Я уже в порядке, — сказала она и взяла пистолет так ловко, уверенно, что сразу стало ясно: она больше кел'е'ен, чем госпожа. Ее каста запрещала ей брать в руки оружие, но теперь все изменилось.

Ньюн оставил их вдвоем и выбрался из пещеры. Там он разделся, вымылся сухим песком, как это

делают мри в безводных мирах. Затем он снова оделся и пошел в пещеру.

Сзади послышались чьи-то тяжелые шаги и шумное дыхание: дус. Ньюн осторожно повернулся. Свой пистолет он оставил Мелеин, а ничто другое не могло остановить хаа-дуса.

Это был мьюк'ко, худой, весь в струпьях. Но неуклюжая морда была сухой.

Сердце Ньюна отчаянно забилось: ситуация была опасной. Поведение дуса невозможно предсказать. Но дус подошел к нему, ткнулся мордой в грудь и издал звук, каким приученный дус просит у своего хозяина пищи, крова, и всего того, что мри дает дусу.

Ньюн опустился на колени рядом со зверем — сейчас это было необходимо, — обнял дуса за покрытую струпьями шею и расслабился, позволяя ему дотронуться до себя. Он почувствовал тепло; ощущение глубины и полного взаимопонимания охватило его: его мозг стал мозгом дуса — это удавалось очень немногим.

Ньюн поднял голову и увидел на гребне двух диких дусов. Но он не испугался. Его дус знал их, и они знали его. Это чувство приходило к нему от дуса, так же, как и тепло. Понимание этого стало для Ньюна таким же непреложным фактом, как

камень, на котором он стоял, как мри, как дусы. Чувство поглотило всю его боль, наполнила его силой, такой же медленной и могучей, как сила дуса.

И когда Ньюн вернулся в пещеру, за ним ковылял дус, огромное странное животное, ставшее его другом.

Недоверие — такое ощущение родилось в мозге Ньюна, возбужденное импульсами дуса. Но затем дус ощутил страх землянина. Это тоже передалось Ньюну. Землянин боялся. Значит, его можно не опасаться. Дус подавил излучение мозга землянина и начал излучать импульсы уверенности, покровительства, защиты.

— Он пришел сам, — сказал Ньюн, забирая свой пистолет у Мелеин. — Там их очень много, но я не знаю ни одного из них.

— Мы и они по-прежнему верны друг другу, — сказала Мелеин.

И Ньюн понял, что лучшей защиты им не найти. Теперь он может спать спокойно и знать, что им ничто не угрожает: никто не пройдет мимо дусов.

Он был очень благодарен дусам за это чувство уверенности и покоя. Усталость вновь охватила его. Дус поднял голову и издал звук, выражающий

удовольствие. Зверь раскрыл пасть, и в ее теплой глубине мелькнул и исчез серый язык.

Ньюн заговорил с ним, болтая всякую чепуху, которую дусы очень любили. Он гладил массивную голову зверя; он взял лапу дуса и перевернул ее; огромная лапа накрывала обе руки мри. Загнутые внутрь когти привычно полоснули его запястье. Они оцарапали кожу, выпуская яд. Ньюн этого и добивался. Такая маленькая доза не могла принести ему вреда, а он должен был приобрести иммунитет к яду своего дуса, чтобы не опасаться случайных царапин. Он высвободил руку и стал гладить голову дуса: в ответ тот довольно заурчал.

Затем Ньюн взглянул на землянина и ему стало противно от грязи, которая покрывала тело Дункана. Ньюн взял какую-то одежду, подал землянину и вывел его из пещеры.

— Вымойся, — сказал он Дункану. Затем взял горсть песка и показал, как это делается. Он сел и смотрел вдаль, пока Дункан мылся. Любопытные дусы смотрели с утесов, собравшись в кружок. Такое странное существо с розовой кожей они видели впервые.

Смыв кровь и следы слез с лица, Дункан стал выглядеть гораздо приятнее. Он вытряхнул песок

из волос и начал одевать то, что дал ему Ньюн. Одевался он медленно, словно боясь уронить собственное достоинство. Ньюн обыскал одежду, которую бросил землянин, и обнаружил в карманах множество вещей, о которых тот ему ничего не сказал.

Он показал найденный в кармане нож. Дункан пожал плечами.

Ньюн отметил, что Дункан не попытался напасть на него с ножом. Землянин хорошо провел свой раунд, хотя и проиграл.

Он бросил Дункану еще один сверток.

— Одень вуаль, — сказал он. — Твое обнаженное лицо оскорбляет меня и госпожу.

Дункан накинул вуаль на голову, неумело пытаясь закрепить ее. Но у него ничего не вышло. Ньюн показал ему, как одевать вуаль. И Дункан стал выглядеть гораздо лучше. Он не был одет, как кел'ен — этого нельзя было допустить, — но все же он был в черном и больше походил на мри, чем на животное. Ньюн посмотрел на него и удовлетворенно кивнул.

— Так тебе гораздо лучше, — сказал он. — Это защитит твою кожу. Закопай свою одежду. Когда мы пойдем, ты поймешь, что наша одежда удобнее.

— А мы пойдем?

Ньюн пожал плечами.

— Госпожа решит. Я кел'ен. Я выполняю приказы.

Дункан опустился на колени и выкопал яму, как животное. Затем он бросил туда свою одежду. Прежде, чем закапывать, он взглянул на Ньюна.

— А если я вам предложу покинуть в безопасности этот мир?

— Ты?

Дункан поднялся на ноги. Теперь, когда на нем была вуаль, в нем появилось гораздо больше гордости, чувства собственного достоинства. Ньюн раньше не замечал цвета его глаз. Они были светло-коричневыми. Таких Ньюн никогда не видел.

— Я могу попытаться связаться с землянами и вызвать сюда для вас корабль. Я думаю, тебе лучше увезти ее отсюда, здесь вас уже ничто не держит.

Рука Ньюна угрожающе потянулась к оружию.

— Ци'мри, ты слишком много берешь на себя. И если ты что-то хочешь предложить, говори госпоже, а не мне. Я же сказал тебе, я — кел'ен. Если она захочет, я сделаю. Если ей что-то не понравится, я уничтожу это.

Дункан замер. Очевидно он понял свой промах.

Он сказал:

— Я что-то не пойму, каковы ваши отношения? Она твоя жена?

Тон был таким озадаченным, оскорбление таким наивным, что Ньюн едва не расхохотался и, чтобы еще больше озадачить землянина, добавил:

— Она моя Мать.

И он махнул Дункану, чтобы тот шел за ним, так как беспокоился о Мелеин. С утесов вокруг на них смотрели хаа-дусы, изредка издавая утробные звуки. Когда они пошли, один из зверей спустился. Конечно, его привлекла одежда, закопанная землянином. И теперь от нее не останется ничего, что могло бы привлечь их преследователей.

Дус при их приближении поднял голову и навострил уши. Он излучал приветствие, радость от того, что снова видит Ньюна. Ньюн, уже чувствуя действие яда, и зная, что ночью будет хуже, провел пальцами по носу зверя и лег между ним и Дунканом.

Мелеин заметила перемены в одежде землянина и тоже одобрила их, но в этот вечер она не проявила к нему никакого интереса.

Она тоже легла, успокоившись от того, что они вернулись. Ньюн поднялся, выпил немного

воды, лег и взглянул на растянувшегося на полу Дункана.

Когда Ньюн закрыл глаза, его мозг, переполненный событиями, наконец отключился. Яд дуса уже бушевал в нем. Ему снились кошмары, изредка прерываемые импульсами дуса. Но он понимал, что вреда ему яд не принесет, ведь он кел, а ни один дус не причинит вреда своему кел'ену.

Теперь он принадлежал этому зверю, а зверь — ему. И это делало его настоящее приятным. Это и Мелеин. Этим утром он был полностью опустошен, он был в отчаянии, а вечером уже спокойно отдыхал со своим дусом, который охранял его сон, посылая импульсы в его мозг. И рядом с госпожой, которая взвалила на себя всю тяжесть принятия решений. Он жалел Мелеин, понимая, как тяжела ее доля, но не пытался помочь ей. Придет и ее час. У нее — свой долг. У него — свой. Только более простой.

Повиноваться госпоже. Мстить за Народ.

Просыпаясь, он смотрел на землянина. И однажды в темноте он понял, что Дункан тоже проснулся и смотрит на него. Они не заговорили.

19

День прошел спокойно. Слышались только порывы ветра и дыхание дуса. Ньюн поднял голову и увидел, что Мелеин уже проснулась и сидит скрестив ноги у выхода. Видимо она давно сидела так, в тишине приводя свои мысли в порядок и наслаждаясь утренними часами.

Дункан еще спал. Ньюн поднялся, подошел к Мелеин и уселся на холодный песок рядом со спящим дусом. Яд все еще действовал: ноги его дрожали, а рука распухла до самого плеча. Но скоро это пройдет. Мозг его все еще был спокоен и полон видений, которые внушал ему дус. Страх ушел навсегда. Он знал, что когда возникнет опасная ситуация, все эти видения бесследно исчезнут. А сейчас он отдыхал и был рад этому. Ему казалось, что Мелеин тоже наслаждается покоем — лицо девушки было умиротворенным, словно ей снилось что-то невыразимо приятное.

— Ты отдохнула? — спросил он.

— Да, вполне. Вчера мне было совсем плохо. Я думаю, что сегодня мне будет трудно идти. Но мы пойдем.

По ее тону Ньюн понял, что Мелеин пришла к какому-то определенному решению, но спрашивать он не мог, хотя и был ее братом. Правда, теперь он уже перестал быть просто братом.

— Мы готовы, — сказал он.

— Мы пойдем в сторону Сил'атена и дальше в горы. Там нам нужно отыскать древнее Святилище, о котором ничего не знают келы нашего поколения. Еще до нашего рождения им приказано было забыть о нем. Пана, Ньюн, давно уже не хранится в эдуне. Ведь шла война. Госпожа решила, что Пана не должны быть в эдуне, и она оказалась права.

Ньюн почтительно коснулся рукой лба; услышав ее слова и поняв их смысл, он почувствовал озноб; словно камень упал с его души. Это ничего не меняло, и тем более их судьбу. Но Священные предметы существуют, и они с Мелеин могут сами уничтожить их, чтобы руки врагов не осквернили Пана.

Священная миссия.

— Знай это, — продолжала Мелеин. — Мы сохраним Пана для себя и укроем их там, где они будут в полной безопасности. И мы будем ждать до тех пор, пока не отыщем путь с Кесрит, или поймем, что уже ничего нельзя сделать. У кела

есть вопросы?

Он молчал, думая о предложении Дункана, о том, не передать ли его Мелеин, но затем выбросил это из головы. Для этого еще будет время, если они выживут. — Я думаю, — осторожно сказал он, — что нам придется убивать землян, а они будут охотиться за нами, пока не прикончат нас. Но сам я бы пошел сейчас к представителю землян и заключил с ним союз против регулов.

Она внимательно выслушала его, склонив голову, и нахмурилась.

— Но между регулами и землянами заключен мир.

— Это не окончательно. Не навеки.

— Но это же смешно: одинокий кел'ен предлагает землянам свои услуги в борьбе против регулов.

— Регулам будет совсем не до смеха, — угрюмо заметил Ньюн, и она кивнула, понимая, что это правда.

— Но мы поступим иначе, — сказала она. — Я знаю: Интель хотела ввергнуть нас во Мрак, совершить долгое путешествие и затем вновь возродиться из Мрака. И я не пошлю тебя к землянам, не будучи уверена в полной безопасности. Нет, мы вместе пойдем нашим путем.

— У нас нет ни катов, ни кел'е'ен, — вскрикнул он и тут же перешел на шепот, чтобы не услышал Дункан. — Мы не сможем возродить новое поколение, возродить Народ. Нам никогда не выйти из Мрака.

Она спокойно смотрела на рождающийся рассвет.

— Если мы последние, мы уйдем спокойно. Если же нет — Народ закончит свое существование в войнах за честь ци'мри, которыми мри занимались весь этот несчастливый век.

— А дальше? — вопрос был запрещенным, и Ньюн понял это, когда задал его, и тут же махнул рукой, не дожидаясь ответа. — Поступай, как знаешь.

— Мы свободны, Ньюн, — сказала Мелеин. — Мы свободны, и я хочу лишь найти Пана и выяснить, остался ли в живых еще кто-нибудь из моих детей.

Ньюн посмотрел на нее — глаза их встретились — и кивнул.

— Это невыполнимая задача, — сказал он. — Это тебе говорит кел, госпожа.

— Не забывай, — мягко сказала она, — что ты один из келов Мрака. Их служба более трудная. Они могут невозможное. Может, это и невыпол-

нимая задача, но я не могу решиться на другое. Ты думаешь, что боги отвернулись от Народа?

Он пожал плечами, понимая свое незнание. Как и любой кел'ен, Ньюн был беспомощен в игре слов. Он не мог понять, шутит она, или нет.

— Я бросаю нас обоих, — сказала она. — Шон'ай.

Это Ньюн понял, ведь секреты келов были гораздо проще: пальцы его руки слегка сжались, приготовившись поймать, словно в шон'ай, и на сердце стало легко.

— Шон'ай, — повторил он. — Этого достаточно.

— Нам пора, — сказала она.

— Мы готовы, — ответил Ньюн. Он поднялся, подошел к Дункану и толкнул его. — Идем. — И, пока Дункан приходил в себя, Ньюн быстро собрал вещи. Воду он решил нести сам, так как неразумно было зависеть от Дункана или делать землянина независимым от них. Одну маленькую фляжку на всякий случай возьмет Мелеин. Так что они будут готовы к неожиданностям, если вдруг им придется разделиться. Правда, в стране, где они знали каждый камень, каждое дерево, Ньюн и Мелеин могли бы обойтись без запасов воды.

Ньюн бросил мешок к ногам Дункана.

— Куда мы идем? — спросил Дункан, не проявляя особого желания поднимать мешок; вопрос был чисто риторическим. Ньюн пожал плечами — вопрос заслуживал именно такого ответа.

— Я не вьючное животное, — сказал Дункан, в голосе которого послышался гнев. Он пнул мешок ногой.

Ньюн взглянул на мешок, затем медленно перевел взгляд на Дункана.

— Госпожа ничего не делает руками. Я — кел'ен, и тоже не ношу груз, если есть кому его нести. Если ты умрешь, я понесу мешок. А пока ты жив, ты будешь таскать его.

Дункан попытался понять, насколько все это серьезно, и, решив, что это действительно так, поднял мешок и закинул себе на плечи.

Ньюну было немного жаль его. Ведь Дункан тоже нечто вроде кел'ена, не из низшей касты. Однако Дункан не мог доказать это в бою. Ему следовало вызвать Ньюна на а'ани, сразившись с кел'еном на ин'ейн, но в искусстве владения древним оружием ци'мри были беспомощны, как каты.

Может быть, подумал Ньюн, он не прав, требуя, чтобы землянин нес все. Небольшой груз не уронил бы честь и достоинство кел'ена. Что ж, когда

дело касалось древних традиций, мри были чересчур упрямы — и именно традиции оказались причиной войны между ци'мри и мри на Кесрит.

Вслух Ньюн ничего не сказал. Но эти мысли не давали ему покоя, пока они шли втроем, и дус переваливался рядом с ними. То был трудный вопрос — как общаться с землянами, не теряя своего достоинства и не унижая их.

Народ проиграл войну из-за того, что земляне отвергали а'ани. Их война была всеобщей. И теперь Ньюн начал понимать, что земляне просто не умеют воевать один на один.

Поняв это, он почувствовал себя одураченным. Ему захотелось изменить все, но это было не в его силах. Он начал вспоминать, какой жестокой была война, как много келов погибло из-за того, что они не поняли сущности врага.

Но ничего уже нельзя было изменить. Он не принадлежал к касте, которая могла принимать решения. Он напомнил себе об этом, об Интель, которая много знала и держала все знания при себе.

Они двинулись в горы через перевал Дэдж'хол, чтобы не идти в Сил'атен обычным путем, где их могли обнаружить те, кто уцелел в городе. Им нужно было завершить начатое в эдуне. Это был

трудный подъем; особенно тяжело пришлось Мелеин и Дункану с его ношей.

— Я слишком долго сидела в башне госпожи, — тяжело дыша, сказала Мелеин, когда они добрались до перевала. Она закашлялась, а Дункан, опустившись на колени, освободился от веревок и рухнул на мешок. Ньюн налил немного воды, чтобы Мелеин могла смочить горло. В глубине души он очень беспокоился за нее. Она никогда раньше так не уставала. Ньюну даже пришлось поддерживать ее по дороге.

— Мне кажется, ты ранена, — мягко сказал он.

Она отмахнулась.

— Да, когда открывала двери в подвал. Ничего страшного.

Ему хотелось, чтобы она оказалась права. Он снова дал ей воды. Это была уже чрезмерная расточительность, но Ньюн надеялся, что они скоро доберутся до воды. Он и сам немного выпил, а затем заметил умоляющий взгляд землянина.

— Только смочи рот, — сказал Ньюн, протянув ему полчашки. — Надо экономить.

Землянин выпил, как и Ньюн, не поднимая вуали, и, благодарно кивнув, вернул чашку.

— Куда мы идем? — снова спросил он хриплым голосом.

— Землянин, — сказала Мелеин, пристально глядя на Дункана, — зачем тебе знать?

— Прежде чем говорить, — сказал Ньюн, — пойми, что перед тобой госпожа. Она оказала тебе великую честь, просто взглянув на тебя. Если ты оскорбишь ее хоть одним словом, я тут же убью тебя. Поэтому лучше обращайся ко мне, чтобы не оскорбить ее.

Дункан переводил взгляд с Мелеин на Ньюна, думая, что они его дурачат, или угрожают ему каким-то странным, непонятным ему способом.

— Я говорю серьезно, — сказал Ньюн. — Обращайся только ко мне.

— Скажи ей, — заговорил Дункан, — что мне хотелось бы вернуться к своему народу живым. Передай ей мое вчерашнее предложение. Оно по-прежнему остается в силе. Я могу вывезти вас отсюда.

— Дункан, — сказала Мелеин. — Я уже знаю, что ты хочешь спросить, и я пока не отвечу тебе. Но ты же знаешь, когда прибудет сюда твой народ. Скажи нам.

Дункан заметно колебался, взвешивая все за и против.

— В один из этих дней, — тихо сказал он. — Совсем скоро, может быть раньше, чем я думаю. И

они найдут здесь только развалины города. Регулы им расскажут о случившемся все, что захотят.

— Ци'мри, — презрительно сказала Мелеин, но Дункан не понял ее слов.

— Госпожа хочет сказать, — пояснил ему Ньюн, — что нас не интересует, о чем говорят чужие. У нас нет братьев, но нет и хозяев. Мы больше не служим регулам. Может, ты не понимаешь, Дункан, но мы последние мри. На «Аханале» и в эдуне оставались те мри, что уцелели после войны. И регулы знают, что если они не покончат с нами, не завершат уничтожение расы, наша месть будет жестокой. Они боятся встретиться с нами лицом к лицу, и скорее всего постараются расправиться с нами руками землян. Вот как обстоят дела. Так что лучше не задавай вопросов. Все, чему суждено случиться, случится. Но не напоминай нам об этом своими вопросами.

Дункан молча выслушал все это и сел, обхватив колени руками. Пальцы его сжались так, что костяшки побелели.

— Дункан, — помолчав, сказала Мелеин, — у нас говорят: «Сказано — значит сделано». Поэтому мы стараемся не говорить, чтобы не попадать в ловушки слов, как регулы. Больше не спрашивай.

И она протянула Ньюну левую руку, чтобы тот помог ей подняться. Ньюн постарался быть очень осторожным, но все равно причинил ей боль.

— На небе тучи, — сказала Мелеин глядя на восток. — Может, они обрушатся на регулов.

К полудню тучи закрыли все небо, спрятав солнце. Стало холодно. Над развалинами города и порта бушевала буря: все произошло так, как хотела Мелеин.

Мелеин оглянулась на покинутую долину и увидела на ней ужасные молнии, прорезающие черное небо. Что-то шевельнулось в ее душе и передалось дусу, который, почувствовав ее состояние, жалобно завыл.

Но тучи не напоили их влагой, и фляги их были на три четверти пусты, когда они поднялись на высокогорную равнину. Дункан уже начал спотыкаться и шататься от усталости. Он был бы рад остановиться. Но Ньюн боялся, что их обнаружат с самолета, и не хотел останавливаться на открытом месте, даже ради Дункана.

Он часто с тревогой смотрел на Мелеин, но девушка шла спокойно и по ней не было заметно, что она страдает.

Вдалеке на западе, словно мираж, показалась небольшая рощица. Деревья с голыми сучья-

ми, которые переплелись самым невероятным образом. Лишь на кончиках веток виднелись небольшие листочки.

— Там вода, — сказал Ньюн. — Вечером мы устроим привал и сможем напиться вволю.

И смертельно уставший Дункан, собрав последние силы, пошел за ними к деревьям, стараясь не отстать.

Он шел следом, ни о чем не думая.

— Берегись! — крикнула Мелеин, заметив, как и Ньюн, блестящие прозрачные нити, брызнувшие им навстречу.

Ньюн выхватил пистолет и выстрелил прежде, чем Дункан успел сообразить, что произошло. Цветок ветра тут же умер, испустив невыносимое зловоние; его усики почернели. Но на руках, там, где они успели коснулись открытого тела Дункана, усики покраснели, и Дункан, которому усики успели забраться и под одежду, упал на песок и стал кататься, как сумасшедший.

— Ч'ау! — выругал его Ньюн. — Спокойно, лежи спокойно! — И, когда Дункан затих, вытащил ав'тлен и принялся отдирать усики от его тела. Очистив одежду и тело от усиков, Ньюн поставил Дункана на ноги и тщательно осмотрел, чтобы убедиться, что он ничего не пропустил.

Отойдя в сторону, Дункан уселся там, переживая случившееся.

Ньюн песком очистил ав'тлен, на котором могли остаться следы яда цветка ветра. Затем он вытащил из-за пояса маленькую трубочку и аккуратно погрузил ее в мягкое дерево. Оттуда начала капать прозрачная жидкость, чистая от пыли Кесрит.

Он наполнил первую флягу и протянул ее Мелеин, чтобы та могла вдоволь напиться. Вторую флягу, наполнив ее точно также, Ньюн выпил сам, и приготовил третью для Дункана, который уже немного оправился от шока. Землянин все еще лежал на песке и дрожал.

— Всегда нужно помнить, — поучающе сказал Ньюн, — что на Кесрит, в тех местах, где есть вода, всегда поджидают враги и хищники. Тебе повезло — ты легко отделался. Но если бы ты был один, то цветок отравил бы тебя, и ты бы умер.

— Я ничего не вижу, — сказал Дункан и, пересиливая боль, отпил из фляги.

— Когда мы пойдем по роще, — сказал Ньюн, — смотри, чтобы свет бил тебе в лицо: тогда ты сможешь увидеть нити цветка ветра. И внимательно смотри себе под ноги. — Он показал на место, где маленький буровер приготовил свою

западню. Ньюн бросил туда гальку. Песок взорвался, мелькнуло что-то бледное, маленький буровер схватил добычу и снова зарылся в песок.

— Он ядовит, — сказал Ньюн, — и даже такой маленький может причинить немало неприятностей. Но они могут вырасти такими большими, что запросто проглотят даже дуса, тогда яд им не нужен. Буроверы прячутся в тени, среди камней, там где есть песок, чтобы спрятаться. Больших буроверов мало. Ха-дусы едят их, пока те не вырастут до больших размеров и сами не начнут питаться дусами. Здесь есть один огромный старый буровер. Мы будем проходить завтра мимо него. Я думаю, что он живет здесь дольше меня. Буроверы — как регулы: чем старше, тем больше и меньше двигаются.

Маленький буровер, которого они потревожили, выскочил из песка, и, шевеля щупальцами, побежал между деревьями и снова зарылся в песок.

Откуда-то выскочил безвредный джо, который тоже поспешил укрыться от незваных гостей и быстро исчез среди деревьев.

— Выпей воду, — сказал Ньюн измученному Дункану, почувствовав жалость к нему. И, пока Ньюн готовил им ужин, Дункан медленно допил

воду. Они могли бы поесть мяса буроверов, хотя оно безвкусным и твердым, как резина, но в этот вечер Мелеин очень устала и им пришлось сделать привал гораздо раньше. Они ничего не ели с прошлой ночи. Он великодушно позволил Дункану съесть столько же, сколько и они: все-таки Дункан нес весь груз, в том числе и пищу.

Внизу, в долине, по-прежнему сверкали молнии — к несчастью для регулов.

Они легли спать рядом с дусом, греясь о его теплое тело. Они спали спокойно, зная, что дус и во сне надежно охраняет их.

Утром Ньюн собрал все вещи и, после долгого раздумья, неохотно взвалил на себя несколько свертков с одеждой и пищей. Так что мешок землянина заметно уменьшился.

— Если ты не будешь смотреть, куда идешь, — сурово сказал Ньюн, — достанешься буроверу, а он не будет тебя кормить и укрывать, как мы.

Человек посмотрел на него, заметив на лбу Ньюна свежую царапину — память о встрече с цветком ветра. Ньюн не думал, что землянин забудет его вчерашние слова о том, что кел'ен не понесет вещи. Угрюмый взгляд Ньюна говорил Дункану: не вздумай напоминать мне о том разговоре.

Но Дункан сказал:

— Я быстро все запоминаю и усваиваю.

Ньюн понял, что среди многих вещей, которые Дункан усвоил здесь, была и вежливость кел'ейнов.

20

Воздух был невообразимо удушливым. Страх регулов наполнял его. Было темно, горели только лампочки двух пультов и аварийного освещения. Энергия была отключена. Завод питьевой воды полностью бездействовал. Правда, воду можно было отыскать на Кесрит, но регулы не были уверены, что они ее найдут, а к тому же они не торопились выходить на зараженные территории.

Хулаг еще не распорядился сделать это. Он прикажет, Ставрос в этом не сомневался, когда его самого будет мучить жажда.

Тележки ездили только на батареях. Батарей было мало, но у Ставроса и Хулага — старейших — было сколько угодно энергии, пищи и воды. Ведь молодые должны поддерживать старших. Ставросу стало немного жаль секретаря Хаду, который распределял жалкие остатки пищи и воды среди трех сотен молодых регулов. Помещение, где они находились, было таким крохотным, что молодым регулам было негде спать, но тележки могли здесь разъезжать свободно. Юнцы уступали им дорогу с почтением, которое граничило с

поклонением. Но ведь в старших была вся их надежда на спасение. Они почти не разговаривали, с надеждой глядя на Хулага.

А иногда Ставрос замечал, что некоторые из них, заснув, уже больше не просыпались.

«Бай, — просигналил он, медленно набирая на экране буквы регулов, — мне кажется, что некоторые молодые регулы больны."

Огромное тело Хулага перегнулось через край тележки, а затем вновь опустилось на сиденье.

— Нет, уважаемый, они спят. Они будут спать, пока не придет помощь. Они меньше потребляют в таком состоянии.

А спящих молодых регулов становилось все больше и больше, пока не уснули почти все.

Сам Хулаг временами тоже начинал засыпать, но тут же вскакивал и, ругаясь, звал Хаду:

— Еды! — кричал он. — И побыстрее, безмозглый идиот!

Густой, остро пахнущий суп был предложен и Ставросу, но от одного вида супа того чуть не стошнило. Он отказался. Это встревожило Хаду, но он отдал порцию Хулагу, и густой, похожий на пасту, суп, быстро исчез в тонкогубом рту бая.

— Почему ты не ешь? — спросил Хулаг.

«Мне не нужна еда, — ответил Ставрос и тут

же чистосердечно добавил: — Ваша пища мне не подходит, но я могу пить сой."

Хада сразу бросился исполнить пожелание Ставроса. В его готовности услужить было что-то ненормальное, патологическое.

Он вложил чашку с горячей жидкостью в здоровую руку Ставроса и склонился перед ним.

Хулаг засмеялся. Его смех был похож на шипение.

— Иди, птенец, и сядь вместе с другими юношами.

И Хада униженно повиновался и поплелся туда, куда ему было приказано.

— Хада знает, — объяснил Хулаг, который из-за долгого пребывания вместе сделался вежливым и даже приветливым, хорошо понимая, что в сложившейся ситуации ему следует во всем угождать Ставросу, — Хада знает, что если ожидание продлится еще, то рацион станет еще меньше, и он уже экономит. Но я прощаю его. Если он будет и дальше таким же услужливым, я, возможно, оставлю его в живых. Я могу сохранить жизнь. Я могу убить. Это все мое.

Как и корабль, понял Ставрос.

«Прими мои соболезнования, бай."

— Прими и ты мои соболезнования по поводу

утраты твоего собственного юноши. — И огромный паук, вздохнув, скрылся в своей тележке.

Ставрос, тележка которого стояла нос к носу с тележкой Хулага, пытался работать левой рукой, пальцы которой еле двигались. Правая рука сжалась в кулак. Он уже перестал бояться, что паралич распространится дальше, но и не надеялся уже, что полностью выздоровеет.

Сожаления Хулага были, несомненно, честными и искренними, однако нельзя было сказать с уверенностью, что регулы не приложили ко всему случившемуся свои руки. Прикрыв глаза, Ставрос рассматривал сонного Хулага. Теперь, когда они оба оказались запертыми в убежище, стало очевидно, что Хулаг имеет какое-то отношение к исчезновению Дункана, а Ставрос, напротив, совершенно неповинен в гибели корабля бая и его регулов.

У регулов жизнь или смерть юных полностью зависели от желания старшего, и за каждую провинность их могли убить. Но утрата всех молодых регулов позорным пятном ложилась на старшего, так что у Хулага были все основания заботиться о жизни оставшихся молодых регулов.

Ставрос все еще верил, что регулы не лгут, но убить они могли запросто. Его же они, с одной

стороны, боялись, а с другой — надеялись на его помощь.

Ставрос начал понимать бая Хулага, который сильно провинился перед своим родом, но, как и любой по-настоящему крупный торговец, хотел и здесь не упустить своей выгоды, заключив удачную сделку с землянами. Основная же прибыль в этой сделке должна была достаться землянам.

Но при этом, — решил про себя Ставрос, — регулам придется рассчитаться и за офицера планетарной разведки, который сыграл во всем этом куда более важную роль, чем он сам. Он не любил своих детей, которых видел редко, так как вел замкнутую жизнь на Килуве, затем работал в правительстве и в университете. Он считал, что есть более важные дела, чем размышления о своих женах, детях, внуках, правнуках. Но одни искали с ним связи, потому что быть в родстве с килуванцем престижно, а другие ненавидели его за это.

Однако Дункана ему не хватало. Дункан начал служить под его началом, как и многие другие, кто знал Ставроса, из-за денег. Но характер Дункана напоминал Ставросу его самого, и старик полюбил его.

И вот Дункан пропал, и Ставрос не знал, как

выразить свое горе, которого регулам никогда не понять. И к своему счету за Килуву, который он собирался предъявить регулам, Ставрос теперь добавил еще и Дункана.

Но он не жалел, что отпустил Дункана. Цена оказалась слишком высокой, но регулы теперь стали в полной зависимости от милости землян. И это очень нравилось Ставросу. Это была частичная расплата за Килуву.

Полная расплата придет, когда бай Хулаг полностью передаст ему правление, и Ставрос займется составлением соглашения между родом Аланей и землянами. Эту месть увидят и Килува, и сам Хулаг. Ставрос был килуванцем, и в его рассуждениях была строгая логика: Килуву уничтожила раса, именуемая регулами. Но в уничтожении Килувы виновата не вся раса, а один из родов — род Хольнов, представителей которого уже нет на Кесрит.

Многие из них погибли на «Хазане». Но Ставросу этого было мало — ему не нужна была кровавая месть; он хотел, чтобы род Хольнов потерял всякую власть среди регулов, перестал быть могущественным.

И Хулаг, руководимый им, и все человечество, должны стать инструментами его мести.

— Старший, — заговорил наконец Хулаг, — ты действительно будешь командовать землянами, которые прибудут сюда?

«Если, конечно, не вмешаются мри и не начнут войну, — ответил Ставрос, — то я буду руководить всеми силами, размещенными на Кесрит."

— Мри больше не помешают нашим отношениям, — сказал Хулаг. — Их нет. Мри больше нет.

Это было что-то новое. Ставрос зажег на экране знак вопроса.

— Корабль, на котором находились все оставшиеся в живых мри, уничтожен. Мы избавили Вселенную от этой чумы, которая поддерживала войну между нами.

Хулаг ждал, пока Ставрос обдумает сказанное. Сначала Ставрос возмутился подобным бесцеремонным уничтожением мыслящих существ, потом подумал, что все это ложь — но регулы не лгут. Он начал обдумывать, какие возможности откроются перед землянами с исчезновением мри, и нашел, что они огромны.

— Само собой, — сказал Хулаг, — теперь нужно упорядочить отношения между регулами и землянами. Род Аланей может оказать вам большую помощь в этом.

Ставрос во второй раз испытал шок. Такая ре-

акция была вызвана моралью землян, которой Хулаг не мог понять. Ему даже в голову не приходило, что земляне могут отказаться иметь дело с родом, который совершил гнусное предательство и требовал за это плату. Род Аланей испытывал большие затруднения — и финансовые, и политические. Хулаг пытался найти соответствие между могуществом, которым он обладал, и богатствами, которых он желал.

«Земляне недовольны договором с Хольнами, — ответил после некоторого раздумья Ставрос. — Необходимо заключить новый договор, который учитывал бы интересы обеих сторон."

Губы Хулага расплылись в улыбке. Мягкое шипение показало, что он доволен.

— Мы вместе подумаем над этим, Ставрос, — сказал он. — Мы подумаем, дорогой Ставрос.

И он разбудил Хаду и приказал подать сой, который специально для Ставроса велел подсластить.

Но Хада вернулся неожиданно быстро, возбужденно размахивая руками.

— Корабль! — выдохнул он. — Старшие, корабль землян, раньше… получено сообщение…

Хулаг жестом оборвал молодого регула. Губы его были раскрыты, ноздри трепетали: Ставрос

знал, что это признак возбуждения. Если перевести поведение бая на язык землян, то Хулаг нервно улыбался, пытаясь сохранить хорошую мину при плохой игре.

— Ты, конечно, захочешь приветствовать своих землян и объяснить им ситуацию, — сказал бай Хулаг. — Скажи им: мы очень сожалеем, что порт находится в таком состоянии.

«Все будет в порядке, — ответил Ставрос. Он сам был встревожен, но хорошо понимал, как важно сейчас успокоить Хулага, и держал себя в руках. — Поверь, тебе нечего опасаться, если твои юноши останутся спокойными и не будут ни во что вмешиваться."

И он развернул свою тележку, чтобы ехать в центр связи убежища следом за Хадой Сураг-ги, который, как и подобало молодому регулу, почти бежал впереди.

Распахнулись огромные двери убежища, ударили сильные прожектора и в полутемном помещении появились фантастические силуэты землян, одетых в скафандры, пробиравшиеся среди спящих регулов. Двери из предосторожности снова закрыли. Один из землян взглянул на счетчик, чтобы проконтролировать наличие радиации в убежище. Бодрствующие регулы

поспешили освободить им путь, возбужденно перешептываясь.

Ставрос в своей тележке выехал вперед, посмотрел на землянина в скафандре и увидел за стеклом шлема удивленное лицо.

— Консул Ставрос?

Табличка на скафандре сообщила, что это Галей, лейтенант.

— Да, — ответил Ставрос, а затем снова перешел на общение с помощью экрана, так как предполагал, что его искаженная речь будет непонятна лейтенанту. — Говори со мной как обычно и смотри на экран. Будь почтителен с регулами. Их необходимо куда-то переправить, если ты не можешь гарантировать нормальную работу в здании.

— Сэр, — сказал Галей. Казалось, ситуация очень озадачила его, но затем он взял себя в руки. — Здесь командуете вы. Какие будут приказания? Боюсь, что основной проблемой будет недостаток энергии. Мы можем выслать рабочую партию: здесь загрязнения небольшие, но в порту есть несколько горячих точек. Орбитальная станция повреждена. Вам лучше эвакуироваться.

«Нам можно вернуться в здание и жить в нем?"

— Это здание? Да, сэр. Кажется, можно.

«Тогда мы остаемся. Погода здесь непредсказуема. О моем отдыхе уже позаботились."

— Мри, сэр… Нам неясно, что здесь произошло, — сказал Галей.

«Возникли кое-какие трудности, лейтенант Галей. Но мы справимся с ним. Объясни своим людям, что мы можем нормально работать в этом здании. Радиостанция находится за этой дверью. Извини, я не пойду с тобой."

— Да, сэр, — сказал Галей и, отдав честь ему и регулу, повернулся. Его сопровождающий приступил к своим обязанностям, надев наушники, чтобы стоящий рядом регул не смог подслушать переговоры с кораблем.

— Тут одни юноши, — заметил Хулаг. — А старшие есть с ними?

Ставрос понял, что он имеет в виду: не сможет ли кто-нибудь помешать им заключить соглашение.

«Бай Хулаг — это старший над юношами, который командует ими, а он, как ты должен помнить из договора, во всех административных делах на Кесрит подчиняется мне. Единственное, где могут пересечься моя и его власти, это…"

— И что же это?

«Мой пропавший помощник — офицер. Бай прибывшего корабля может решить, что поисками Дункана лучше заняться ему. Ведь это будет для него удобный случай проявить свою власть. Естественно, мне не хотелось бы этого. И мне кажется, неплохо было бы запастись каким-нибудь объяснением."

Ноздри Хулага затрепетали.

— Мы можем направить поисковую партию в Долину Дусов, где произошло столкновение моих регулов и мятежного мри. Все это очень неприятно, но если мы найдем…

Ставрос посмотрел на бая, не скрывая тревоги.

«Значит, ты полагаешь, что мой помощник мертв?"

— Вполне возможно.

«Но если он жив, один из твоих регулов может успешнее провести поиск, чем офицер с прибывшего корабля. Возможно ли это, бай? Это укрепит мою власть здесь и будет способствовать соглашению между нами. Ведь потерявшийся помощник может и найтись. Безусловно, он молод, но очень полезен, и мне хотелось бы, чтобы он нашелся живым."

Бай обдумал все сказанное.

— Да, — сказал он. — У меня есть регул, который

хорошо знает местность. Так что все это можно запросто устроить.

«Благодарю. Мне необходимо отдать распоряжения о посадке корабля», — и Ставрос повернул тележку, чтобы ехать к Галею, слыша, как за его спиной Хулаг подзывает Хаду Сураг-ги.

Ставрос слишком долго сдерживал себя и теперь ему приходилось расплачиваться за это. Ему было трудно сосредоточиться на управлении тележкой. В глазах стоял туман. Это было непривычно. Но он держал все свои эмоции под контролем, пока не доехал до Галея. Тот, казалось, не знал: то ли предложить ему помощь, то ли выразить соболезнования, то ли поздравлять с тем, что Ставрос остался жив.

— Вы здесь один, сэр? — спросил Галей.

«Как ты уже заметил, обстановка сложная. И медлить нельзя. Кораблем командует Кох?"

— Да, сэр.

«Свяжи меня с ним. Мой пульт подключается к главному. Вы можете посадить корабль сюда, чтобы людей хватило для работы на корабле и на планете?"

— Не сразу. Порт полностью разрушен. Но станция в хорошем состоянии. — Галей склонился над пультом и стал неуверенно нажимать незна-

комые клавиши управления.

— Вот, — сказал Ставрос с нескрываемым удовольствием. Он сам подключил все и связался с крейсером «Сабер», который доставил сюда тех, кто должен был основать на Кесрит колонию землян: специалистов и ученых.

И оружие.

Кесрит под его командованием. Среди прибывших нет никого, кто мог бы заменить его. В глубине души Ставрос знал, что ему нужен этот торговый магнат из рода Аланей, и род Аланей нуждается в нем.

Он увидел удивленное лицо офицера связи «Сабера», но оно тут же исчезло, и на экране появилось лицо командира корабля Коха.

— Ставрос? — спросил Кох.

«Мне трудно говорить, — начал он набирать ответ. — Здесь находятся регулы, они в затруднительном положении. Они помогут нам устроиться на планете. Нам нужна пища, питьевая вода."

— Но мы не собирались кормить регулов.

«Непредвиденные обстоятельства. Все решения относительно регулов и Кесрит принимаю я. Ситуация под контролем. Сейчас необходимо найти моего помощника, скорее всего случайно подвергнувшегося нападению мри. Горячие точ-

ки преимущественно находятся в порту. До того, как мы закончим расчистку, я прошу направить сюда военный контингент „Сабера“ под мое командование."

— Конечно, — отозвался Кох. — Вся медицинская служба «Сабера» в твоем распоряжении, если ты прилетишь на станцию.

«Нет. У регулов достаточно хорошая медицинская служба. Ситуация слишком сложная и требует безотлагательных решений. Я чувствую себя довольно неплохо. Я остаюсь губернатором Кесрит. Пришли сюда ученых, военных, весь персонал и оборудование сразу же, как только будет закончена расчистка."

— Может, лучше подождать?

«Сделай, как я прошу."

Последовала пауза.

— Хорошо, — сказал Кох. — С первой партией будет врач.

«На Кесрит, — ответил Ставрос, — врачу придется ждать меня долго."

Кох проглотил и это. Наконец он кивнул, соглашаясь.

— Ты управляешь Кесрит, но команда корабля подчиняется только мне. Ты получишь гражданский персонал, как только мы найдем место

для посадки. Я отправляю в твое распоряжение звездолет «Флауэр». Он чисто исследовательский, а не военный. Ситуация требует немедленного вооруженного вмешательства?

«Нет."

— У вас внизу очень плохая погода.

«Это здесь часто. Подождите. Мы пока поработаем своими силами. Посадка на планету и все торжества — после того, как мы закончим расчистку."

Подъехала тележка. Ставрос услышал ее и моментально переключил экран, чтобы Кох мог видеть их обоих. Он не мог отказать себе в удовольствии понаблюдать за лицом Коха, который впервые видел старшего регула.

«Это бай Хулаг, — сказал ему Ставрос, снова переключая экран. — Если хотите, сэр, самый влиятельный регул. Наше сотрудничество здесь приносит пользу обеим расам."

— Ясно, — медленно сказал Кох. Он с трудом заставил себя остаться у экрана. Он был военным до мозга костей и столкнулся с ситуацией, в которой, как он прекрасно понимал, был бессилен.

— Ты получишь помощь, Ставрос, — сказал он. Довольный Ставрос отключил связь и взглянул на Галея.

«Осмотри окрестности, — приказал он лейтенанту. — И как только ты убедишься, что там безопасно, мы разбудим регулов. Это штат бая. Будьте внимательны к ним, лейтенант Галей."

— Мне сообщили, что район безопасен, — доложил лейтенант. — Здание хорошо защищено, следов радиации в нем нет.

Ставрос облегченно вздохнул.

— Мои юноши, — сказал бай, — постараются пустить завод воды и наладить подачу энергии. — Он махнул огромной рукой. — Хада займется транспортом. Я уверен, что на заводе остались неповрежденные машины.

21

У входа в Сил'атен их встретил дус, охраняющий своего хозяина. Здесь же в камнях лежали полузасыпанные песком останки Эддана. А невдалеке чернел какой-то клубок — скорее всего, то были Лирен и Дебас; рядом в золотистой мантии лежал Сатель.

Мелеин накинула вуаль и отошла в сторону — будучи госпожой, она не имела права смотреть на смерть. Но Ньюн приблизился и с благоговением расправил вуаль у Эддана. И долго после этого он не мог смотреть в сторону Дункана, который нерешительно переминался с ноги на ногу рядом с ним.

Ньюн вымыл руки песком, сделал прощальный знак и поднялся. Дункан тоже сделал какой-то знак: наверное, у землян так было принято прощаться с мертвыми. Ньюн принял это как должное.

— Они сами выбрали такой конец, — сказал он Дункану. — Что ж, это лучше, чем конец тех, что остались.

Затем он отлил немного драгоценной воды,

повернулся спиной к землянину, вымыл лицо и руки, накинул вуаль. Взглянув вверх, он увидел двух дусов, которые спускались вниз. Ньюн сразу же отошел назад.

Его дус стоял рядом, не пытаясь приблизится к троим дусам-часовым, выстроившимся против них. Морды зверей вытянулись, хвосты хлестали по бокам. Затем самый большой из дусов — Ньюн решил, что это дус Эддана — попятился и зарычал, призывая остальных. Но самый молодой из троих нерешительно переминался с лапы на лапу, а затем пошел к дусу Ньюна. Второй тоже последовал за ним.

Старый дус Эддана издал презрительное рычание и пошел прочь от этих дусов-предателей, которых он больше не хотел знать. Ньюн вздрогнул от внезапно обрушившейся на него волны гнева. Но когда он двинулся прочь, с ним пошел не только его дус, но те двое, которые принадлежали Лирену и Дебасу. Эти дусы предали своих хозяев, оставили пост. Они выбрали жизнь, а дус Эддана сохранил верность до конца.

«Ло'а-ни, дус!» — ласково поприветствовал его Ньюн, восхищаясь верностью дуса; но тот испустил мощный предупредительный импульс, который буквально отшвырнул Ньюна прочь.

И Ньюн снова взвалил свою ношу на плечи и зашагал вместе с Дунканом и Мелеин дальше.

Они не говорили о своей находке. Все и так было ясно. Дусы шли впереди них и время от времени один из зверей пробовал подойти к Дункану, но дус Ньюна бдительно охранял их и не подпускал чужих дусов. Скоро те поняли, что этого ци'мри тоже нельзя трогать.

Они были уже у входа во внутреннюю долину Сил'атена, и здесь их поджидал немного другой страж. Ньюн первым заметил воронку в песке и, взяв землянина за локоть, поднял небольшой камешек. Он отошел как можно дальше и сильно бросил камешек в самый центр воронки.

В окружности длиной в двадцать дусов песок взорвался, и буровер, подняв тучу песка со своей мантии, края которой образовывали воронку, снова нырнул в песок немного дальше от того места, где выскочил.

Дункан изумленно выругался.

— Я показал тебе это, — сказал Ньюн, — чтобы ты понял: тот, кто не знает страны и у кого нет дуса, не сможет здесь пройти. Говорят, в великих песках встречаются экземпляры покрупнее, чем этот. Дусы чувствуют их запах. Они чувствуют и другие опасности. Даже мри в одиночку неохотно

ходят в таких местах. Я не думаю, что ты можешь здесь пройти.

— Я понял тебя, — сказал Дункан.

Дальше они шли медленно, вдоль стены утесов, где было безопаснее всего. Они проходили мимо отмеченных камнями замурованных пещер, и причудливые угрюмые скалы Сил'атена отбрасывали жуткие тени на песок, обступали их со всех сторон, отрезая им путь назад.

— Что это за место? — благоговейным шепотом спросил Дункан, когда они подходили к могилам Матерей.

— Нла'ай-мри, — ответил Ньюн. — Сил'атен, кладбище нашего рода.

И теперь Дункан молчал. Он лишь боязливо смотрел по сторонам, изредка оглядываясь назад, где ветер заметал их следы, возвращая пустыне ее истинный вид, словно они и не проходили здесь вовсе.

Теперь их вела Мелеин. Она шла впереди их небольшого отряда, положив руку на спину дуса, которому, похоже, это очень нравилось. Они направлялись в глубину каньона, где Ньюн никогда не бывал; они проходили мимо пирамид камней, обозначающих не то могилы Матерей, не то направление пути. Там встречались надписи,

которые Ньюн не мог прочесть, а Мелеин читала и уверенно шла вперед. И хотя она тоже никогда не бывала здесь, Ньюн полностью доверился ей.

Мелеин очень устала, и временами казалось, что она остановилась передохнуть, но девушка переводила дыхание и снова шла вперед. Солнце уже перевалило за утесы и теперь она двигалась в холодной тени. Дус шел впереди, и предупреждал об опасности.

Наконец они добрались до конца ущелья, откуда не было выхода, и Ньюн взглянул на Мелеин. Он не мог понять: то ли она потеряла путь, то ли решила здесь остановиться для отдыха. Но Мелеин посмотрела вверх на еле заметную тропу: Ньюн не видел ее, пока не проследил взгляд девушки. Тропу можно было увидеть только с этого места. Она вела в красные скалы, в лабиринт каменных колонн, подобно гигантским пальцам устремившихся в небо.

— Ньюн, — позвала его Мелеин, кивнув на что-то за его спиной.

Ньюн оглянулся на Дункана, который, измученный здешним воздухом, отдыхал на своем мешке. Сзади к нему подбирались дусы. Один из зверей протянул мохнатую лапу. Дункан застыл.

— Яй! — крикнул Ньюн, отгоняя любопытно-

го дуса, который сразу же виновато отдернул лапу. Дусы отодвинулись подальше, излучая смятение.

Ньюн тоже испытывал смятение при мысли о том, что им, да еще вместе с землянином, придется забираться в лабиринт, где один неверный шаг может означать гибель для всех.

— Что с ним делать? — спросил он Мелеин на Высшем языке, чтобы Дункан не мог понять их разговора. — Его нельзя оставить здесь.

— Дусы будут охранять его, — сказала она. — Оставь его здесь.

Ньюн хотел возразить, но она, похоже, не слушала его.

— Он пойдет следом за нами, — сказал Ньюн, чувствуя, как в животе у него сжимается клубок страха. Интель ясно видела будущее. «У меня нехорошие предчувствия», — сказала она в тот последний вечер; и он теперь тоже предчувствовал что-то ужасное, с неожиданной ясностью поняв вдруг, что они не смогут вернуться назад. Ему вдруг показалось, будто он потерял что-то важное. Он почувствовал, как землянин все глубже и глубже проникает в его душу.

Он не хотел этого. Дункан стал такой же неотъемлемой частью его мозга, как и умение воевать.

Ньюн взглянул на землянина и содрогнулся, внезапно ощутив неприязнь к нему. Не зная, что делать, он машинально нащупал пистолет.

Но он был кел'еном, честью Народа, и не мог хладнокровно убить беззащитного врага; а Мелеин не приказала ему убить Дункана, что могло бы облегчить его совесть.

И когда Дункан взглянул на него, Ньюн быстро убрал руку с кобуры, желая скрыть и свои мысли, и свое действие.

— Идем, — сказал он. — Идем, нам нужно забраться наверх.

Он начал взбираться первым и сразу понял, что Мелеин не сможет подняться по этой узкой тропе, где давно никто не ходил. Он закрепился на камнях и протянул ей руку. Здоровая рука Мелеин потянулась к нему. Ньюн осторожно двигался вперед, все время останавливаясь, чтобы помочь ей сделать следующий шаг. Видя лицо девушки, Ньюн понимал, что подъем дается ей с большим трудом. Следом за ними шел Дункан, а замыкали шествие дусы. Из-под огромных лап зверей в пропасть сыпались камни, но благодаря когтям и огромной силе дусы спокойно поднимались наверх.

И на полдороге они услышали гул самолета.

Первой его услышала Мелеин, остановившаяся, чтобы перевести дыхание. Она повернулась, указывая на самолет, который кружил внизу, над долиной. С самолета их не могли заметить, поэтому они спокойно наблюдали за ним.

Ньюн смотрел не только на самолет, но и на Дункана, который стоял, прижавшись спиной к камню. Как бы ему хотелось подать сигнал самолету! И он непременно сделал бы это, будь у него хотя бы крохотный шанс остаться в живых после этого.

Значит, они не одни на планете.

— Пойдемте дальше, — сказала Мелеин. — Нужно убраться отсюда побыстрее, пока нас не заметили.

— Идем, — резко сказал Ньюн Дункану с такой внезапной ненавистью, что Дункан покорно повернулся и последовал за ними, мысленно расставшись со всякой надеждой на спасение.

Поворачиваясь, чтобы помочь Мелеин, Ньюн смотрел на небо, но самолета нигде не было видно. И все же это не успокаивало. Тот мог появиться над ними в любой момент, перелетев через едва прикрывавшие их утесы.

И к его облегчению, когда они добрались наверх, перед ними открылся пологий спуск. Тропа

виляла между каменными столбами, которые в лучах заходящего солнца казались багрово-красными. Здесь гулял сильный ветер, который гнал облака между столбами и заметал их следы.

У Дункана снова начался кашель, который прекратился лишь когда он смог успокоить дыхание. Они находились на высокогорье, где воздух был более сухим, чем в долине; здесь никогда не выпадали дожди, лишь ветер гнал тучи песка. Внизу раскинулось море — Дзе'асач, но оно было таким же крохотным и безжизненным, как Алкалинское море, на побережье которого раскинулся город регулов; а за морем тянулась горная гряда — Догин, цепочка источенных ветрами скал, которые, правда, были еще достаточно высокими. Эта гряда преграждала путь ветрам, направляя их в долины и создавая там ужасные бури.

Тучи, что сейчас проносились над ними, почти касаясь их голов, несли в себе воду, которая обрушится на глубокие долины планеты. Здесь можно было не бояться бурь, но зато не было надежды пополнить запасы питьевой водой. Их ждал лишь трудный и опасный путь под черным небом.

Гул самолета возник внезапно. Ньюн втолкнул землянина и дусов в черную тень скалы — Мелеин сама нашла себе укрытие. Если с самолета

и увидят что-нибудь, это будет всего лишь дус — огромный горячий силуэт на экранах их приборов — обычное зрелище в пустынях Кесрит. Если они будут стрелять по каждому дусу, у них просто не хватит боеприпасов.

Самолет улетел. Ньюн, крепко державший землянина за одежду, не давая ему шевельнуться, отпустил его и перевел дыхание.

— Мы можем немного отдохнуть, — сказала Мелеин усталым голосом. — Нам еще далеко идти. Я должна отдохнуть.

Ньюн, взглянув на нее, заметил, как она измучилась и устала. Все время, пока они поднимались, он чувствовал ее боль, словно свою собственную. А им нельзя было отдыхать подолгу. Это его очень удручало — он знал, что Мелеин идет из последних сил.

А без нее все будет напрасно.

Он вытащил одеяло и расстелил его рядом с дусом, поближе к его теплому удобному боку. Ньюн обрадовался, увидев, что она приняла его предложение и улеглась, наслаждаясь теплом и покоем. Страдальческая морщина, перерезавшая ее лоб, постепенно разглаживалась.

— Я скоро буду в порядке, — сказала она, коснувшись его руки.

И вдруг глаза ее расширились. Ньюн резко обернулся и увидел, что Дункан исчез, растворился во тьме между каменными столбами.

Ньюн выругался и бросился за ним, слыша рычание кинувшихся следом дусов. Он обогнул колонну, остерегаясь засады, — со стороны землянина это было бы глупейшим поступком, — но засады не было.

Дункан словно растворился.

Он оставил Мелеин одну! При мысли о том, что землянин может вернуться к ней, раненой, беспомощной, Ньюна прошиб пот.

Потом он услышал вой дуса, взявшего след, и скоро крики возвестили, что добыча уже видна. Ньюн, восславив богов своей касты, с пистолетом в руках бросился на крик.

Он догнал Мелеин, которая вместе с дусом бежала в ту же сторону. Они одновременно оказались там, где дусы уже настигали землянина.

— Яй! — крикнул Ньюн, не давая дусам приблизиться и убить. Звери сразу остановились, позволяя забравшемуся на карниз Дункану спуститься вниз, но землянин по-прежнему цеплялся за скалу. Вуаль он потерял во время своего сумасшедшего побега; на его измученном лице застыла ярость. Он задыхался от кашля, из носа

текла кровь.

— Спускайся, — сказала Мелеин.

Но он не подчинился. Ньюн полез за ним, оттолкнув дусов. Дункан попробовал забраться еще выше, сорвался, потом сел и опустил голову на руки.

Ньюн, схватившись за ремешок фляги с водой, вырвал ее из рук землянина. Потом дал тому немного отдышаться, поскольку и сам устал.

— Это был хороший побег, — сказал Ньюн. — Но в следующий раз я убью тебя. Просто чудо, что тебя не разорвали дусы.

Дункан поднял голову, челюсти его были гневно сжаты. Он презрительно пожал плечами, но затем снова зашелся в мучительном кашле.

— Ты хотел подать сигнал самолету, — сказала Мелеин, — чтобы он прилетел и уничтожил нас.

Дункан пожал плечами, поднялся на ноги и двинулся за ними. Дусы были очень возбуждены охотой и недовольны, что им не позволили разделаться с добычей; и Ньюну пришлось идти между ними и землянином. Мелеин замыкала процессию, возвращающуюся туда, где они оставили весь свой груз.

Там они снова устроились на отдых — охота одинаково измучила и охотников, и добычу.

Ньюн задумчиво смотрел на Дункана, размышляя, что бы тот мог натворить, оставшись на свободе.

Здесь была Мелеин, беспомощная из-за своего ранения.

И здесь поблизости кружил самолет, ожидая любой их ошибки. Стоило кому-нибудь из них неосторожно выйти на открытое место, как их моментально обнаружат и разделаются с ними.

— Закрой свое лицо, — приказал Ньюн.

Дункан угрюмо посмотрел на него, и хотя ему явно не хотелось выполнять приказ, опустил голову, одел вуаль, расправил ее и взглянул на Ньюна.

Дус зарычал и двинулся на него.

— Яй! — приказал Ньюн, и дус неохотно повиновался. От гнева дуса кровь кел'ена вскипела, но он сдержал себя. Он должен быть выше зверей, ведь он разумное существо.

Дункан отодвинулся в сторону, отвернулся и уставился на камень перед собой.

— Пойдем дальше, — немного погодя сказала Мелеин. Она с трудом, превозмогая боль, поднялась на ноги; внезапно она пошатнулась, и Ньюн поспешил поддержать ее.

Но она оперлась о тело дуса, и тот двинулся

вперед, помогая идти ей. Они шли медленно и осторожно. В такой темноте, среди голых скал, можно было довериться только дусу.

Ньюн собрал фляги с водой и оставил Дункану всю остальную ношу. Он велел ему идти быстрее, и вскоре Дункан уже шел между двумя дусами, торопясь, чтобы не потерять во тьме фигуру идущей впереди Мелеин.

Огромные туловища дусов, не чувствительные к яду цветка ветра, служили им хорошей защитой и от других опасностей. Лишь они могли отважиться идти по этой местности после наступления темноты, и тьма расступалась перед ними, смыкаясь перед их преследователями.

Долгий путь привел их на открытую площадку, над которой мчались рваные облака. Они почти бегом преодолели ее, прячась за редкими каменными глыбами, когда вдали слышался гул самолета.

Самолет приближался. Дункан с надеждой взглянул в небеса, а затем оглянулся назад и увидел, что Ньюн вытащил ав'тлен; острая сталь тихо прошелестела о ножны.

Они смотрели друг на друга, пока самолет не сделал над ними круг и не скрылся вдали. Ньюн привычным движением вложил оружие

в ножны.

— Кто-то, — сказал Дункан неожиданно хриплым голосом, — кто-то знает, где искать тебя. Я думаю, что земляне этого знать не могут.

Ледяной холод сжал сердце Ньюна. Он взглянул на Мелеин.

— Мы не можем больше останавливаться для отдыха, — сказала она. — Они не должны найти нас здесь. Нам нужно прийти на место до рассвета и успеть уйти оттуда. Поторопись, Ньюн.

Ньюн мягко толкнул Дункана.

— Идем.

— Это из-за нее? — Дункан кивком указал на Мелеин. — Это из-за нее регулы не оставляют тебя в покое?

— Этого не может быть, — уверенно сказал Ньюн. Но потом в его мозгу с ужасающей ясностью вспыхнула мысль. Он оглянулся на Мелеин и заговорил с ней на Высшем языке. — Не может быть, чтобы они охотились за нами. Они не могут знать, что мы живы. Что для них каких-то двое мри, если остальные мертвы? И как регулы могли пробраться в развалины эдуна и узнать, что кто-то из нас жив? Они не могут карабкаться по руинам. Это земляне, проклятые земляне! У Дункана в городе остался хозяин, и именно из-

за Дункана регулы гонялись за мной в долине. Регулы до сих пор выслеживают нас. Регулы и земляне объединились против нас.

В глазах ее засветилась тревога.

— Идем, — внезапно сказала она. — Идем быстрее. Я не знаю, что с ним делать, но нам некогда заниматься им сейчас.

— О чем вы говорите? — послышался хриплый голос Дункана. Возможно, он понял смысл некоторых слова, а, может, заметил взгляд, брошенный в его сторону. Ньюн с тревогой посмотрел на землянина и подумал, что Дункан догадывается, как мало его жизнь означает для них.

— Идем, — снова сказал Ньюн и подтолкнул Дункана, уже отнюдь не мягко. Дункан, забыв о своем вопросе, молча пошел туда, куда ему приказали.

Если эта охота идет из-за Дункана, и регулы хотят освободить его, — подумал Ньюн, — то Дункана следует отдать регулам, но так чтобы поиски прекратились, чтобы Дункан не рассказал регулам, что госпожа мри жива.

«О боги!» — с горечью подумал Ньюн. Видимо, все ведет к тому, что на его голову падет убийство и бесчестье, но другого пути он не видел.

Но самолет больше не появлялся, и Ньюн забыл

о Дункане, из-за которого их путешествию угрожал провал, и о том, что придется совершить ему самому, если угроза станет реальной.

Дважды, несмотря на протесты Мелеин, они останавливались для отдыха, и каждый раз, если Ньюн задерживался подольше, давая отдохнуть девушке, она настаивала, чтобы они двигались дальше. И она снова шла вперед, опираясь на руку Ньюна, шатаясь и еле удерживаясь от падения. Ноги ее подкашивались.

После полуночи они вошли в тесное ущелье, которое причудливо извивалось между странных угрюмых скал. Они двинулись вперед. Ущелье становилось все уже, скалы угрожающе нависали над их головами. Здесь царила кромешная тьма, куда более темная, чем ночь снаружи.

— Зажги свой фонарик, — сказала Мелеин. — Мне кажется, что камни сомкнулись у нас над головой.

Ньюн включил фонарик Дункана. Тоненького луча света едва хватало, чтобы осветить почву под ногами. Узкий извилистый коридор уводил их все ниже и ниже, пока наконец у них над головами не появилось небо. После кромешной тьмы ущелья ночь показалась им солнечным днем. Здесь стены ущелья расширились; их украшали

те же древние символы, что были начертаны на стенах эдуна.

Идущий впереди дус попятился и зарычал. Его рычание гулким эхом разнеслось по ущелью, и Ньюн направил луч света влево, на дуса. Там в стенной нише виднелась груда костей и в истлевших черных лохмотьях.

Могила стража.

Ньюн с благоговением коснулся лба, почтив память незнакомого кел'ена. Заметив, что Дункан чересчур близко подошел к священному месту, он грубо оттащил его назад. Затем Ньюн направил луч света на Мелеин, которая стояла у входа в пещеру. Вход был завален камнями и запечатан ладонью стража, который оставил здесь свою жизнь.

Мелеин поклонилась священному месту и затем внезапно повернулась к Дункану, устремив на него угрюмый взгляд.

— Дункан, не смей заступать за могилу стража, иначе ты умрешь. Стой здесь и жди. Ничего не трогай, ничего не делай. Никуда не смотри. — И затем повернулась к Ньюну. — Разбери вход.

Он отдал ей фонарик и принялся раскидывать камни, которые страж много лет укладывал и охранял. Это было святилище, которое кел'ен

обязан охранять до самой своей смерти. Ньюн знал, на что обрек себя этот кел'ен. Он не мог далеко отойти от своего поста, а когда вокруг не осталось пищи и воды, когда болезни и старость стали наступать на одинокого кел'ена, он заполз в приготовленную нишу, чтобы умереть. Он до конца выполнил свой долг, и теперь его дух вечно витал в этом мрачном ущелье.

И, может, сама Интель стояла здесь и благословляла закрытие входа в пещеру, и поцеловала отважного стража в лоб, и приказала ему оставаться здесь до конца.

Это был один из кел'ейнов, прибывший с ней с Нисрена сорок лет назад, когда Пана попали на Кесрит.

Камни легко откатывались прочь, и вскоре Мелеин уже смогла пробраться ко входу и вступить в холодную пещеру. Луч фонарика в ее руках пробежал по стенам, исписанным древними письменами, в которых были заключены тайны Святая святых, и древними загадочными символами. Ньюн мельком увидел это, а затем упал на колени. Лицо его прижалось к земле, ему было стыдно, что он увидел то, чего не должен был видеть. Некоторое время он слышал легкие шаги Мелеин в пещере, а затем все стихло. Но он бо-

ялся пошевелиться. Он посмотрел на Дункана в дальнем конце ущелья, на дусов возле него. Они тоже стояли неподвижно.

Он ждал, и жуткий холодный страх охватывал его, заставляя дрожать его тело.

Если она не вернется назад, он должен будет спокойно ждать ее. Но из пещеры не доносилось ни звука.

Один из дусов зарычал, не выдержав напряженного ожидания. Затем он снова замолк и надолго воцарилась тишина.

Ньюн услышал шорох в пещере, какой-то повторяющийся звук. Наконец он понял, что это всхлипывания, сначала еле слышные, а затем все усиливающиеся, все более громкие.

— Мелеин! — громко крикнул он, устремив взгляд в это святое, запретное для него место. Какие-то тени двигались в пещере, мягкие пятна света. Его голос прокатился по ущелью и взбудоражил дусов. Ньюн вскочил на ноги, он ужасно боялся идти и еще больше боялся не делать этого.

Звуки прекратились. Вновь наступила тишина. Он подошел к самой двери, положил руку на нее, изо всех сил заставляя себя войти. И затем где-то в глубине он услышал легкие шаги, услышал, что

она жива и не призывает его. Он ждал, дрожа.

Внутри что-то двигалось. Эти звуки издавали какие-то механизмы. Они заглушали все, но временами Ньюн ясно слышал шаги Мелеин. Он вдруг с ужасом вспомнил, что совсем забыл о Дункане, и тут же повернулся к нему.

Но землянин стоял на месте, не переступая границу, установленную для него Мелеин. Он не пытался бежать.

— Сядь, — резко приказал Ньюн. И Дункан сел на землю прямо там, где стоял. Ньюн выругал себя: думая о Мелеин, он совсем забыл о том, что она поручила ему. Ведь он вручил Дункану их жизни. Ньюн сел на песок так, чтобы видеть и Дункана, и вход в святилище. Он обнял колени руками, стиснул их и ждал, внимательно прислушиваясь.

Ожидание длилось очень долго, и встревоженный Ньюн много раз изменял свое положение. Ему казалось, что время близится к рассвету, хотя небо над ним было по-прежнему черным. Из святилища очень долго не доносилось ни звука.

Не выдержав, Ньюн снова поднялся, намереваясь войти в пещеру, но затем убедил себя, что ему нельзя туда входить. Он нетерпеливо прохаживался по небольшой площадке, изредка

поглядывая на землянина, который ждал, не сходя с места. Глаза Дункана были темными.

Снова послышался шум шагов. Он повернулся и увидел в дверном проеме тоненький луч света. Увидел темный силуэт Мелеин с маленьким фонарем, которая сжимала что-то в руках.

Ньюн подошел как можно ближе к двери, не рискуя войти в пещеру, и увидел, что она несет какой-то футляр, овоид, сделанный из блестящего металла. На футляре была ручка, но Мелеин несла его как ребенка, обеими руками прижимая к груди, словно драгоценность, хотя она шаталась под его тяжестью, спотыкаясь о камни, будучи не в силах перешагнуть их.

— Возьми это, — сказала она слабым, еле слышным голосом, с трудом удерживаясь на ногах. Вконец обессиленная свой ношей, она вложила футляр в руки Ньюна. Он был холодным, и внутри его находилось что-то странное, и Ньюн вздрогнул, прижав его к себе.

Увидев ее лицо, он снова похолодел. В струившемся из пещеры красноватом свете, он заметил, что по лицу ее текут слезы. В святилище метались какие-то неясные тени. Мелеин обернулась, чтобы бросить последний взгляд вглубь пещеры, и затем повернулась к Ньюну, глядя на него словно

из невообразимой дали.

— Мелеин, — хотел сказать он, но не мог. Она еще была Мелеин, сестра, но в ней было что-то еще, и он не знал, как назвать ее, как вернуть обратно. Он отшатнулся, испугавшись сиявшего за ней красноватого света. Мелеин взяла футляр, перешагнула через камни входа и вместе с Ньюном вышла наружу. Кожа ее была холодной. Рука ее безжизненно соскользнула с руки Ньюна, когда его поддержка была уже не нужна.

Дункан ждал, слегка отступив назад и глядя на свет за их спинами, который становился все ярче. Возможно, он понял, что уничтожено нечто невообразимо ценное. Потрясенный и изумленный, он смотрел на свет.

Остался только странный холодный овоид. Ньюн нес его обеими руками, следуя за Мелеин. Он понял, что в его руках находится Пана, имя которой его каста без дрожи не могла даже произносить, и которую кел'ейны никогда не видели, а он нес в руках.

Тот кел'ен, который охранял ее здесь и во имя этого обрек себя на смерть, чтобы сохранить ее тайну нераскрытой, тот благородный мри, действующий в соответствии с древними традициями, кел Перехода, даже не мог предположить,

что эта святыня окажется в руках Ньюна с'Интель.

Ньюн собрал все свое мужество, чтобы нести Пана, потому что благодаря ей Мелеин обрела могущество: он свято верил в это. В его глазах она лишь наполовину была госпожой. Ее вынудили к этому печальные обстоятельства. Но теперь он знал, что все необходимые ритуалы свершились, что Интель передала ей все необходимое. Госпожа — теперь он мог называть ее так, ибо она знала Тайны. Она оставалась с Пана один на один и понимала то, что кел'ен не способен был понять. Но он не завидовал этому знанию, звук ее горестных рыданий все еще стоял в его ушах.

Но она знала, она руководила, и, следовательно, он доверяет ей.

Они ушли. Они, землянин, и дусы. Дым уже повалил из пещеры, поднимаясь высоко в небо. Пламя раскалило стены, и жар уже обжигал их. Они вступили на ту же дорогу, которая привела их сюда, в холодный мрак.

22

В первый день работы Ном заполнили земляне. Ставрос наслаждался шумом и кипучей деятельностью землян, по которым он так соскучился среди медлительных сонных регулов. Непрерывно приходили сообщения. Земляне уже приступили к работам по восстановлению завода питьевой воды, по ликвидации последствий бури и взрыва.

А в том месте, которое было признано пригодным для посадки корабля, разместил свое приземистое тело «Флауэр». Он стоял на противоположной от порта окраине города. Это был небольшой корабль, для посадки которого не требовалось огромной площадки. Он предназначался для автономных полетов и имел собственную систему жизнеобеспечения.

Хорошо, что в состав экспедиции догадались включить несколько таких кораблей, пускай даже те не были приспособлены для военных действий. «Сабер», огромный, достигающий километра в длину корабль, все еще оставался у орбитальной станции. Он не мог сесть на Кесрит,

пока для него не будет приготовлено место.

«Флауэр» [Flower — цветок], напоминавший скорее, несмотря на свое название, неуклюжую раковину, был на самом деле отнюдь не хрупким; лишенный выступающих крыльев корабль выглядел довольно некрасивым, но зато мог использоваться в самых разнообразных условиях и не требовал для посадки и обслуживания сложного и громоздкого оборудования.

Корабль привез техников, ученых, которые сразу же принялись за работу: копались в оставшихся на Кесрит записях, брали пробы воздуха, воды, почвы, делали все, чтобы обеспечить землянам сносное существование на этой суровой планете.

Когда началась работа, бай Хулаг сказал:

— Мы очень сожалеем о разрушениях в городе и порту, которые произошли в результате катастрофы. Мы сделаем все, чтобы помочь вам.

Молодые регулы не хотели сотрудничать с землянами. Они предпочитали работать своими небольшими группами, не скрывая, что с удовольствием бы покинули Кесрит, чтобы поскорее оказаться в безопасности среди своих.

Бай Хулаг отобрал нескольких для работы в своей канцелярии в Номе. И когда они появляясь

среди землян, с их лиц не сходили угодливые улыбки — юные регулы панически боялись своего бая.

Так продолжалось до тех пор, пока не обрушилась буря и не появились дусы.

Первое сообщение пришло с завода питьевой воды, где работала группа Галея, который сообщил на «Флауэр», что с гор спускается громадная стая каких-то животных. «Флауэр» подтвердил это и передал информацию биологам и Ставросу.

Ставрос в своей тележке двинулся в дальний конец Нома к пункту наблюдения. Там, пощелкав переключателями на пульте, он не выдержал, и, перейдя на ручное управление, выехал на тележке на улицу.

Сильный ветер обрушился на него. Черные клубящиеся тучи мчались по небу, заполняя все пространство до горизонта. Повсюду вокруг города, насколько хватало глаза, сидели дусы.

Ставроса била дрожь, не имевшая никакого отношения к пронизывающему ветру и острому раздражающему запаху дождя. Он сидел в тележке, ветер трепал его седые волосы. Он видел «Флауэр», громоздящийся на вершине холма, видел завод питьевой воды, и машины, которые торопились укрыться от приближающейся бури,

и самолеты, заходящие на посадку, чтобы буря не застигла их в воздухе. Это будет чудо, если все успеют укрыться, если никто не пострадает. Он в гневе стиснул руки, предвидя новые повреждения; самолеты, перевернутые ураганом, словно детские игрушки — то был труд землян, драгоценное и невосполнимое.

Ставрос переключился на волну «Флауэра» и услышал торопливые команды. То были предупреждения самолетам: облететь фронт бури и совершить временную посадку в каком-нибудь подходящем месте. Ставрос смотрел, как ослепительные молнии прорезали почерневшее небо, как летящие с огромной скоростью зловещие тучи сталкивались между собой в жутком красном свете Арайна.

И дусы, сидящие бесконечными рядами, глядя на землян и ни на минуту не теряя их из виду.

Ставрос вздрогнул, когда первые капли дождя ударили по носу тележки. Нельзя было сидеть в этой металлической коробке, когда воздух насыщен электричеством и в небе беснуются молнии.

Он подал тележку назад, открыл дверь и тщательно запер ее за собой. В динамике по-прежнему звучал возбужденный голос командира «Флауэра». На экране локатора высвечивался

фронт надвигающейся бури, которая перемещалась по берегу моря к городу.

«Флауэр», — заговорил он, прервав их переговоры. — «Флауэр», здесь Ставрос."

Они узнали этот высокий металлический голос, прорвавшийся сквозь помехи.

«Флауэр», дусы, дусы..."

— Мы видим, сэр. К сожалению, мы очень заняты...

Он снова прервал их.

«Флауэр», отгоните дусов! Прогоните их прочь, отгоните их подальше!"

Они поняли приказ. Ставрос сидел в тележке, чувствуя себя потерявшим разум. На «Флауэре» наверняка решили, что он спятил. Но зловещее напряжение в воздухе нарастало. Его кожу покалывало. Он не мог выносить присутствия дусов, наблюдавших за началом бури.

Или вызывавших ее?

Он отказывался верить в это. И все же, поддавшись панике, он приказал «Флауэру» прогнать дусов. Он слышал, как они обсуждают необходимые действия, чтобы выполнить его приказ. У них хватило ума не обсуждать сам приказ; они знали, что Ставрос слышит их. Его кожа покрылась пупырышками, как от холода, он еле сдерживался,

чтобы не застучать зубами. Измученный больной старик, — подумал он, — который слишком долго находился среди чужих.

Он мог отменить свой приказ и заставить их заниматься более важными делами.

Но он не мог заставить себя избавиться от страха перед дусами.

На экранах перед ним заплясали помехи, лишая его возможности связаться с кем-нибудь. В приемнике раздавался непрерывный гул, тон которого становился все выше и выше. Гул перешел в пронзительный свист, от которого заложило уши. Затем свист сделался таким высоким, что ухо уже не могло воспринимать его. Ставрос отключил питание, испугавшись, что его тележка сломалась и он оказался в западне, не способный ни двигаться, ни позвать на помощь.

Он посмотрел в забрызганное дождем стекло. Линия дусов распалась, звери разбегались. Но внезапно Ставрос задрожал, охваченный ужасом: он увидел, что дусы побежали не в горы, а к городу. Они были уже на улицах, они бежали там, где не появлялись еще никогда.

Они нападали.

Помехи по-прежнему оставались.

Из динамика послышался голос регула, до такой

степени искаженный помехами, что разобрать что-либо было невозможно. Связь, прежде работавшая безотказно, то и дело прерывалась. Град барабанил по стеклам, заставляя их жалобно дребезжать. Ставрос начал лихорадочно набирать на пульте команду для опускания штормовых экранов, но те не срабатывали. Он переключил тележку на автономное питание и включил экраны. Они остались темными и безжизненными. Где-то в доме послышался грохот и звон разбитого стекла. Ветер и острый запах дождя наполнили коридоры и холлы Нома.

Ставрос быстро развернулся, попытался двинуться вперед, но перепутал код команды. Его дрожащие пальцы лихорадочно перебирали клавиши.

Наконец он поехал, завернул за угол и очутился в холле, где произошла авария. Выбитое стекло валялось на полу, шторы, развеваемые сильным ветром, оглушительно хлопали. Молодые регулы заполнили холл.

Ставрос не мог говорить с ними — экраны на его пульте бездействовали. Регулы столпились вокруг, о чем-то взволнованно спрашивая. Они ждали помощи, совета от старшего, пусть даже землянина. Ставрос проехал сквозь толпу,

отыскал ведущую вниз лестницу и направился в наиболее безопасную часть здания, где располагалась канцелярия. Здесь холл был пуст. Из динамика по-прежнему доносилось шипение.

Он не без труда проехал в канцелярию Хулага, и увидел, что сам бай в безумной спешке возится с аппаратурой закрытия штормовых щитов на окнах.

На улице напротив окна стоял дус. Поднявшись на задние лапы, зверь обрушил свое огромное тело на тонкий пластик окна. Тот прогнулся, заскрежетав под ударом когтей.

Хулаг в своей тележке отчаянно пытался набрать нужный код и опустить щиты. Ставрос в ужасе смотрел на это нападение зверя. Ни одна дверь в доме не действовала, и они оказались бы в жутком положении, если бы звери ворвались в здание. Окна дрожали.

— Пистолет! — крикнул Ставрос Хулагу, стараясь кричать громко и разборчиво. — Пистолет!

И сам откатился назад. Хулаг, то ли поняв слова Ставроса, то ли сам придя к такому же решению, объехал стол и дрожащими руками достал из ящика пистолет.

Но дус уже ушел; огромная коричневая туша быстро двигалась под дождем через площадь.

Там были и другие звери, которые нервно перебегали с места на место, сбивались в группы, снова разбегались. Они словно забыли, зачем явились сюда. Наконец они рассеялись по городским улицам и исчезли.

Постепенно дождь прекратился, оставив после себя огромные лужи. Внезапно сработали все штормовые щиты и закрылись все окна, хотя буря уже кончилась.

Из динамиков послышались голоса: это снова наладилась связь. Экраны Ставроса автоматически настроились на четкий прием.

— Ставрос, Ставрос, ты слышишь?

«Отлично слышу», — ответил он и прервал связь: перед его глазами внезапно возникла серая пелена, и он мог лишь неподвижно сидеть, медленно дышать, прислушиваясь к натруженному сердцу и гулу в ушах.

Наконец его немного отпустило.

«На втором этаже выбито окно, — сообщил он Хулагу. — Мне кажется, повреждение там."

— Юноши займутся этим.

Ни тот, ни другой не упоминали о дусах. «Флауэр» все еще переговаривался с самолетами, которые вылетели на поиски перед бурей, вызывая их обратно в город.

Один из самолетов ответил. Это был хриплый с сильным акцентом голос Хады Сураг-ги.

— Фавор, фавор, разведчик возвращается с задания, бай «Флауэра», разведчик возвращается с розыска.

Внезапно послышался голос землянина из другого самолета, который выругался и спросил, кто это засоряет эфир своим карканьем.

Ставрос вытер внезапно выступивший пот, отключил связь и взглянул на бая.

— Еще ни разу такого не было на моей памяти, — ответил бай. — Ни разу, уважаемый. — Он нажал кнопку и вызвал молодого регула, потребовав сой и записи, а заодно выругав его за медлительность и несообразительность. Он часто дышал. Прошло довольно много времени прежде, чем он овладел собой. — Они все посходили с ума, — сказал он.

«Это их мир, — ответил Ставрос. — Они владели им еще до мри."

Слуга принос сой. Он был до того напуган, что чашки прыгали у него на подносе. Ставрос выпил несладкий напиток, и внутри, прогоняя холод, разлилось приятное тепло.

Наконец он набрался мужества, чтобы открыть штормовые щиты на окнах. Но площадь была

пуста. На всякий случай он запретил регулам и землянам выходить из здания, пока не будет полной уверенности в том, что все дусы покинули город.

Ставрос знал, что ужасное зрелище дуса, бросающегося на окно, будет теперь долго преследовать его. И если регулы способны видеть сны, то бая тоже долго будут мучить кошмары.

— Я очень стар, — неожиданно жалобно сказал Хулаг. — Я слишком стар для таких испытаний, бай Ставрос. Регул, который первым пришел в этот мир, был сумасшедшим. — Он отхлебнул сой. — Мри управляли ими. Теперь эти чудовища остались без контроля.

«Можно воздвигнуть стены, — сказал Ставрос. — Мы их построим."

Хулаг долго молчал. Он пил сой. Ноздри его часто сжимались. Наконец он вздохнул и отъехал от окна.

— Хольны, — сказал он.

«Что?"

— Хольны скрыли информацию. Я не спросил, а они не сказал. Теперь я все понял. — Ноздри бая бешено двигались, втягивая воздух. — Ставрос-бай, мы много о чем не спросили. И теперь, теперь, ты и я, Ставрос-бай, — мы с тобой почти

ничего не знаем о Кесрит. Мы знаем только ничтожно малую часть того, что должны были бы знать. Мы оба в тяжелом положении, и у нас общий враг, Ставрос-бай.

«Хольны?"

— Хольны, — сказал Хулаг. — Они оказались умнее, а я теперь не смогу предстать перед старейшинами рода, если вернусь нищим. Корабли, оборудование, все, уважаемый Ставрос. Я разорен. Но Хольны обманули и тебя.

«Бай Хулаг, ты не случайно говоришь мне все это."

— Все состояние рода Аланей, — сказал Хулаг, — здесь, со мной, в этих уцелевших юношах. Я не вернусь назад с позором на корабле землян. Мы заключим сделку, Ставрос.

«Значит, союз?"

— Союз, бай Ставрос. Торговля. Обмен. Идеи… И месть.

Ставрос сверкнул глазами.

«С Кесрит, — сказал он, — мы будем разведывать новые территории."

— Сначала нужно удержать Кесрит.

— И Хольны, и мри жили на Кесрит и пользовались ее богатствами. И дусами. Даже ими.

Он взглянул за окно, увидел черные тучи, мча-

щиеся по небу, увидел развалины порта, увидел дождь, и подумал о богатствах Кесрит, которые им предстояло разрабатывать, и впервые в его душу закралась тень сомнения.

Закрыв глаза, он снова увидел зверя в окне, такого же непонятного, неуправляемого, как сама природа. Он ненавидел дусов за то, что они были такими же безрассудными, как буря, как стихии.

Он ненавидел их всех: регулов, килуванцев, дусов.

Но они были частью Кесрит, и их нельзя было ни игнорировать, ни уничтожить.

Кесрит была странной комбинацией многих факторов, и он, Георг Ставрос, не мог управлять этими факторами. Ему приходилось делить Кесрит со зверями и регулами.

Вцепившись руками в пульт, он слушал «Флауэр», пытаясь разобраться в хаосе разговоров самолета-разведчика, который время от времени выходил на связь из разных районов поиска, пытаясь отыскать в дикой пустыне, где водятся дикие дусы, бушуют страшные ветры и с ревом проносятся ядовитые дожди, одинокую душу.

Ставрос едва не отдал приказ прекратить поиски.

Но сегодня он уже надавал «Флауэру» достаточ-

но неразумных приказов. Он не двинулся с места. Ставрос увидел, как один из самолетов сделал круг над развалинами эдуна и полетел на запад. Черная точка быстро исчезла в небесной мгле.

23

Мелеин наконец уснула. Ньюн протер усталые глаза, положил тяжелый металлический овоид на колени и привалился спиной к теплому пушистому боку дуса. Дункан лежал на животе прямо на песке. Его оборванная одежда плохо защищала от колючек и острых камней; кожа в прорехах была покрыта царапинами и солнечными ожогами. Глаза его, незащищенные вуалью, были воспалены, из них постоянно сочилась жидкость, и на мокрые следы налипла корка пыли, как у дуса, страдающего от мьюк.

Сейчас землянин слишком устал, чтобы доставить им какие-нибудь неприятности. Ньюн заметил джо, примостившегося на каменном столбе. Скорее всего, он укрылся здесь от дневной жары. Это безвредное существо выслеживало змей, свою основную пищу. Что ж, это неплохой сосед для отдыха.

Ньюн склонил голову к овоиду, обнял его руками и расслабился, решив немного поспать. Мелеин согласилась наконец сделать привал. Она сама валилась с ног, когда они остановились

здесь. Она была совсем без сил, хотя и отказывалась признать это.

Она отошла за камни, взяв с собой одеяло, сказав при этом:

— Я думаю, это поможет моему боку.

И, поскольку она не была ни кат'ен, ни кел'е'ен, то ей пришлось самой позаботиться о себе. Ньюн боялся, что у нее сломаны ребра или в них есть трещины. Сильный страх охватил Ньюна и не покидал его.

Но она вернулась, зажимая рукой бок. На ее тонких губах играла слабая улыбка. Она сказала, что чувствует себя гораздо лучше и даже постарается уснуть. Тяжесть свалилась с души Ньюна, когда он увидел, что это действительно так, что боль ее уменьшилась.

Но страх не ушел. Ньюн очень боялся остаться один, потерять Мелеин.

Остаться последним мри.

Ему снился эдун; его башни беззвучно рушились, объятые пламенем. Он проснулся, судорожно прижимая гладкий овоид к себе и думая, что он тоже проваливается в Мрак.

Но он сидел на песке, и дус неподвижно лежал рядом с ним. Джо в стремительном прыжке схватил зазевавшуюся ящерицу и снова забрался на

свой наблюдательный пункт. Там, придерживая добычу сложенными крыльями, он стал поедать ее, внимательно посматривая по сторонам.

Ньюн положил овоид рядом с собой так, чтобы все время чувствовать его, и положил голову на дуса. Он снова уснул и проснулся от того, что стало жарко. Он взглянул на взошедшее солнце и увидел, что его лучи безжалостно жгут обнаженную кожу спящего Дункана. Землянин ничего не чувствовал и не шевелился.

— Дункан, — позвал Ньюн. Он не получил ответа, неохотно наклонился вперед и толкнул землянина. — Дункан!

Коричневые глаза открылись и сонно посмотрели на него.

— Солнце, глупый ци'мри, солнце. Перейди в тень.

Дункан перебрался на новое место и снова впал в забытье, улегшись обнаженным лицом на холодный песок. Затем его глаза заморгали, открылись, и он окончательно проснулся.

— Нам пора идти? — слабым голосом спросил он.

— Нет. Спи.

Дункан поднял голову, посмотрел на Мелеин, которая еще лежала и смотрела на него. Он про-

шептал:

— Вероятно, земляне скоро будут на Кесрит. Ей нужна медицинская помощь. Ты это знаешь. Если мы убедимся, что на самолете земляне, мы должны подать им сигнал. Послушай, война окончена. Я не думаю, что ты настолько хорошо знаешь нас, чтобы верить, но мы не собираемся воевать и дальше. Никакой мести, никакой войны. Идем со мной. К землянам. Ей нужна помощь.

Ньюн терпеливо выслушал Дункана. Он понимал, что землянин верит в то, что говорит.

— Возможно, это правда, — сказал он, — но только она не примет этого.

— Она умрет. А лечение…

— Мы мри. Мы не признаем другой медицины, кроме своей. Она сделала все, что могла. Может ли чужой коснуться ее? Нет. Мы живем или умираем, мы лечимся или не лечимся. — Он пожал плечами. — Может, наша жизнь не самая разумная. Иногда мне кажется, что далеко не самая. Но мы — последние, и мы должны жить так, как жили все наши предки. Все остальное теперь не имеет смысла.

И он снова лег, думая о Мелеин, о том, как они одержали маленькую победу над ци'мри, как они сохранили свои традиции и историю своего рода.

И пальцы его ласково поглаживали поверхность металлического овоида.

— Я нарушил две традиции, — сказал он. — Со мной был ты, и, тем не менее, я нес груз. Но там, где речь идет о чести госпожи, я не пойду на компромисс. Нет. Я не верю в твоих врачей. Я не верю в твой народ и в твою жизнь. Она не для нас.

Дункан долго и сумрачно смотрел на него.

— Даже ради того, чтобы выжить?

— Даже ради этого.

— Если я вернусь к своему народу, — сказал Дункан, — то я расскажу о том, что сделали регулы, что произошло в порту ночью. Я не знаю, будет ли от этого какая-нибудь польза, изменится ли что-нибудь к лучшему. Но я должен все рассказать.

Ньюн наклонил голову — жест уважения.

— Регулы скорее убьют тебя, чем позволят говорить. А если ты надеешься, что ради этого я позволю тебе покинуть нас, то должен сказать, что ты ошибаешься.

— Ты мне не веришь.

— Я не верю твоим словам о том, что земляне помогут нам, а не регулам.

Дункан замолчал, глядя в пустоту. Он выглядел очень усталым и очень несчастным. Он вытер

струйку крови, сочившейся из царапины на подбородке, и снова лег неподвижно, хотя спать не собирался.

— Не вздумай убегать снова, — посоветовал ему Ньюн, которому не понравилось настроение Дункана. — Не пытайся. Я хорошо обращаюсь с тобой, но ты не рассчитывай на это.

Коричневые глаза взглянули на Ньюна. Глаза ци'мри. Дункан с трудом сел; он двигался так, будто у него болел каждый мускул. Скривившись от боли, он потер голову.

— Я хочу остаться живым, — сказал Дункан, — как и ты.

Слова повисли в воздухе. Это было не все.

— Это не все, это не самое важное, — сказал Ньюн.

— Я знаю, — ответил Дункан. — Перемирие до тех пор, пока ты не доставишь ее в безопасное место, до тех пор, пока она не поправится. Я знаю, ты убьешь за нее. Я знаю, что, кто бы она ни была, она очень дорога тебе.

— Госпожа, — сказал Ньюн. — Мать Дома. Она — последняя. Кел'ен — только инструмент в ее руках. Я не могу давать никаких обещаний.

— Разве не может быть другого поколения? — внезапно спросил Дункан. И Ньюн смутился, но

эти слова не оскорбили его. — Разве вы не могли бы… если бы все было по-другому…

— Мы — кровные родственники, а ее каста должна оставаться целомудренной, — мягко ответил Ньюн. Он объяснял то, что мри никогда не объясняли чужим. Это касалось не только кела, и говорить об этом было запрещено. — Каты или Келы могли бы дать ей детей, но их нет. Для нас теперь нет другого пути. Теперь мы или останемся живы, или погибнем. Мы — мри, и это больше, чем просто название расы, Дункан. Это древние традиции, и мы не можем изменить им.

— Я не буду пытаться отомстить регулам, — сказал Дункан. — Я останусь с вами. Я подожду с возвращением. У меня много времени. Все время в мире принадлежит мне.

— А у нас его нет, — сказал Ньюн. Он со страхом подумал, что Дункан во многом умнее его. Если землянин был кел'еном, то он далеко превзошел границы своей касты. Он смог предположить, что Мелеин может умереть, а этот страх постоянно жил в сердце Ньюна. Ньюн посмотрел на спящую Мелеин. Ее спокойное дыхание немного успокоило его.

— Время и покой, — сказал Дункан, — возможно, она и поправится.

— Я принимаю перемирие, — сказал Ньюн. Он отбросил мэз и, перекинув один ее конец через плечо, открыл свое лицо землянину. Это было трудно сделать, ведь он никогда не показывал свое лицо ци'мри, но сейчас он открывал лицо союзнику, и Дункан имел на это право.

Дункан долго смотрел на него. Так долго, что Ньюн смутился и поспешил отвернуться, прежде чем землянин заметил это.

— Мэз нужна. Она защищает от сухости и жары, — сказал Ньюн. — Мне не стыдно смотреть тебе в лицо. С этого момента мэз между нами не нужна.

И он снова улегся рядом с овоидом возле теплого дуса и попытался уснуть, решив, что они отправятся в путь ближе к вечеру, когда будет холодно и темно, когда, как уверены регулы, даже мри не рискнут пойти в горы ночью.

Вдали послышался гул самолета — напоминание о том, что на планете находятся чужие. Ньюн внимательно вслушивался, пытаясь определить расстояние до него. Мелеин тоже проснулась, заворочался и Дункан. Он поднял голову и стал смотреть в ту сторону, откуда доносился звук.

Был вечер. Каменные колонны стали красными. Сквозь них был виден Арайн — огромный

красный диск, дрожащий в поднимающихся от нагретого песка потоках теплого воздуха.

Мелеин попыталась подняться. Ньюн сразу же подал ей руку и помог встать. Она больше не отказывалась от его помощи. Он посмотрел на ее осунувшееся лицо и ему стало больно от того, что он ничем не может помочь ей.

— Мы должны идти, — сказала она. — Нужно спуститься в Сил'атен. Отсюда нет другого выхода, насколько я знаю. Но эти самолеты… — На ее лице отразились гнев и отвращение. — Они наблюдают за Сил'атеном. Они уверены, что мы придем туда, и если кто-нибудь поджидает нас на земле…

— Я на это очень надеюсь, — сказал Ньюн. — Меня ждет настоящее удовольствие. — Потом он вспомнил о Дункане и обрадовался, что они говорят на Высшем Языке, которого тот не понимает. Но, возможно, им придется иметь дело с регулами, которые не могут передвигаться по земле без своих машин.

— Я думаю, что нам лучше всего выйти в сумерках, — сказала Мелеин, — чтобы тропу не могли рассмотреть. Луна взойдет позже, так что мы пересечем открытое место в темноте.

— Правильно, — согласился Ньюн. — Перед

дорогой нам нужно поесть. У нас может не представиться возможности для отдыха.

И он с горечью подумал, чего будет стоить это путешествие для Мелеин.

— Дункан, — спокойно сказал Ньюн, когда они поели. — Я не могу нести больше, чем я несу сейчас. При спуске…

— Я буду помогать ей, — просто ответил Дункан.

— Вниз идти легче, — сказала Мелеин и вопросительно посмотрела на Дункана, словно его помощь была ей очень неприятна.

Это была их последняя пища. Мешок опустел, и теперь им придется охотиться и как можно быстрее найти воду. А водоносные деревья здесь встречались не часто. Ньюн думал о том, что ждет их впереди — одна трудность за другой, но все они были ничто по сравнению с тем, что ждало их прямо сейчас.

Они снова пошли по тропе, которая привела их сюда. Далеко внизу в последних лучах света виднелось дно ущелья. Ньюн крепко прижал к себе овоид. Он сам боялся этого спуска. А Мелеин… Ньюн похолодел.

«Если она сорвется…"

Он хотел предупредить Дункана, но решил, что

это только повредит возникшему между ними доверию. Землянин сам знает, что делать. Дункан взглянул на Ньюна и легонько кивнул, понимая, что хотел сказать Ньюн и соглашаясь с этим.

— Иди первым, — сказал Ньюн, и землянин расправил мэз, аккуратно закрепил ее, затем вступил на склон и протянул руку Мелеин.

— Ньюн, — негодующе сказала Мелеин. Впервые она показала свой страх. Она боялась довериться землянину, хотя была совсем беспомощна.

Но затем она протянула руку Дункану и начала осторожно спускаться. Рука Дункана поддерживала девушку, и Мелеин уверенно опиралась на нее. Они понемногу спускались, и Ньюн, держа в руках холодный тяжелый овоид, смотрел, как они исчезают в тени.

Дусы стояли рядом с ним, нервно переступая с лапы на лапу.

И вдруг позади него послышался гул.

Над колоннами кружил самолет.

Ньюн схватил футляр за ручку — нести его по-другому по узкой тропе было невозможно, — свистнул дусам и поспешил вниз, боясь, что его заметят с самолета, и еще больше опасаясь сорваться вниз прямо на Дункана и Мелеин.

Самолет пролетел прямо над головой. Рев мотора эхом отозвался в отвесных стенах ущелья. Ньюн бросился за камень, с трудом удержавшись на тропе. Из-под ног его катились мелкие камни. Заметив, что самолет пролетел, Ньюн спустился чуть ниже, в тень. Огромные тела дусов неотступно следовали за ним, разделяя его страх, его тревогу. Ньюн боялся, что ему не удастся удержать овоид; пальцы готовы были выскочить из суставов, затем боль прошла, пальцы онемели и перестали слушаться. На него сыпались камни и пыль из-под лап дусов. Он медленно сползал вниз, в темноту.

Так он съехал туда, где его ожидали Дункан и Мелеин. Лицо Дункана в темноте было еле видно. Мелеин, по-прежнему опираясь на руку Дункана, прислонилась к камню.

Она немного подвинулась, и Ньюн, зацепившись за камень, остановился и стал ждать дусов, чтобы остановить их. Скользящие по склону тела дусов уперлись в него и он, как мог, ласковыми движениями остановил и успокоил их. Они двинулись дальше.

Самолет появился вновь. Его огни мелькали прямо над головой в темнеющем небе. Ньюн, дрожа, посмотрел на самолет. У него возникло

подозрение, что их обнаружили.

Обнаружены в самое неподходящее время, в самом неподходящем месте!

Самолет вернулся опять.

Ньюн переложил овоид в правую руку и заскользил вниз, надеясь, что Мелеин и Дункан успели спуститься, так как, насколько он помнил, впереди больше не было мест, где можно было бы отдохнуть. Он скользил все быстрее и быстрее, изо всех сил стараясь цепляться за встречные камни. Он уже почти не мог контролировать свой спуск, и в конце концов его швырнуло на песок. Он упал на одно колено, а рядом с ним, вздымая облака пыли, плюхнулись дусы.

В тени виднелось светлое пятно одежды. Мелеин сидела. Рядом с ней на коленях стоял Дункан. Ее рука была прижата к губам, а другая зажимала бок. Одежда ее была в крови.

Ньюн тоже опустился рядом с ней на колени, не выпуская из рук овоид. Она не смогла удержаться от судорожного кашля. Пошла кровь.

— Это началось при спуске, — сказал Дункан. — Я думаю, это обломки ребра.

В небе опять пролетел самолет.

Ньюн посмотрел на него в слепой ярости.

— Теперь ты свободен, — сказал он Дункану,

поднялся, опустил овоид на песок. Затем посмотрел на Мелеин. Глаза ее были закрыты, лицо спокойно. Она полулежала, опираясь на руки Дункана — не было даже сен'ена, чтобы поддержать ее.

Ньюн позвал дуса и быстро пошел к выходу из ущелья, к главной долине Сил'атена.

— Ньюн, — крикнул вслед ему Дункан, но он даже не обернулся.

Ньюн увидел самолет, который садился в конце долины. Он развязал шнур сайг, высвободив руки, и закрепил его концы на поясе. Затем он размял руки, онемевшие от тяжести овоида.

Дункан бежал следом, пытаясь перехватить его. Ньюн услышал, как землянин зашелся в жестоком кашле — Кесрит жестоко мстил за пренебрежительное отношение к своему воздуху. Ньюн увидел на песке самолет и спускающегося по трапу регула. Дус угрожающе зарычал, а двое других подхватили его рычание и выстроились в линию, словно на охоте.

Ньюн увидел, что регул приготовился стрелять — оружие уже было у того в руке. Ньюн мгновенно бросился в сторону, уклоняясь от выстрела, и сразу же выстрелил сам. Глаза его были зоркими, а рука твердой. Регул скорчился. Но регулы не

умирают сразу, если попасть в их тело. Через мгновение трап пополз вверх, таща раненого регула. Ньюн проклял летчика-регула.

И тут же бросился в камни, ища укрытия, когда самолет поднялся в воздух и принялся кружить над ним. Сейчас Ньюн находился на открытом месте в главной долине, и другие самолеты присоединились к охоте.

Конечно, через некоторое время они покончат с ним. Он бежал по голому песку между камней, преследуемый самолетами. Потом, доведенный до отчаяния, Ньюн выстрелил в ближайший самолет. Первые несколько выстрелов были безрезультатными, но затем самолет покачнулся и рухнул в долину, подняв облако пыли.

Небо над ним ревело от моторов. Теперь, после того, как их товарищ погиб, они стали осторожнее.

Он бежал, изредка останавливаясь. Во рту появился медный привкус, глаза застилал туман, и он уже не мог тщательно прицеливаться. Выстрелы разбивали камни, за которыми он прятался. Один из каменных осколков ранил его, и по руке потекла теплая струйка крови.

Лучи прожекторов плясали по долине, по утесам. Спрятаться от них было невозможно. Любое

мало-мальски сносное убежище разбивалось вдребезги. Он бежал, спотыкаясь и падая, от одного камня к другому. Что стало с дусами, он не знал. Это была не их война — война огня и света.

Долина превратилась в развалины. Было разрушено все — и естественные камни и грубо сработанные каменные стены. То была последняя месть регулов его роду. Они уничтожили святыню Народа, разрушили эту планету, как разрушали все, к чему прикасались их жадные руки.

Разорвавшийся рядом снаряд заставил его покатиться по земле. Ньюн ослеп и оглох. Ему было уже некогда прицеливаться и стрелять, он мог только бежать и бежать, пока они не уничтожат его.

Самолет прижал Ньюна к земле. Пыль столбом взметнулась из-под ног. И тут ему пришла в голову счастливая мысль. Он повернул налево, к концу долины, к старому, старому месту, туда, где лежали Эддан, Лирен и Дебас, его учителя.

«Используй землю, делай ее своим союзником», — учили они его, и сквозь гул самолета он слышал их слова ясно и четко.

Ньюн упал и распростерся на песке. Самолет стал кружить над ним, потихоньку спускаясь и поливая его светом прожекторов. Ньюн лежал

неподвижно.

Он коснулся земли, и земля взорвалась. Огромная бледная тень выскочила из песка и стиснула самолет в своих объятиях. Буровер и машина сцепились, подняв тучу песка, и земля задрожала от их борьбы. Ньюн откатился в сторону и попытался бежать, но что-то снова швырнуло его на землю, затем последовал мощный удар, и он увидел, что весь мир охвачен огнем и взлетает вверх — это взорвался самолет.

И наступил мрак.

— Ньюн!

Кто-то позвал его из мрака. Это был не голос братьев, но чей-то знакомый голос.

Над ним вспыхнул свет. Он пошевелил ногами, которые были засыпаны песком, и услышал звук моторов.

— Ньюн!

Он поднял голову и поднялся на ноги, которые подгибались под ним, прикрываясь рукой от яркого слепящего света.

Ожидание.

— Ньюн! — это был голос Дункана. Изломанный силуэт на фоне ярких огней. — Не стреляй, Ньюн. Мы взяли Мелеин на борт. Она жива, Ньюн.

Он вдруг весь обмяк, ослаб, мозг отказывался

воспринимать происходящее, он едва не лишился чувств. Закон Келов эхом отозвался у него в голове: его долг — служить госпоже, и что бы там ни было, он не мог оставить ее одну в руках чужих.

— Что вы от меня хотите? — крикнул он. Голос его дрожал от ярости и гнева. Дункан оказался предателем. — Дункан, я напомню тебе, что ты поклялся…

— Идем, — спокойно сказал Дункан. — Идем с нами, Ньюн. Никто не причинит тебе вреда. Я клянусь тебе.

Ньюн колебался, но силы оставили его, и он, безнадежно махнув рукой, медленно пошел навстречу свету, навстречу темным высоким силуэтам землян, которые ждали его.

Во всяком случае, лучше, чем регулы.

И краем глаза он заметил приземистый темный расплывшийся силуэт, уловил его движение и понял, что это предательство.

Его руки метнулись к ас'сеям и тут же бросили их. И сразу же огонь ударил его. Ощутить под собой песок родной планеты он уже не успел.

— Хада Сураг-ги убит. Мри прикончил его, — сказал Галей.

Дункан вытер лицо, и тем же жестом стащил

с себя головной убор мри, и пробежал пальцами по медным волосам.

Он влез в тесную кабину самолета и подчинился врачу, который уже дважды приказывал ему сесть.

Он уселся на болтающийся в полете стол, и посмотрел на двух мри, завернутых в белое. Переплетение трубок, по которым что-то переливалось, странные приборы — все это поддерживало их жизнь теми методами, которые мри посчитали бы неприемлемыми для себя, если бы знали об этом.

Но у них будет шанс узнать.

— Они оба выкарабкаются, — сказал врач. И затем он нахмурился, глядя на прикрытого простыней регула:

— Этот регул был далеко не последним офицером в Номе. Будет несколько вопросов.

— Мы на все найдем ответы, — спокойно сказал Дункан и с неприязнью посмотрел на врача. Он сел, поджав под себя ноги, по-прежнему в грязной и оборванной одежде мри. Мысли его витали где-то далеко. Наконец врач пошел поболтать с экипажем.

Когда улеглось первое возбуждение от того, что они отыскали его живым, с ним почти не разго-

варивали. Скорее всего, им было немного жутко смотреть на незнакомого человека, который вернулся живым из диких пустынь Кесрит, да еще в компании с двумя мри; человека, который с такой непонятной горячностью требовал, чтобы не забыли взять какое-то сокровище мри.

Дункан коснулся лба Мелеин, поправил ее золотые волосы, отмечая движение импульсов на мониторах, которые указывали на то, что они живы. Золотистые глаза Мелеин открылись, и она, казалось, осматривала любопытное место, в котором находится, которое видела в редкие интервалы своего пробуждения, пребывая на границе между сном и реальностью. Она была удивительно спокойна, словно смирившись с тем, что оказалась здесь. Он взял ее длинные узкие пальцы, и она ответила ему еле заметным пожатием.

— С Ньюном все в порядке, — сказал Дункан. Он не был уверен, что девушка поняла, поскольку она даже не моргнула. — То, что тебе нужно, тоже здесь, — добавил он, но она по-прежнему не реагировала. Вероятно, все это было где-то далеко от нее, ведь им дали большую дозу наркотиков.

— Кел'ен, — прошептала она.

— Госпожа, — ответил он, решив, что она спу-

тала его с Ньюном.

— Должен быть корабль, — сказала она. — Путь с Кесрит.

— Корабль будет, — ответил он. И она поверила.

Война закончилась. Они свободны от регулов. Корабль землян — а он обязательно будет — это их шанс. Это было самое большее, что мри могли просить у ци'мри.

— Корабль будет, — сказал он, и тогда она закрыла глаза.

— Шон'ай, — пробормотала она с лукавой слабой улыбкой. Он не знал этого слова, но подумал, что Мелеин имеет в виду согласие.

Стол наклонился. Они заходили на посадку. Дункан сказал ей об этом.